

ИОСИФ ВИССАРИОНОВИЧ СТАЛИН

БОРЬБА

КЛАССОВ

№ 7 **И Ю Л Ь**
1936

ИСТОРИЧЕСКИЙ МАССОВЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

6-й год издания

И. К. П.
Кабинет истории

**Постановление Президиума Центрального Исполнительного
Комитета Союза ССР**

О КОНСТИТУЦИИ СОЮЗА ССР

Заслушав доклад Председателя Конституционной Комиссии тов. **Сталина** о проекте Конституции СССР, Президиум ЦИК Союза ССР постановляет:

1. Одобрить проект Конституции Союза ССР, представленный Конституционной Комиссией ЦИК Союза ССР.
2. Созвать Всесоюзный съезд советов для рассмотрения проекта Конституции Союза ССР.
3. Срок созыва Всесоюзного съезда советов установить 25 ноября 1936 года.
4. Опубликовать проект Конституции Союза ССР для все-народного обсуждения.

**Председатель Центрального Исполнительного
Комитета Союза ССР М. КАЛИНИН.**

**И.о. Секретаря Центрального Исполнительного
Комитета Союза ССР И. УНШЛИХТ.**

Москва, Кремль, 11 июня 1936 года.

Проект Конституции Союза ССР, представленный
Конституционной Комиссией ЦИК Союза ССР и одобренный
Президиумом ЦИК Союза ССР для внесения на рассмотрение
Всесоюзного съезда советов

КОНСТИТУЦИЯ (основной закон)

СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

ГЛАВА I.

ОБЩЕСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО

СТАТЬЯ 1. Союз Советских Социалистических Республик есть социалистическое государство рабочих и крестьян.

СТАТЬЯ 2. Политическую основу СССР составляют Советы депутатов трудящихся, выросшие и окрепшие в результате свержения власти помещиков и капиталистов и завоевания диктатуры пролетариата.

СТАТЬЯ 3. Вся власть в СССР принадлежит трудящимся города и деревни в лице Советов депутатов трудящихся.

СТАТЬЯ 4. Экономическую основу СССР составляют социалистическая система хозяйства и социалистическая собственность на орудия и средства производства, утвердившиеся в результате ликвидации капиталистической системы хозяйства, отмены частной собственности на орудия и средства производства и уничтожения эксплуатации человека человеком.

СТАТЬЯ 5. Социалистическая собственность в СССР имеет либо форму государственной собственности (всенародное достояние), либо форму кооперативно-колхозной собственности (собственность отдельных колхозов, собственность кооперативных объединений).

СТАТЬЯ 6. Земля, ее недра, воды, леса, заводы, фабрики, шахты, рудники, железнодорожный, водный и воздушный транспорт, банки, средства связи, организованные государством крупные сельскохозяйственные предприятия (совхозы, машинотракторные станции и т. п.), а также основной жилищный фонд в городах и промышленных пунктах являются государственной собственностью, то-есть всенародным достоянием.

СТАТЬЯ 7. Общественные предприятия в колхозах и кооперативных организациях с их живым и мертвым инвентарем, производимая колхозами и кооперативными организациями продукция, равно как их общественные постройки составляют общественную, социалистическую собственность колхозов и кооперативных организаций.

Каждый колхозный двор имеет в личном пользовании небольшой приусадебный участок земли и в личной собственности подсобное хозяйство на приусадебном участке, жилой дом, продуктивный скот, птицу и мелкий сельскохозяйственный инвентарь — согласно устава сельскохозяйственной артели.

СТАТЬЯ 8. Земля, занимаемая колхозами, закрепляется за ними в бессрочное пользование, то-есть, навечно.

СТАТЬЯ 9. Наряду с социалистической системой хозяйства, являющейся господствующей формой хозяйства в СССР, допускается законом мелкое частное хозяйство единоличных крестьян и кустарей, основанное на личном труде и исключаящее эксплуатацию чужого труда.

СТАТЬЯ 10. Личная собственность граждан на их трудовые доходы и сбережения, на жилой дом и подсобное домашнее хозяйство, на предметы домашнего хозяйства и обихода, равно как на предметы личного потребления и удобства — охраняется законом.

СТАТЬЯ 11. Хозяйственная жизнь СССР определяется и направляется государственным народно-хозяйственным планом в интересах увеличения общественного богатства, неуклонного подъема материального и культурного уровня трудящихся, укрепления независимости СССР и усиления его обороноспособности.

СТАТЬЯ 12. Труд в СССР является обязанностью каждого способного к труду гражданина по принципу: «кто не работает, тот не ест».

В СССР осуществляется принцип социализма: «от каждого по его способностям, каждому — по его труду».

ГЛАВА II.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО

СТАТЬЯ 13. Союз Советских Социалистических Республик есть союзное государство, образованное на основе добровольного объединения равноправных Советских Социалистических Республик:

Российской Советской Федеративной Социалистической Республики,
Украинской Советской Социалистической Республики,
Белорусской Советской Социалистической Республики,
Азербайджанской Советской Социалистической Республики,
Грузинской Советской Социалистической Республики,
Армянской Советской Социалистической Республики,
Туркменской Советской Социалистической Республики,
Узбекской Советской Социалистической Республики,
Таджикской Советской Социалистической Республики,
Казахской Советской Социалистической Республики,
Киргизской Советской Социалистической Республики.

СТАТЬЯ 14. Ведению Союза Советских Социалистических Республик в лице его высших органов власти и органов государственного управления подлежат:

- а) представительство Союза в международных сношениях, заключение и ратификация договоров с другими государствами;
- б) вопросы войны и мира;
- в) принятие в состав СССР новых республик;
- г) контроль за исполнением Конституции СССР и обеспечение соответствия Конституций союзных республик с Конституцией СССР;
- д) утверждение изменений границ между союзными республиками;
- е) организация обороны СССР и руководство всеми вооруженными силами СССР;
- ж) внешняя торговля на основе государственной монополии;
- з) охрана государственной безопасности;
- и) установление народно-хозяйственных планов СССР;
- к) утверждение единого государственного бюджета СССР, а также налогов и доходов, поступающих на образование бюджетов союзного, республиканских и местных;
- л) управление банками, промышленными и сельскохозяйственными учреждениями и предприятиями, а также торговыми предприятиями — общесоюзного значения;

- м) управление транспортом и связью;
- н) руководство денежной и кредитной системой;
- о) организация государственного страхования имущества;
- п) заключение и предоставление займов;
- р) установление основных начал землепользования, а равно пользования недрами, лесами и водами;
- с) установление основных начал в области просвещения и здравоохранения;
- т) организация единой системы народно-хозяйственного учета;
- у) установление основ законодательства о труде;
- ф) законодательство о судостроительстве и судопроизводстве; уголовный и гражданский кодексы;
- х) законы о союзном гражданстве; законы о правах иностранцев;
- ц) издание общесоюзных актов об амнистии.

СТАТЬЯ 15. Суверенитет союзных республик ограничен лишь в пределах, указанных в статье 14 Конституции СССР. Вне этих пределов каждая Союзная республика осуществляет государственную власть самостоятельно. СССР охраняет суверенные права союзных республик.

СТАТЬЯ 16. Каждая Союзная республика имеет свою Конституцию, учитывающую особенности республики и построенную в полном соответствии с Конституцией СССР.

СТАТЬЯ 17. За каждой Союзной республикой сохраняется право свободного выхода из СССР.

СТАТЬЯ 18. Территория союзных республик не может быть изменяема без их согласия.

СТАТЬЯ 19. Законы СССР имеют одинаковую силу на территории всех союзных республик.

СТАТЬЯ 20. В случае расхождения закона Союзной республики с законом общесоюзным, действует общесоюзный закон.

СТАТЬЯ 21. Для граждан СССР устанавливается единое союзное гражданство.

Всякий гражданин Союзной республики является гражданином СССР.

СТАТЬЯ 22. Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика состоит из краев: Азово-Черноморского, Дальне-Восточного, Западно-Сибирского, Красноярского, Северо-Кавказского; областей: Воронежской, Восточно-Сибирской, Горьковской, Западной, Ивановской, Калининской, Кировской, Куйбышевской, Курской, Ленинградской, Московской, Омской, Оренбургской, Саратовской, Свердловской, Северной, Сталинградской, Челябинской, Ярославской; автономных советских социалистических республик: Татарской, Башкирской, Дагестанской, Бурят-Монгольской, Кабардино-Балкарской, Калмыцкой, Карельской, Коми, Крымской, Марийской, Мордовской, Немцев Поволжья, Северо-Осетинской, Удмуртской, Чечено-Ингушской, Чувашской, Якутской; автономных областей: Адыгейской, Еврейской, Карачаевской, Ойротской, Хакасской, Черкесской.

СТАТЬЯ 23. Украинская Советская Социалистическая Республика состоит из областей: Винницкой, Днепропетровской, Донецкой, Киевской, Одесской, Харьковской, Черниговской и Молдавской Автономной Советской Социалистической Республики.

СТАТЬЯ 24. В Азербайджанской Советской Социалистической Республике состоят Нахичеванская Автономная Советская Социалистическая Республика и Нагорно-Карабахская автономная область.

СТАТЬЯ 25. В Грузинской Советской Социалистической Республике состоят: Абхазская АССР, Аджарская АССР, Юго-Осетинская автономная область.

СТАТЬЯ 26. В Узбекской Советской Социалистической Республике состоит Кара-Калпакская АССР.

СТАТЬЯ 27. В Таджикской Советской Социалистической Республике состоит Горно-Бадахшанская автономная область.

СТАТЬЯ 28. Казахская Советская Социалистическая Республика состоит из областей: Актюбинской, Алма-Атинской, Восточно-Казахстанской, Западно-Казахстанской, Карагандинской, Южно-Казахстанской.

СТАТЬЯ 29. Армянская ССР, Белорусская ССР, Туркменская ССР и Киргизская ССР не имеют в своем составе автономных республик, равно как краев и областей.

ГЛАВА III.

ВЫСШИЕ ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

СТАТЬЯ 30. Высшим органом государственной власти СССР является Верховный Совет СССР.

СТАТЬЯ 31. Верховный Совет СССР осуществляет все права, присвоенные Союзу Советских Социалистических Республик согласно статье 14 Конституции, поскольку они не входят, в силу Конституции, в компетенцию подотчетных Верховному Совету СССР органов СССР: Президиума Верховного Совета СССР, Совета Народных Комиссаров СССР и Народных Комиссариатов СССР.

СТАТЬЯ 32. Законодательная власть СССР осуществляется исключительно Верховным Советом СССР.

СТАТЬЯ 33. Верховный Совет СССР состоит из двух палат: Совета Союза и Совета Национальностей.

СТАТЬЯ 34. Совет Союза избирается гражданами СССР по норме: один депутат на 300 тысяч населения.

СТАТЬЯ 35. Совет Национальностей составляется из депутатов, выделяемых Верховными Советами союзных и автономных республик и Советами депутатов трудящихся автономных областей: по десять депутатов от каждой союзной республики, по пять депутатов от каждой автономной республики и по два депутата от каждой автономной области.

СТАТЬЯ 36. Верховный Совет СССР избирается сроком на четыре года.

СТАТЬЯ 37. Обе палаты Верховного Совета СССР: Совет Союза и Совет Национальностей равноправны.

СТАТЬЯ 38. Совету Союза и Совету Национальностей в одинаковой мере принадлежит законодательная инициатива.

СТАТЬЯ 39. Закон считается утвержденным, если он принят обоими палатами Верховного Совета СССР простым большинством каждой.

СТАТЬЯ 40. Законы, принятые Верховным Советом СССР, публикуются за подписями председателя и секретаря Президиума Верховного Совета СССР.

СТАТЬЯ 41. Сессии Совета Союза и Совета Национальностей начинаются и заканчиваются одновременно.

СТАТЬЯ 42. Совет Союза избирает председателя Совета Союза и двух его заместителей.

СТАТЬЯ 43. Совет Национальностей избирает председателя Совета Национальностей и двух его заместителей.

СТАТЬЯ 44. Председатели Совета Союза и Совета Национальностей руководят заседаниями соответствующих палат и ведают их внутренним распорядком.

СТАТЬЯ 45. Совместные заседания обеих палат Верховного Совета СССР ведут поочередно председатели Совета Союза и Совета Национальностей.

СТАТЬЯ 46. Сессии Верховного Совета СССР созываются Президиумом Верховного Совета СССР два раза в год.

Внеочередные сессии созываются Президиумом Верховного Совета СССР по его усмотрению или по требованию одной из союзных республик.

СТАТЬЯ 47. В случае разногласия между Советом Союза и Советом Национальностей вопрос передается на разрешение согласительной комиссии, образованной на паритетных началах. Если согласительная комиссия не приходит к согласному решению или если ее решение не удовлетворяет одну из палат, вопрос рассматривается вторично в палатах. При отсутствии согласного решения двух палат, Президиум Верховного Совета СССР распускает Верховный Совет СССР и назначает новые выборы.

СТАТЬЯ 48. Верховный Совет СССР избирает на совместном заседании обеих палат Президиум Верховного Совета СССР в составе: председателя Президиума Верховного Совета СССР, четырех его заместителей, секретаря Президиума и 31 члена Президиума.

Президиум Верховного Совета СССР подотчетен Верховному Совету СССР во всей своей деятельности.

СТАТЬЯ 49. Президиум Верховного Совета СССР:

- а) созывает сессии Верховного Совета СССР;
- б) дает толкование действующих законов, издавая соответствующие указы;
- в) распускает Верховный Совет СССР на основании 47 статьи Конституции СССР и назначает новые выборы;
- г) производит всенародный опрос (референдум) по своей инициативе или по требованию одной из союзных республик;
- д) отменяет постановления и распоряжения Совета Народных Комиссаров СССР и Советов Народных Комиссаров республик в случае их несоответствия закону;
- е) в период между сессиями Верховного Совета СССР освобождает от должности и назначает отдельных Народных Комиссаров СССР по представлению председателя Совета Народных Комиссаров СССР с последующим внесением на утверждение Верховного Совета СССР;
- ж) награждает орденами СССР;
- з) осуществляет право помилования;
- и) назначает и сменяет высшее командование вооруженных сил СССР;
- к) в период между сессиями Верховного Совета СССР объявляет состояние войны в случае военного нападения на СССР;
- л) объявляет общую и частичную мобилизацию;
- м) ратифицирует международные договоры;
- н) назначает и отзывает полномочных представителей СССР в иностранных государствах;
- о) принимает аккредитование дипломатических представителей иностранных государств.

СТАТЬЯ 50. Совет Союза и Совет Национальностей избирают мандатные комиссии, которые проверяют полномочия депутатов каждой палаты. По представлению мандатной комиссии палаты решают либо признать полномочия, либо кассировать выборы отдельных депутатов.

СТАТЬЯ 51. Верховный Совет СССР назначает, когда он сочтет необходимым, следственные и ревизионные комиссии по любому вопросу.

Все учреждения и должностные лица обязаны выполнять требования этих комиссий и представлять им необходимые материалы и документы.

СТАТЬЯ 52. Депутат Верховного Совета СССР не может быть привлечен к судебной ответственности или арестован без согласия Верховного Совета СССР, а в период, когда нет сессии Верховного Совета СССР, — без согласия Президиума Верховного Совета СССР.

СТАТЬЯ 53. По истечении полномочий или после досрочного роспуска Верховного Совета СССР Президиум Верховного Совета СССР со-

храняет свои полномочия вплоть до образования вновь избранным Верховным Советом СССР нового Президиума Верховного Совета СССР.

СТАТЬЯ 54. По истечении полномочий или в случае досрочного роспуска Верховного Совета СССР Президиум Верховного Совета СССР назначает новые выборы в срок не более двух месяцев со дня истечения полномочий или роспуска Верховного Совета СССР.

СТАТЬЯ 55. Вновь избранный Верховный Совет СССР созывается Президиумом Верховного Совета СССР прежнего состава не позже, как через месяц после выборов.

СТАТЬЯ 56. Верховный Совет СССР образует на совместном заседании обеих палат Правительство СССР — Совет Народных Комиссаров СССР.

ГЛАВА IV.

ВЫСШИЕ ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК

СТАТЬЯ 57. Высшим органом государственной власти Союзной республики является Верховный Совет Союзной республики.

СТАТЬЯ 58. Верховный Совет Союзной республики избирается гражданами республики сроком на четыре года.

Нормы представительства устанавливаются Конституциями союзных республик.

СТАТЬЯ 59. Верховный Совет Союзной республики является единственным законодательным органом республики.

СТАТЬЯ 60. Верховный Совет Союзной республики:

а) принимает Конституцию республики и вносит в нее изменения в соответствии со статьей 16 Конституции СССР;

б) утверждает Конституции находящихся в ее составе автономных республик и определяет границы их территории;

в) утверждает народно-хозяйственный план и бюджет республики;

г) пользуется правом амнистии и помилования граждан, осужденных судебными органами Союзной республики.

СТАТЬЯ 61. Верховный Совет Союзной республики избирает Президиум Верховного Совета Союзной республики в составе: председателя Президиума Верховного Совета Союзной республики, его заместителей и членов Президиума Верховного Совета Союзной республики.

Полномочия Президиума Верховного Совета Союзной республики определяются Конституцией Союзной республики.

СТАТЬЯ 62. Для ведения заседаний Верховный Совет Союзной республики избирает своего председателя и его заместителей.

СТАТЬЯ 63. Верховный Совет Союзной республики образует правительство Союзной республики — Совет Народных Комиссаров Союзной республики.

ГЛАВА V.

ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

СТАТЬЯ 64. Высшим исполнительным и распорядительным органом государственной власти Союза Советских Социалистических Республик является Совет Народных Комиссаров СССР.

СТАТЬЯ 65. Совет Народных Комиссаров СССР ответственен перед Верховным Советом СССР и ему подотчетен.

СТАТЬЯ 66. Совет Народных Комиссаров СССР издает постановления и распоряжения на основе и во исполнение действующих законов и проверяет исполнение.

СТАТЬЯ 67. Постановления и распоряжения Совета Народных Комиссаров СССР обязательны к исполнению на всей территории СССР.

СТАТЬЯ 68. Совет Народных Комиссаров СССР:

а) объединяет и направляет работу общесоюзных и союзно-республиканских Народных Комиссариатов СССР и других подведомственных ему хозяйственных и культурных учреждений;

б) принимает меры по осуществлению народно-хозяйственного плана, государственного бюджета и укреплению кредитно-денежной системы;

в) принимает меры по обеспечению общественного порядка, защите интересов государства и охране прав граждан;

г) осуществляет общее руководство в области сношений с иностранными государствами;

д) определяет ежегодные контингенты граждан, подлежащих призыву на действительную военную службу, руководит общим строительством вооруженных сил страны.

СТАТЬЯ 69. Совет Народных Комиссаров СССР имеет право по отраслям управления и хозяйства, отнесенным к компетенции СССР, приостанавливать постановления и распоряжения Советов Народных Комиссаров Союзных республик и отменять приказы и инструкции Народных Комиссаров СССР.

СТАТЬЯ 70. Совет Народных Комиссаров СССР образуется Верховным Советом СССР в составе:

Председателя Совета Народных Комиссаров СССР;

Заместителей председателя Совета Народных Комиссаров СССР;

Председателя Государственной плановой комиссии СССР;

Председателя Комиссии советского контроля;

Народных Комиссаров СССР;

Председателя Комитета заготовок;

Председателя Комитета по делам искусств;

Председателя Комитета по делам высшей школы.

СТАТЬЯ 71. Правительство СССР или Народный Комиссар СССР, к которым обращен запрос депутатов Верховного Совета СССР, обязаны не более чем в трехдневный срок дать устный или письменный ответ в соответствующей палате.

СТАТЬЯ 72. Народные Комиссары СССР ведают отраслями государственного управления, входящими в компетенцию СССР.

СТАТЬЯ 73. Народные Комиссары СССР издают в пределах компетенции соответствующих Народных Комиссариатов приказы и инструкции на основании и во исполнение действующих законов, а также постановлений и распоряжений Совета Народных Комиссаров СССР и проверяют их исполнение.

СТАТЬЯ 74. Народные Комиссариаты СССР являются или общесоюзными или союзно-республиканскими.

СТАТЬЯ 75. Общесоюзные Народные Комиссариаты ведают порученной им отраслью государственного управления на всей территории СССР или непосредственно или через назначаемые ими органы.

СТАТЬЯ 76. Союзно-республиканские Народные Комиссариаты ведают порученной им отраслью государственного управления через одноименные Народные Комиссариаты союзных республик.

СТАТЬЯ 77. К общесоюзным Народным Комиссариатам относятся Народные Комиссариаты:

Обороны;

Иностранных дел;

Внешней торговли;
Путей сообщения;
Связи;
Водного транспорта;
Тяжелой промышленности.

СТАТЬЯ 78. К союзно-республиканским Народным Комиссариатам относятся Народные Комиссариаты:

Пищевой промышленности;
Легкой промышленности;
Лесной промышленности;
Земледелия;
Зерновых и животноводческих совхозов;
Финансов;
Внутренней торговли;
Внутренних дел;
Юстиции;
Здравоохранения.

ГЛАВА VI.

ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК

СТАТЬЯ 79. Высшим исполнительным и распорядительным органом государственной власти Союзной республики является Совет Народных Комиссаров Союзной республики.

СТАТЬЯ 80. Совет Народных Комиссаров Союзной республики ответственен перед Верховным Советом Союзной республики и ему подотчетен.

СТАТЬЯ 81. Совет Народных Комиссаров Союзной республики издает постановления и распоряжения на основе и во исполнение действующих законов СССР и Союзной республики, постановлений и распоряжений Совета Народных Комиссаров СССР и проверяет их исполнение.

СТАТЬЯ 82. Совет Народных Комиссаров Союзной республики имеет право приостанавливать постановления и распоряжения Советов Народных Комиссаров автономных республик и отменять решения и распоряжения исполнительных комитетов советов депутатов трудящихся краев, областей и автономных областей.

СТАТЬЯ 83. Совет Народных Комиссаров Союзной республики образуется Верховным Советом Союзной республики в составе:

Председателя Совета Народных Комиссаров Союзной республики;
Заместителей председателя;
Председателя Государственной плановой комиссии;
Народных Комиссаров:
Пищевой промышленности;
Легкой промышленности;
Лесной промышленности;
Земледелия;
Зерновых и животноводческих совхозов;
Финансов;
Внутренней торговли;
Внутренних дел;
Юстиции;
Здравоохранения;
Просвещения;
Местной промышленности;

Коммунального хозяйства;

Социального обеспечения;

Уполномоченного Комитета заготовок;

Начальника Управления по делам искусств;

Уполномоченных общесоюзных Народных Комиссариатов.

СТАТЬЯ 84. Народные Комиссары Союзной республики ведают отраслями государственного управления, входящими в компетенцию Союзной республики.

СТАТЬЯ 85. Народные Комиссары Союзной республики издают в пределах компетенции соответствующих Народных Комиссариатов приказы и инструкции на основании и во исполнение законов СССР и Союзной республики, постановлений и распоряжений Совета Народных Комиссаров СССР и Союзной республики, приказов и инструкций союзно-республиканских Народных Комиссариатов СССР.

СТАТЬЯ 86. Народные Комиссариаты Союзной республики являются союзно-республиканскими или республиканскими.

СТАТЬЯ 87. Союзно-республиканские Народные Комиссариаты ведают порученной им отраслью государственного управления, подчиняясь как Совету Народных Комиссаров Союзной республики, так и соответствующему союзно-республиканскому Народному Комиссариату СССР.

СТАТЬЯ 88. Республиканские Народные Комиссариаты ведают порученной им отраслью государственного управления, подчиняясь непосредственно Совету Народных Комиссаров Союзной республики.

ГЛАВА VII.

ВЫСШИЕ ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ АВТОНОМНЫХ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

СТАТЬЯ 89. Высшим органом государственной власти Автономной республики является Верховный Совет АССР.

СТАТЬЯ 90. Верховный Совет Автономной республики избирается гражданами республики сроком на четыре года по нормам представительства, устанавливаемым Конституцией Автономной республики.

СТАТЬЯ 91. Верховный Совет Автономной республики является единственным законодательным органом АССР.

СТАТЬЯ 92. Каждая Автономная республика имеет свою Конституцию, учитывающую особенности Автономной республики и построенную в полном соответствии с Конституцией Союзной республики.

СТАТЬЯ 93. Верховный Совет Автономной республики избирает президиум Верховного Совета Автономной республики и образует Совет Народных Комиссаров Автономной республики, согласно своей Конституции.

ГЛАВА VIII.

МЕСТНЫЕ ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

СТАТЬЯ 94. Органами государственной власти в краях, областях, автономных областях, округах, районах, городах, селах (станциях, деревнях, хуторах, кишлаках, аулах) являются Советы депутатов трудящихся.

СТАТЬЯ 95. Краевые, областные, автономных областей, окружные, районные, городские, сельские (станец, деревень, хуторов, кишлаков, аулов) Советы депутатов трудящихся избираются соответственно трудящимися края, области, автономной области, округа, района, города, села сроком на два года.

СТАТЬЯ 96. Нормы представительства в Советы депутатов трудящихся определяются Конституциями союзных республик.

СТАТЬЯ 97. Советы депутатов трудящихся руководят деятельностью подчиненных им органов управления, обеспечивают охрану государственного порядка, соблюдение законов и охрану прав граждан, осуществляют местное хозяйственное и культурное строительство, устанавливают местный бюджет.

СТАТЬЯ 98. Советы депутатов трудящихся принимают решения и дают распоряжения в пределах прав, предоставленных им законами СССР и Союзной республики.

СТАТЬЯ 99. Исполнительными и распорядительными органами краевых, областных, автономных областей, окружных, районных и городских Советов депутатов трудящихся являются избираемые ими исполнительные комитеты в составе: председателя, его заместителя и членов.

СТАТЬЯ 100. Исполнительным и распорядительным органом сельских Советов депутатов трудящихся в небольших поселениях, в соответствии с Конституциями союзных республик, являются избираемые ими председатель и его заместители.

СТАТЬЯ 101. Исполнительные органы Советов депутатов трудящихся непосредственно подотчетны как Совету депутатов трудящихся, их избравшему, так и исполнительному органу вышестоящего Совета депутатов трудящихся.

ГЛАВА IX.

СУД И ПРОКУРАТУРА

СТАТЬЯ 102. Правосудие в СССР осуществляется Верховным Судом СССР, Верховными Судами союзных республик, краевыми и областными судами, судами автономных республик и автономных областей, специальными судами СССР, создаваемыми по определению Верховного Совета СССР, народными судами.

СТАТЬЯ 103. Рассмотрение дел во всех судах осуществляется с участием народных заседателей, кроме случаев, специально предусмотренных законом.

СТАТЬЯ 104. Верховный Суд СССР является высшим судебным органом. На Верховный Суд СССР возлагается надзор за деятельностью всех судебных органов СССР и союзных республик.

СТАТЬЯ 105. Верховный Суд СССР и специальные суды СССР избираются Верховным Советом СССР сроком на пять лет.

СТАТЬЯ 106. Верховные Суды союзных республик избираются Верховными Советами союзных республик сроком на пять лет.

СТАТЬЯ 107. Верховные Суды автономных республик избираются Верховными Советами автономных республик сроком на пять лет.

СТАТЬЯ 108. Краевые и областные суды, суды автономных областей избираются краевыми или областными Советами депутатов трудящихся или советами депутатов трудящихся автономных областей сроком на пять лет.

СТАТЬЯ 109. Народные суды избираются гражданами района на основе всеобщего, прямого и равного избирательного права при тайном голосовании—сроком на три года.

СТАТЬЯ 110. Судопроизводство ведется на языке союзной или автономной республики или автономной области с обеспечением для лиц, не вла-

деющих этим языком, полного ознакомления с материалами дела через переводчика, а также права выступать на суде на родном языке.

СТАТЬЯ 111. Разбирательство дел во всех судах СССР открытое, поскольку законом не предусмотрены исключения, с обеспечением обвиняемому права на защиту.

СТАТЬЯ 112. Судьи независимы и подчиняются только закону.

СТАТЬЯ 113. Высший надзор за точным исполнением законов всеми Народными Комиссариатами и подведомственными им учреждениями, равно как отдельными должностными лицами, а также гражданами СССР возлагается на Прокурора СССР.

СТАТЬЯ 114. Прокурор СССР назначается Верховным Советом СССР сроком на семь лет.

СТАТЬЯ 115. Республиканские, краевые, областные прокуроры, а также прокуроры автономных республик и автономных областей назначаются Прокурором СССР сроком на пять лет.

СТАТЬЯ 116. Районные прокуроры назначаются прокурорами союзных республик с утверждения Прокурора СССР сроком на пять лет.

СТАТЬЯ 117. Органы прокуратуры осуществляют свои функции независимо от каких бы то ни было местных органов, подчиняясь только Прокурору СССР.

ГЛАВА X.

ОСНОВНЫЕ ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ ГРАЖДАН

СТАТЬЯ 118. Граждане СССР имеют право на труд — право на получение гарантированной работы с оплатой их труда в соответствии с его количеством и качеством.

Право на труд обеспечивается социалистической организацией народного хозяйства, неуклонным ростом производительных сил советского общества, отсутствием хозяйственных кризисов и ликвидацией безработицы.

СТАТЬЯ 119. Граждане СССР имеют право на отдых.

Право на отдых обеспечивается сокращением рабочего дня для подавляющего большинства рабочих до 7 часов, установлением ежегодных отпусков рабочим и служащим с сохранением заработной платы, предоставлением для обслуживания трудящихся широкой сети санаториев, домов отдыха, клубов.

СТАТЬЯ 120. Граждане СССР имеют право на материальное обеспечение в старости, а также — в случае болезни и потери трудоспособности.

Это право обеспечивается широким развитием социального страхования рабочих и служащих за счет государства, бесплатной медицинской помощью, предоставлением в пользование трудящимся широкой сети курортов.

СТАТЬЯ 121. Граждане СССР имеют право на образование.

Это право обеспечивается всеобщим-обязательным начальным образованием, бесплатностью образования, включая высшее образование, системой государственных стипендий подавляющему большинству учащихся в высшей школе, обучением в школах на родном языке, организацией на заводах, в совхозах, машинотракторных станциях и колхозах бесплатного производственного, технического и агрономического обучения трудящихся.

СТАТЬЯ 122. Женщине в СССР предоставляются равные права с мужчиной во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни.

Возможность осуществления этих прав женщин обеспечивается предоставлением женщине равного с мужчиной права на труд, оплату труда,

отдых, социальное страхование и образование, государственной охраной интересов матери и ребенка, предоставлением женщине при беременности отпусков с сохранением содержания, широкой сетью родильных домов, детских ясель и садов.

СТАТЬЯ 123. Равноправие граждан СССР, независимо от их национальности и расы, во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни является непреложным законом.

Какое бы то ни было прямое или косвенное ограничение прав или, наоборот, установление прямых или косвенных преимуществ граждан в зависимости от их расовой и национальной принадлежности, равно как всякая гроповедь расовой или национальной исключительности, или ненависти и пренебрежения — караются законом.

СТАТЬЯ 124. В целях обеспечения за гражданами свободы совести церковь в СССР отделена от государства и школа от церкви. Свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами.

СТАТЬЯ 125. В соответствии с интересами трудящихся и в целях укрепления социалистического строя гражданам СССР гарантируется:

- а) свобода слова,
- б) свобода печати,
- в) свобода собраний и митингов,
- г) свобода уличных шествий и демонстраций.

Эти права граждан обеспечиваются предоставлением трудящимся и их организациям типографий, запасов бумаги, общественных зданий, улиц, средств связи и других материальных условий, необходимых для их осуществления.

СТАТЬЯ 126. В соответствии с интересами трудящихся и в целях развития организационной самостоятельности и политической активности народных масс гражданам СССР обеспечивается право объединения в общественные организации: профессиональные союзы, кооперативные объединения, организации молодежи, спортивные и оборонные организации, культурные, технические и научные общества, а наиболее активные и сознательные граждане из рядов рабочего класса и других слоев трудящихся объединяются в коммунистическую партию СССР, являющуюся передовым отрядом трудящихся в их борьбе за укрепление и развитие социалистического строя и представляющую руководящее ядро всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных.

СТАТЬЯ 127. Гражданам СССР обеспечивается неприкосновенность личности. Никто не может быть подвергнут аресту иначе как по постановлению суда или с санкции прокурора.

СТАТЬЯ 128. Неприкосновенность жилища граждан и тайна переписки охраняются законом.

СТАТЬЯ 129. СССР предоставляет право убежища иностранным гражданам, преследуемым за защиту интересов трудящихся, или научную деятельность, или национально-освободительную борьбу.

СТАТЬЯ 130. Каждый гражданин СССР обязан соблюдать Конституцию Союза Советских Социалистических Республик, исполнять законы, блюсти дисциплину труда, честно относиться к общественному долгу, уважать правила социалистического общежития.

СТАТЬЯ 131. Каждый гражданин СССР обязан беречь и укреплять общественную, социалистическую собственность, как священную и неприкосновенную основу советского строя, как источник богатства и могущества родины, как источник зажиточной и культурной жизни всех трудящихся.

Лица, покушающиеся на общественную, социалистическую собственность, являются врагами народа.

СТАТЬЯ 132. Всеобщая воинская повинность является законом.

Воинская служба в Рабоче-Крестьянской Красной Армии представляет почетную обязанность граждан СССР.

СТАТЬЯ 133. Защита отечества есть священный долг каждого гражданина СССР. Измена родине: нарушение присяги, переход на сторону врага, нанесение ущерба военной мощи государства, шпионаж в пользу иностранного государства — караются по всей строгости закона, как самое тяжкое злодеяние.

ГЛАВА XI.

ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА

СТАТЬЯ 134. Выборы депутатов во все Советы депутатов трудящихся: Верховный Совет СССР, Верховные Советы союзных республик, краевые и областные Советы депутатов трудящихся, Верховные Советы автономных республик, Советы депутатов трудящихся автономных областей, окружные, районные, городские и сельские (станции, деревни, хутора, кишлака, аула) Советы депутатов трудящихся,— производятся избирателями на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании.

СТАТЬЯ 135. Выборы депутатов являются всеобщими: все граждане СССР, которым в год выборов исполняется 18 лет, имеют право участвовать в выборах депутатов и быть избранными, за исключением умалишенных и лиц, осужденных судом с лишением избирательных прав.

СТАТЬЯ 136. Выборы депутатов являются равными: каждый гражданин имеет право избирать и быть избранным независимо от расовой и национальной принадлежности, вероисповедания, образовательного ценза, оседлости, социального происхождения, имущественного положения и прошлой деятельности.

СТАТЬЯ 137. Женщины пользуются правом избирать и быть избранными наравне с мужчинами.

СТАТЬЯ 138. Граждане, состоящие в рядах Красной Армии, пользуются правом избирать и быть избранными наравне со всеми гражданами.

СТАТЬЯ 139. Выборы депутатов являются прямыми: выборы во все Советы депутатов трудящихся, начиная от сельского и городского Совета депутатов трудящихся вплоть до Верховного Совета СССР, производятся гражданами непосредственно путем прямых выборов.

СТАТЬЯ 140. Голосование при выборах депутатов является тайным.

СТАТЬЯ 141. Кандидаты при выборах выставляются по избирательным округам.

Право выставления кандидатов обеспечивается за общественными организациями и обществами трудящихся: коммунистическими партийными организациями, профессиональными союзами, кооперативами, организациями молодежи, культурными обществами.

СТАТЬЯ 142. Каждый депутат обязан отчитываться перед избирателями в своей работе и в работе Совета депутатов трудящихся и может быть в любое время отозван по решению большинства избирателей в установленном законом порядке.

ГЛАВА XII.

ГЕРБ, ФЛАГ, СТОЛИЦА

СТАТЬЯ 143. Государственный герб Союза Советских Социалистических Республик состоит из серпа и молота на земном шаре, изображенном в лучах солнца и обрамленном колосьями, с надписью на языках союзных

республик: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Наверху герба имеется пятиконечная звезда.

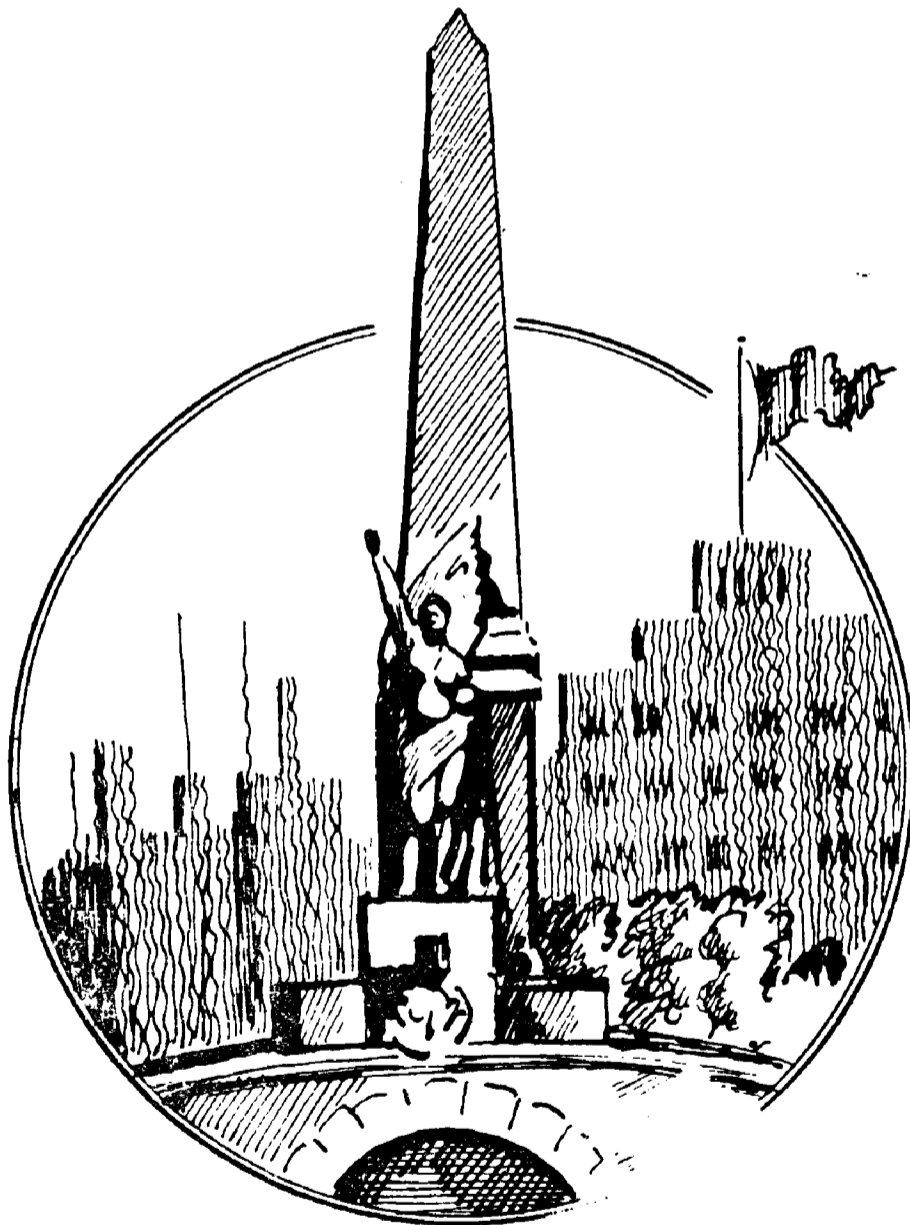
СТАТЬЯ 144. Государственный флаг Союза Советских Социалистических Республик состоит из красного полотнища, с изображением на его верхнем углу у древка золотых серпа и молота и над ними красной пятиконечной звезды, обрамленной золотой каймой. Отношение ширины к длине 1:2.

СТАТЬЯ 145. Столицей Союза Советских Социалистических Республик является город Москва.

ГЛАВА XIII.

ПОРЯДОК ИЗМЕНЕНИЯ КОНСТИТУЦИИ

СТАТЬЯ 146. Изменение Конституции СССР производится лишь по решению Верховного Совета СССР, принятому большинством не менее $\frac{2}{3}$ голосов в каждой из его палат.

СТА

СТАЛИНСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ

1

Проект новой сталинской Конституции Союза советских социалистических республик отражает все величие побед социализма в нашей стране.

Этот всемирноисторический документ, одобренный июньским пленумом ЦК ВКП(б) и президиумом ЦИК Союза ССР, будет рассмотрен Всесоюзным съездом советов и станет основным и незыблемым законом нашей великой родины. Проект новой Конституции вызывает восторг трудящихся СССР и всего мира и бешеную ненависть среди реакционных кругов империалистической буржуазии.

Трудный путь прошел с первых дней Великой октябрьской революции рабочий класс Страны советов в союзе с крестьянством в борьбе за построение бесклассового, социалистического общества.

В июле 1918 года, когда принималась первая советская Конституция, написанная и разработанная под непосредственным руководством Ленина и Сталина, название социалистической республики означало решимость рабочего класса бороться до конца, до последней капли крови за построение бесклассового, социалистического общества, за уничтожение эксплуатации человека человеком.

В экономическом отношении наша страна была в тот период страной пяти укладов, с преобладанием мелко-товарного хозяйства.

Тогдашнее положение Советской республики находит свою яркую характеристику в следующих словах товарища Сталина, сказанных на I съезде советов СССР 30 декабря

1922 года: «Чем была советская власть пять лет тому назад? Маленькой, едва заметной величиной, вызвавшей насмешки среди всех ее врагов и сожаление у многих ее друзей. Это был период разрухи... Однако, под ударами Колчака и Деникина советская власть создала Красную армию и вышла из периода разрухи с успехом»¹. К моменту окончания гражданской войны, борьбы с интервентами и образования СССР страна переживала крайне тяжелое время. В наследство от войны остались «разоренные поля, остановившиеся заводы, разрушенные производительные силы и истощенные хозяйственные ресурсы...»².

Пролетариату СССР предстояла дальнейшая борьба с капиталистическими элементами внутри страны, требовавшая напряжения не меньшего чем борьба на фронтах с белогвардейцами и интервентами. В экономике Страны советов преобладало мелкое, разрозненное хозяйство, служившее базой для роста частного капитала.

Частная торговля по своему весу в СССР составляла тогда 57,7%. Частная промышленность занимала во всей валовой промышленности в 1923—1924 годах 23,7%.

Вопрос «кто кого» был вопросом жизни или смерти для молодой Советской республики.

Грозной была тогда и международная обстановка.

День за днем большевистская партия и советское правительство, руководствуясь заветами Ленина о развитии базы социализма—крупной промышленности, укрепляли и расширяли социалистическую основу нашей страны. «Приходилось временно урезать некоторые потребности, накапливать соответствующие средства, напрягать силы. Мы так именно и поступили и построили социалистическое общество»³.

¹ И. Сталин «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 96. Сборник статей и речей. Партиздат. 1934.

² Там же, стр. 98.

³ Беседа товарища Сталина с председателем американского газетного объединения «Скриппс-Говард Ньюспейперс» г-ном Рой Говардом 1 марта 1936 года, стр. 13. Партиздат. 1936.

Шаг за шагом проводила наша партия политику индустриализации. Социалистическая промышленность стала не только основой независимости Советского союза от мирового капитала, но явилась в первую очередь ключом к реконструкции сельского хозяйства. В борьбе за превращение нашей страны из отсталой и аграрной в передовую и индустриальную партия разгромила зиновьевско-троцкистскую оппозицию, пытавшуюся подорвать веру в возможность победы социализма в одной стране. Партия разгромила правооппортунистический уклон, являвшийся агентурой кулачества, укрепила союз рабочего класса и крестьянства и повела трудящиеся массы Страны советов на борьбу за установление и торжество социалистических порядков во всем народном хозяйстве.

Вопрос «кто кого» решен в СССР окончательно и бесповоротно в пользу социализма. Социализм победил во всем народном хозяйстве как безраздельно господствующая и преобладающая система народного хозяйства.

2

«Союз Советских Социалистических Республик есть социалистическое государство рабочих и крестьян» (статья 1-я Конституции СССР).

Таков итог грандиозных завоеваний трудящихся Страны советов, таково классовое выражение диктатуры пролетариата в СССР, где окончательно ликвидированы эксплуататорские классы и в союзе с рабочим классом, под его руководством в построении социалистического общества активно участвуют миллионные массы колхозного крестьянства.

«Вся власть в СССР принадлежит трудящимся города и деревни в лице Советов депутатов трудящихся», — говорится в статье 3-й Конституции. Этим подчеркивается, что классовые грани между рабочим классом и крестьянством в СССР стираются и что советская интеллигенция стала равноправной частью трудящихся СССР.

Наше государство — это подлинное государство тех классов, которые веками угнетались и эксплуатировались.

это подлинное государство широчайших масс трудящегося народа.

В большинстве конституций капиталистических стран буржуазия, для того чтобы затушевать классовый характер своего государства, провозглашает его государством народа. Но это ложь и обман.

«Мы, народ Соединенных штатов... издаем и устанавливаем эту конституцию для Соединенных штатов Америки»¹, — лицемерно утверждает глава I конституции Соединенных штатов.

«Германская империя — республика. Государственная власть исходит от народа»², — вещала статья 1-я уничтоженной фашистами веймарской конституции Германской республики, той самой конституции, которая возникла после разгрома революционного пролетариата Германии в 1918 году.

Ленин, расчищая дорогу для торжества основной идеи марксизма — диктатуры пролетариата, до конца разоблачил оппортунистическую и буржуазную сущность идеи «народного государства», которую международный оппортунизм поставил на место идеи диктатуры пролетариата.

«Свободное народное государство» было программным требованием и ходячим лозунгом немецких социал-демократов 70-х годов. Никакого политического содержания, кроме мещански напыщенного описания понятия демократии, в этом лозунге нет»³, — писал Ленин в 1907 году, развивая мысли Маркса, изложенные им в «Критике Готской программы».

Только в Стране советов утверждена подлинная демократия, только в стране диктатуры пролетариата слова «народ» и «свобода» получили свое подлинное выражение. Ибо пролетариат под руководством большевистской партии, под руководством великого Сталина ликвидировал капиталистическую систему хозяйства в СССР, отменил частную собственность на орудия и средства производства, уничтожил эксплуатацию чело-

¹ «Конституции буржуазных стран». Т. I, стр. 19. Огиз-Соцэкиз. 1935.

² Там же, стр. 83.

³ Ленин. Т. XXI, стр. 381.

века человеком и во главе широчайших народных масс строит социализм.

Проект новой Конституции ясно показывает, что экономической основой СССР является социалистическая собственность на орудия и средства производства. Эта социалистическая собственность существует в двух формах: в форме государственной собственности и кооперативно-колхозной. Различие между этими двумя формами и обуславливает в первую очередь те классовые различия, которые еще существуют между рабочим классом и крестьянством, но которые не являются коренными.

Проект Конституции СССР охраняет право каждого колхозного двора на личное пользование приусадебным участком земли и личной собственности на подсобное хозяйство (жилой дом, продуктивный скот, птицу и мелкий сельскохозяйственный инвентарь). Этим еще раз подчеркивается, что колхозный строй осуществляет то правильное сочетание общественного и личного интереса, которое присуще социализму.

Статья 10-я, говорящая об охране законом личной собственности граждан, разоблачает буржуазную клевету о том, что социалисты не признают никакой личной собственности на средства потребления. На самом деле социализм не означает уничтожения индивидуальной собственности на средства потребления,—он, наоборот, означает растущую возможность удовлетворения потребностей человека.

Исключительное значение имеет статья Конституции, согласно которой «земля, занимаемая колхозами, закрепляется за ними в бессрочное пользование, то-есть, навечно» (статья 8-я). Так, фиксируя то, что уже есть на самом деле, придавая действительности форму закона, стимулируется еще больший рост производительности сельского хозяйства и подъем колхозов.

Но проект Конституции учитывает также и то, что еще существует, правда, незначительный, процент крестьянских хозяйств, которые еще не встали на путь колхозного производства. Статья 9-я говорит, что наряду с безраздельно господствующей со-

циалистической системой хозяйства «допускается законом мелкое частное хозяйство единоличных крестьян и кустарей, основанное на личном труде и исключаящее эксплуатацию чужого труда». Этим ничуть не нарушается монолитность социалистической системы хозяйства, ибо этот небольшой процент частнохозяйственных элементов невраждебен социализму и его переход на социалистические формы хозяйства—лишь вопрос времени.

Социалистическая форма собственности и господствующее положение социалистической системы хозяйства и являются той материальной базой, которая на деле обеспечивает величайшую демократию новой Конституции. «Наша Конституция будет самой демократической в мире» (Сталин). Американский корреспондент «Нью-Йорк таймс» Дюранти, пытавшийся сравнить свободы трудящихся в сталинской Конституции СССР со «свободами» американской конституции, вынужден признать, что разница между конституцией США и Конституцией СССР заключается в том, «что новая советская Конституция обеспечивает материальными гарантиями эти свободы».

В СССР навсегда ликвидирована самая страшная язва капитализма — безработица, ибо ликвидирована капиталистическая система с ее основным противоречием между общественным характером труда и частным характером присвоения. В противовес капиталистическим странам, в экономике которых царит анархия, хозяйственная жизнь СССР направляется государственным народнохозяйственным планом. Здесь труд на деле является обязанностью и правом каждого гражданина.

На бумаге буржуазные конституции охраняют «право на труд».

Так веймарская конституция провозглашала: «Рабочая сила стоит под особым покровительством империи... Каждый немец нравственно обязан, без ущерба для своей личной свободы, применять свои умственные и физические силы так, как этого требует благо общества. Каждому немцу должна быть предоставлена возможность

добывать себе пропитание хозяйственным трудом»¹.

Миллионы зарегистрированных и незарегистрированных безработных — таково конкретное выражение этой «возможности добывать себе пропитание» за все время существования веймарской конституции.

То, как буржуазия дает возможность трудящимся добывать себе пропитание, показывает и практика американского капитализма, где на заводах Форда, да и на многих других предприятиях предельным возрастом пролетария, пригодного к работе, является 40 лет.

Легко представить себе бедствия как умирающего с голоду пролетария городов «свободных капиталистических» стран, так и бегущих от опустошенных полей и разоренных сел крестьян!

На этом мрачном фоне безысходной нужды трудящихся в странах агонизирующего и гниющего капитализма яркими радостными огнями светят осуществленные на практике великие слова статьи 12-й проекта Конституции, где сказано, что труд является обязанностью каждого способного к труду гражданина, и статьи 118-й о том, что «граждане СССР имеют право на получение гарантированной работы» и что «право на труд обеспечивается социалистической организацией народного хозяйства».

Под руководством великого гения трудящихся всего мира Сталина осуществлена заветная мечта Маркса—Ленина!

«В СССР осуществляется принцип социализма «от каждого по его способностям, каждому — по его труду», — говорит статья 12-я Конституции СССР, записывая завоевания нашей великой социалистической родины.

3

В Стране советов навсегда уничтожены национальный гнет и расовые преследования.

Капитализм не в состоянии разрешить национальный вопрос. Нацио-

¹ «Конституции буржуазных стран», стр. 112. 1935.

нальный и расовый гнет является неизбежным спутником капитализма, его уродливой тенью. Уничтожение индейских народов в «свободной» Америке, порабощение негров, увозимых в качестве товара из Африки, вымирание индийского народа в «свободолюбивой» Британской империи, раздел Китая, грабеж и насилия над великим китайским народом, звериная расовая «теория» и практика германского фашизма — таково лицо национальной политики господствующих империалистических государств. Но и в этой области буржуазия пытается в своих конституциях прикрыть насилие и издевательства над угнетенными нациями и народами демократической, лицемерно лживой фразой. Поправка XV к главе I конституции Соединенных штатов Америки гласит: «Право граждан Соединенных штатов на участие в выборах не будет отрицаться или ограничиваться Соединенными штатами или отдельными штатами под предлогом расы, цвета кожи или прежнего рабского состояния»². Однако в другой поправке сказано, что для участия в выборах и получения права на избрание в палату представителей требуется хорошее знание английского языка, знание политических основ жизни Америки, пребывание в течение 7 лет ее гражданином и постоянное проживание в определенном штате. Разумеется, огромное большинство негров, выполняющих самые черные работы (особенно в южных штатах), при рассмотрении их прав «беспристрастными» избирательными комиссиями, где сидят наймиты капитала, оказываются лишенными права выборов. Немудрено, что за последние 50 лет лишь один раз одному негру удалось пройти в парламент. Если к этому еще добавить, что демократическая конституция Соединенных штатов Америки благочестиво охраняет право американского мещанина на суд Линча, то бесправное положение негров предстает во всей своей ужасающей наготы.

Лишь в Стране советов с первых же часов ее существования, тотчас же после побед Октября, было осуществле-

² «Конституция буржуазных стран», стр. 19. 1935.

но на практике право наций на самоопределение вплоть до отделения.

Разрешение национального вопроса в Стране советов до конца разоблачило оппортунизм и лицемерие вождей II интернационала, игнорировавших вопрос об угнетении десятков и сотен миллионов азиатских и африканских народов.

«Специалисты» по национальному вопросу, Шпрингер и Бауэр, дошли даже до того, что право на самоопределение превратили в право угнетенных наций Европы на культурную автономию, т. е. в право иметь свои культурные учреждения при оставлении всей политической (и экономической) власти в руках господствующей национальности»¹.

Достоинство ленинского лозунга о праве наций на государственное отделение состоит в том, подчеркивает товарищ Сталин, что этот лозунг «...1) уничтожает всякое основание для подозрений в захватнических стремлениях трудящихся одной нации в отношении к трудящимся другой нации, стало быть, подготавливает почву для взаимного доверия и добровольного объединения; 2) срывает маску с империалистов, фальшиво болтающих о самоопределении, но старающихся удержать в повиновении, удержать в рамках своего империалистического государства неполноправные народы и колонии, и углубляет тем самым освободительную борьбу этих последних против империализма»².

В процессе осуществления этого ленинско-сталинского лозунга и был основан в 1922 году Союз советских социалистических республик, образование которого было завершено на II съезде советов СССР в январе 1924 года. Вначале в состав СССР вошли 4 республики: РСФСР, УССР, БССР и ЗСФСР; позже, с ростом социализма, с укреплением и развитием хозяйственной мощи и культурно-политическим подъемом прежних царских колоний в Средней Азии были созданы еще три союзных республики: Туркменская, Узбекская и Тад-

жикская. Советский союз был создан в ожесточенной борьбе с остатками великодержавной, российской и местной национальной буржуазией и ее агентурой в рядах нашей партии — национал-уклонистами. Разгромленных большевистской партией национал-уклонистов постигла та же участь, что и бывшую троцкистско-зиновьевскую оппозицию и остальные антипартийные группировки, скатившиеся в болото контрреволюции, к методам фашистского террора.

Победа политики индустриализации страны привела к небывалому росту всего хозяйства СССР и особенно отразилась на быстром движении по пути к экономическому и культурному расцвету национальных окраин. На этой основе проект Конституции в главе II «Государственное устройство» в статье 13-й намечает в дополнение к уже существующим образование новых союзных республик: Азербайджанской, Грузинской, Армянской, Казахской и Киргизской.

Статья 17-я сохраняет за каждой союзной республикой право на выход из состава Союза. Советская Конституция — подлинная конституция дружбы народов!

Как непохожа национальная политика нашей страны на политику великих империалистических держав по отношению к слабым народам и национальным меньшинствам. Осуществление лозунга права наций на самоопределение вплоть до отделения для них совершенно немыслимо. Для Англии, например, построившей все свое могущество на колониальном грабеже и эксплуатации, предоставление этого права на самоопределение угнетенным народом означало бы немедленное отделение Индии, Египта и т. п. И, следовательно, крах самой империи. Не даром фашистские борзописцы гитлеровской Германии, мечтающие о колониях, спешат объявить все эти новые проявления советского интернационализма интригами Коминтерна.

Какой пощечиной и ударом по фашизму звучат слова статьи 123-й сталинской Конституции, где говорится о равноправии граждан СССР, незави-

¹ И. Сталин «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 83. 1934.

² Там же.

симо от их национальности и расы, где со всей силой подчеркнута, что «всякая проповедь расовой или национальной исключительности, или ненависти или пренебрежения карается законом».

4

Подлинный расцвет пролетарской демократии отражает и глава III проекта сталинской Конституции «Высшие органы государственной власти Союза Советских Социалистических Республик»:

«Высшим органом государственной власти СССР является Верховный Совет СССР» (статья 30-я). «Верховный Совет состоит из двух палат: Совета Союза и Совета Национальностей» (статья 33-я). «Совет Союза избирается гражданами СССР»; «Совет Национальностей составляется из депутатов, выделяемых Верховными Советами Союзных и Автономных Республик и Советами Депутатов трудящихся автономных областей» (статьи 34 и 35-я). «Обе палаты Верховного Совета СССР: Совет Союза и Совет Национальностей равноправны» (статья 37-я).

Эти две палаты, образующие Верховный совет Союза, ничего общего не имеют с двухпалатной системой буржуазных государств: обе палаты Верховного совета СССР равны, в них выражено единство трудящихся всего Советского союза при одновременной заботе об обеспечении интересов каждой нации.

Совсем не то в буржуазных странах: там Верхняя палата создана для возможно большего ущемления интересов широких слоев трудящихся масс. Так, на основании статьи 5-й конституционного закона об организации государственных властей, изданного французским правительством в 1875 году (через 4 года после разгрома Парижской коммуны) и действующего поныне, сказано: «Президент республики может, с согласия сената, распустить палату депутатов до истечения законного срока ее полномочий»¹. Палата депутатов, более

демократическая по своему составу, таких прав на роспуск сената не имеет. Таким образом в лице сената французская буржуазия создала барьер против народной воли, так как в сенат большинство депутатов выбирается из сельских муниципальных советов, состоящих из крупных собственников и кулаков.

В Англии Верхняя палата лордов представляет собою, по выражению Энгельса, «инвалидный дом» для почетных старцев английской аристократии. Эта палата вместе с королевской властью представляет собою пережитки феодализма, любовно охраняемые и чтимые буржуазией в целях борьбы с демократическими тенденциями Нижней палаты.

В США Верхняя палата — сенат — состоит из крупных капиталистов и вместе с верховным судом на практике представляет собой значительно большую силу в политике чем Нижняя палата представителей.

В Японии депутаты Верхней палаты состоят из следующих категорий: 1) принцев императорского дома, 2) князей и маркизов, 3) 150 представителей от графов, виконтов, баронов, 4) четырех депутатов, избираемых Академией наук, 5) 125 депутатов, назначаемых императором за особые заслуги, 6) 66 депутатов, избираемых высокими налогоплательщиками. Знать, высшая фашистская военщина, помещики, капиталисты и банкиры — таковы представители от «народа» в Верхней палате фашистской Японии. Если добавить к этому характеристики депутатов германского фашистского «парламента», заседавшего за 3½ года 10 часов 40 минут и состоящего из депутатов типа миллионера Тиссена, фашистского палача — коменданта самого страшного в Германии концлагеря Дахау — Эйке, усмирителя баварской революции — генерала фон Эпп и тому подобных «депутатов», то станет ясным, куда в конечном счете ведет развитие буржуазного парламента и что представляет собой равноправие палат в империалистических государствах.

В противоположность буржуазной двухпалатной системе и всесилую

¹ «Конституции буржуазных стран», стр. 66. 1935.

Верхней палаты, нашедшей свое законченное выражение в фашистской Германии, равноправие обеих палат Верховного совета СССР и величайший демократизм советской Конституции особенно подчеркнуты в статье 47-й проекта Конституции, где сказано: «...При отсутствии согласного решения двух палат, Президиум Верховного Совета СССР распускает Верховный Совет СССР и назначает новые выборы». Эта статья ярко подчеркивает, что в случае разногласий между равноправными палатами вопрос ставится на суд всех трудящихся СССР. Трудовой народ Советского союза сам определяет деятельность всех органов советской власти вплоть до самого высшего — Верховного совета СССР.

В советской Конституции не было и нет разделения законодательной и исполнительной властей, свойственного буржуазному парламентаризму. Широчайшие народные массы участвуют в составлении высших органов государственной власти, в обсуждении законов и в проведении их в жизнь. Верховный совет — высшее представительное учреждение нашей страны — ничего общего не имеет с буржуазным парламентом. Только им осуществляется законодательная власть. Это в действительности высший государственный орган страны. Ему подотчетны и президиум, и Совнарком, и отдельные наркоматы.

В буржуазных же странах (Франция, США), не говоря уже о странах фашизма (Польша), власть парламента сильно ограничена, а подчас и сводится нанет волеизъявлением президента.

В связи с этим укажем на видное даже не очень опытному глазу смешотворное несоответствие, существующее между 1 и 2-й статьями польской конституции (23 апреля 1935 года).

«Статья 1. 1) Польское государство является общим достоянием всех граждан. Статья 2. 1) Во главе государства стоит президент республики. 2) На нем лежит ответственность перед богом и историей за судьбы государства»¹.

¹ «Конституции буржуазных стран», стр. 225. 1935.

К этому следует добавить, что президент Польши имеет право в любое время распустить парламент и в период отсутствия последнего издавать указы, имеющие силу закона.

По конституции США, права палаты представителей чрезвычайно урезаны как практикой работы Верхней палаты — сената, так и деятельностью верховного суда, решения которого имеют силу закона и сводят часто нанет ряд «свобод», провозглашенных в конституции.

5

Широкое развертывание пролетарской демократии находит также свое яркое воплощение в статьях о советском суде и прокуратуре (статьи 102—117-я).

«Народные суды избираются гражданами района на основе всеобщего, прямого и равного избирательного права при тайном голосовании — сроком на 3 года» (статья 109-я).

Как непохоже это на институты права и практику работы судов в буржуазных государствах, где часто судебная работа не только становится пожизненной должностью чиновника, но и наследственным правом определенной семьи и представляет собою остатки кастовых привилегий прежних общественных формаций.

По проекту сталинской Конституции, «судьи независимы и подчиняются только закону» (статья 112-я). Невольно напрашивается сопоставление этой статьи с практикой работы судов «свободной» Америки, где суд над Сакко и Ванцетти представлял собой многолетнюю зверскую судебную расправу и организованное убийство двух беззащитных рабочих, а законным «основанием» был волчий закон капитализма. «Независимость» американских судей от законов и зависимость их от воли Уол-стрита приводят к тому, что суды в своих решениях стесняют деятельность профсоюзов, объявляют не конституционными законы о здравоохранении, минимуме зарплаты для женщин и детей, а верховный суд утверждает эти решения шемякина суда, сводя таким образом нанет буржуазные «свободы» и фор-

мальную независимость судей. На деле суд сам подправляет конституцию и закон так, как это угодно хозяевам буржуазной Америки — капиталистическим дельцам.

Коренным образом отличается и роль прокурора у нас от его роли в странах капитала. «Прокурор СССР назначается Верховным Советом СССР сроком на семь лет» (статья 114-я). Во всех буржуазных странах прокурор является одним из чиновников судебной иерархии, одной из деталей сложной бюрократической машины буржуазных судов, он всецело зависит от министерства юстиции. «Беспристрастность» прокуратуры буржуазных стран можно проиллюстрировать хотя бы на примере деятельности прокуратуры и судебно-следственной власти во Франции за последние годы, где «исследование» мошеннических нашумевших дел авантюриста Ставиского и ряда последующих проделок крупных авантюристов и спекулянтов, связанных с верхушкой буржуазного правительства, кончилось сдачей всех этих дел в архив.

Буржуазный суд всецело зависит от воли капитала; суд в СССР выполняет волю трудового народа.

6

Обеспечение за каждым гражданином СССР права на труд с оплатой последнего в соответствии с его количеством и качеством базируется на социалистической организации хозяйства.

«Настоящая свобода имеется только там, где уничтожена эксплуатация, где нет угнетения одних людей другими, где нет безработицы и нищенства, где человек не дрожит за то, что завтра может потерять работу, жилище, хлеб. Только в таком обществе возможна настоящая, а не бумажная, личная и всякая другая свобода»¹.

Германский фашизм проблему ужасающей безработицы и нужды герман-

ских трудящихся масс «разрешил» тем, что право трудящегося на труд превратил в обязанность принудительного труда под присмотром национал-«социалистических» держиморд.

Итальянский фашизм, по законам своей конституции, также отдает рабочий класс под полное господство капиталистов, особо оговаривая в статье 18-й запрещение забастовок и право предпринимателей в случае необходимости закрывать фабрики и заводы.

Американская конституция устанавливает формальное равенство капиталиста и рабочего и невмешательство государства при разрешении трудовых конфликтов. На деле же на предприятиях США царит произвол капиталиста, который при помощи своей собственной полиции может, по своему усмотрению, не только выгнать рабочего с предприятия, но и организовать при помощи провокаторов кровавую расправу с забастовщиками.

Ни в одной стране в мире пролетарии, в условиях капиталистического строя, не могут и думать об осуществлении права на 7-часовой рабочий день, обеспеченный рабочим СССР по статье 119-й проекта сталинской Конституции. То же относится к праву на отдых, которое в СССР гарантируется ежегодными отпусками и широкой сетью санаториев, домов отдыха и клубов.

Необеспеченность рабочих в странах капитала приводит к тому, что в страхе перед надвигающейся старостью и возможными профессиональными болезнями они урезают себя во всем и откладывают гроши из своего жалкого жалованья. Капиталисты используют это стремление рабочих обеспечить свою старость и превращают широкую сеть сберегательных касс в весьма крупный источник для получения оборотных средств. При финансовых же затруднениях и крахах в числе первых жертв, разумеется, оказываются рабочие.

Ни в одной стране в мире рабочие не могут мечтать о таком широком праве на образование, которое дается в СССР и отражено в статье 121-й проекта Конституции. Обеспечение права на бесплатное образование,

¹ Беседа товарища Сталина с председателем американского газетного объединения «Скриппс-Говард Ньюспейперс» г-ном Рой Говардом 1 марта 1936 года, стр. 13. Партиздат. 1936.

включая высшее, явилось ключом к успешному осуществлению сталинского указания «...добиться того, чтобы у рабочего класса СССР была своя собственная производственно-техническая интеллигенция»¹. Это в свою очередь гигантскими шагами приближает трудящихся Страны советов к фактическому осуществлению лозунга коммунизма об уничтожении противоположности между умственным и физическим трудом. Огромный рост высших учебных заведений, дающих высококвалифицированных работников села, наряду с индустриализацией с.-х. работ в свою очередь приближает момент осуществления на деле и до конца мечты гениев пролетарской революции Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина о превращении труда в сельском хозяйстве в разновидность индустриального труда. Тем самым уничтожается одно из основных противоречий капитализма—противоречие между городом и деревней.

Безработица в странах капитала бьет не только рабочий класс, но и интеллигенцию и превращает людей умственного труда в «лишних людей».

Вот почему в Америке возможно появление таких произведений, как «Погибшее поколение» Мексайна Девиса, где рассказывается о 8 миллионах молодых людей, окончивших школу и превратившихся после этого в огромную армию безработных. Германский фашизм ввел принудительный труд для безработных и отправляет сотни тысяч молодых грамотных пролетариев больших промышленных центров в деревню на принудительные работы в имения помещиков и кулаков. Тем самым становится излишним дальнейший рост техники в сельском хозяйстве, и средневековый идиотизм деревенской жизни превращается фашизмом в один из символов господства загнивающего финансового капитала.

Радостная жизнь женщин в СССР ярко отражена в статье 122-й сталинской Конституции, предоставляющей женщине равные права с мужчи-

ной во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни.

Энгельс в своем произведении «Анти-Дюринг», говоря о гениальном представителе утопического социализма, Фурье, подчеркивал, что «ему первому принадлежит мысль, что степень свободы, достигнутая данным обществом, должна измеряться большей или меньшей свободой женщины в этом обществе»².

Такое общество, в котором женщина пользуется полной свободой, существует в СССР—социалистическом государстве рабочих и крестьян.

Равное с мужчиной право на труд, оплату труда, отдых, социальное страхование, образование превращает женщину СССР в счастливого члена социалистического общества, а предоставление отпусков при беременности с сохранением содержания, широкая сеть родильных домов, детских яслей и садов—в счастливую мать, воспитывающую поколение коммунизма.

Какая пропасть между этой картиной и тем, что происходит в капиталистических странах, где женщина трудящихся классов боится материнства, ибо оно несет ей новые лишения и нужду. В Германии же, как известно, в довершение к этому тысячи трудящихся женщин подвергаются принудительной стерилизации и обречены на бесплодие.

Запрещение аборт, рост и особое поощрение рождаемости в СССР и сокращение рождаемости в странах капитализма—таков итог существования социалистической и капиталистической систем.

Женщина в странах капитала в условиях общего кризиса капитализма теряет даже те жалкие права, которых она добилась в некоторых странах в свое время, в период расцвета капитализма, в эпоху буржуазных революций.

Вот почему американская журналистка Роза Филац жалуется: «Женщину заставляют идти назад, в кухню».

Только в СССР церковь на деле

¹ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 459. 10-е изд. Партиздат. 1934.

² Ф. Энгельс «Анти-Дюринг», стр. 186. Партиздат. 1932.

отделена от государства, только в СССР обеспечена свобода антирелигиозной пропаганды и свобода отправления религиозных культов.

В «свободной» же Англии запрещена антирелигиозная пропаганда и король Англии является главой господствующей англиканской церкви. В Польше господствующей церковью является католическая церковь, а антирелигиозная пропаганда в фашистской польской республике карается по законам, изданным царской властью бывшей Российской империи.

Даже во Франции во время выборной кампании католическая церковь пользуется особым покровительством властей. Французские клерикалы и попы, так убийственно разоблачаемые в течение многих веков великими сатириками Рабле, Вольтером и Анатолем Франсом, — являются первоклассными пропагандистами французских фашистов.

Широчайшая самокритика на рабочих и колхозных собраниях — такова свобода слова в СССР. Административные и полицейские репрессии, суд и заключения за всякое слово протеста против гнета и эксплуатации, за всякий призыв к объединению — такова «свобода» слова на предприятиях капиталистов.

Десятки и сотни тысяч газет и журналов, многотысячные и миллионные тиражи книг — такова свобода печати в СССР.

Костры, сжигающие произведения лучших умов человечества, преследование за издание революционной литературы, разгул желтой прессы и мутный поток порнографии — такова «свобода» печати в странах капитала.

Свобода собраний и митингов — в СССР.

Разгон рабочих демонстраций, кровавая бойня на улицах Кракова и Львова, кривлянье буржуазных мракобесов и кликуш в лондонском Гайд-Парке — такова «свобода» собраний и митингов в странах «цивилизованного» Запада.

Даже в тех случаях, когда пролетарии имеют некоторые номинальные свободы, эти свободы сводятся нанет отсутствием у них той материальной базы, которая является единственной

гарантией для проведения в жизнь этих свобод. Нет того, что зафиксировано в сталинской Конституции следующими словами: «...Эти права граждан обеспечиваются предоставлением трудящимся и их организациям типографий, запасов бумаги, общественных зданий, улиц, средств связи и других материальных условий, необходимых для их осуществления» (статья 125-я).

Статья 129-я говорит о праве убежища борцам пролетарской революции и является прямым ударом по буржуазным политикам, выдающим фашистской Германии революционных борцов и дающим убежище фашистскому сброду, троцкистско-зиновьевской банде, белогвардейцам.

Впротивовес этому сталинская Конституция дает возможность лучшим представителям науки и культуры, преследуемым оголтелым фашизмом, найти убежище и применение своих способностей в стране социализма, где налицо расцвет науки и культуры.

129-я статья вселяет бодрость и надежду в сердца революционных борцов колоний, уверенных в том, что, гонимые империалистами и своей национальной буржуазией, они найдут крепкую поддержку и убежище на родине трудящихся всего мира — в СССР.

Выполнение статьи 130-й Конституции, выдвигающей в качестве обязанности советского гражданина уважение к труду, создает ту базу, на основе которой необходимость соблюдения основных правил социалистического общежития будет превращаться в привычку, в потребность. Стахановское движение — яркое начало в этом направлении, и оно уже идет по линии создания предпосылок для перехода от социализма к коммунизму.

Одна из первостепенных обязанностей советского гражданина — беречь и укреплять общественную, социалистическую собственность, являющуюся экономической основой СССР.

Лица, покушающиеся на эту собственность, мешают росту могущества социалистической родины, росту общественно-социалистического богатства и изобилия и являются врагами народа.

Буржуазия в основу своих консти-

туций кладет охрану святости частной собственности капиталистов на средства производства, что означает защиту строя, при котором трудящиеся лишены минимальных средств потребления и человеческого существования.

Наша страна боролась и борется за мир во всем мире и наша славная непобедимая Красная армия является могучим оплотом в борьбе за мир. Укрепление ее мощи, повышение ее боеспособности — священная обязанность каждого гражданина нашей великой социалистической родины. Всеобщая воинская повинность является законом для трудящихся нашей страны. С гордостью и надеждой смотрят трудящиеся всего мира на Красную армию, ибо эта армия охраняет нерушимость границ отечества трудящихся всего мира — СССР.

Измена социалистической родине карается как самое тяжелое злодеяние.

Статьи 130 — 133-я Конституции еще раз напоминают о беспощадной борьбе со всякими врагами марксизма и советской власти, пытающимися протащить теории об отмирании государства при социализме.

7

Глава XI (статьи 134—142-я) блестяще отражает итоги тех громадных политических завоеваний и свобод, которых добились трудящиеся СССР.

«Более демократического избирательного права, чем то, которое будет установлено нашей конституцией, ни в одной стране не существует»¹, — говорит тов. Молотов еще до опубликования настоящего проекта.

По нашей избирательной системе, во все советы депутатов трудящихся от городских и сельских советов до Верховного совета СССР выборы будут производиться на основе всеобщего, прямого, равного избирательного права при тайном голосовании. По нашей избирательной системе, активным и пассивным избирательным

¹ Беседа председателя СНК СССР т. В. М. Молотова с главным редактором французской газеты «Тан» г-ном Шастенэ, стр. 12. Партиздат ЦК ВКП(б). 1936.

правом будут пользоваться все граждане СССР, которым в год выборов исполняется 18 лет (исключение составляют умалишенные и лица, осужденные судом с лишением избирательных прав).

Какова цена огромной части буржуазных конституций (в том числе Франции и Швейцарии), где лишены избирательных прав женщины? Какова цена конституции США, где бесправны негры? Во Франции права выборов лишены солдаты и матросы, а в Японии избирательным правом пользуются лишь высшие военные чины.

Какова цена всех буржуазных конституций, где для права участия в выборах требуются либо высокий возрастной ценз, либо длительное проживание в одном месте, либо образовательный ценз и т. д.?

Так, в США выбирать в палату представителей могут лишь лица, достигшие 21 года, выбранными же в палату могут быть лишь лица, достигшие 25 лет и состоящие гражданами США в течение 7 лет. В сенат выбираются лица старше 30 лет и состоящие гражданами США 9 лет. А для избрания в президенты необходим возраст в 35 лет и срок гражданства США в 14 лет.

В Англии огромное количество рабочих, скитающихся по стране в поисках работы, лишено права выборов, а капиталист имеет 2 голоса: по месту жительства и по месту, где находится его предприятие.

Мы уже не говорим о фашистской Германии, где правом голоса пользуются, по фашистским законам, «стопроцентные арийцы», именуемые гражданами. Другая же категория «прочих» и «неарийцев», именуемая «жителями», несет все обязанности, не имея никаких прав.

Во всех странах капитала основным критерием, для того чтобы быть избранным на теплое местечко в Нижнюю, а тем паче в Верхнюю палаты (а равно и местные органы управления), служит частная собственность. Каждый кандидат старается ублажить своих избирателей подачками и обмануть их при помощи подкупленных говорунов и преданных буржуазии писак.

Что будет служить критерием при избирательной кампании в Стране советов? С какой оценкой будет подходить каждый избиратель к кандидатам в депутаты и советы трудящихся: «Построил ли ты или не построил хорошую школу? Улучшил ли ты жилищные условия? Не бюрократ ли ты? Помог ли ты сделать наш труд более эффективным, нашу жизнь более культурной? Таковы будут критерии, с которыми миллионы избирателей будут подходить к кандидатам, отбрасывая негодных, вычеркивая их из списков, выдвигая лучших и выставяя их кандидатуры»¹.

* * *

Проект сталинской Конституции, самой демократической конституции из всех существующих в мире, до

¹ Беседа товарища Сталина с председателем американского газетного объединения «Скриппс-Говард Ньюспейперс» г-ном Рой Говардом 1 марта 1936 года, стр. 15—16. Партиздат. 1936.

конца разоблачает всю фальшь и гнилость «свобод», лицемерно декларируемых в буржуазных конституциях и сводимых нанет особо оговариваемыми «поправками» и всеми органами насилия господствующей буржуазии. Загнивание буржуазной демократии и путь к фашизму — таков итог господства умирающего капитализма.

Расцвет демократии и путь к коммунизму — таков радостный итог борьбы Страны советов и побед социализма.

Братские компартии невзирая на клевету врагов СССР и разгул фашизма сумеют рассказать трудящимся стран капитала о великой Конституции СССР, где нет безработицы, где нет угнетенных наций и рас, где свободна женщина, где обеспечен расцвет науки и культуры, где торжествует социализм.

Сталинская Конституция СССР — программный документ борьбы трудящихся всего земного шара за власть советов во всем мире.

АЛЕКСЕИ МАКСИМОВИЧ Г...
(1868 – 1936)

ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ ПИСАТЕЛЬ

Огромный человек, человек-творец, прошел шагами исполина по земле и оставил после себя исполинское наследие.

Горькому до всего было дело. Он во все вмешивался. Проявление зла на любом месте нашей планеты он воспринимал с чувством личного негодования, так же, как каждый успех в борьбе за социализм, в борьбе за дело Ленина—Сталина он воспринимал с чувством личной радости.

Горький был писателем-бойцом пролетариата. Он участвовал в великой классовой борьбе нашего времени, чтобы изменить жизнь в интересах трудящихся. Главным, самым разящим оружием Горького было художественное слово: Горький был—больно и непривычно еще говорить о нем в прошедшем времени—великим писателем, гениальным художником слова. Горький—это новое слово в художественном развитии всего мира. Он нарушил все схемы, смешал все рубрики и начал новую страницу в русской литературе. Горький нес с собой нечто невиданное и новое, как писатель. Это чувствовали все, в том числе и такие перворазрядные художники, как Лев Толстой и Чехов. Их поражала яркость, красочность, напористость, стремительность, целеустремленность художественного слова Горького. Все русские писатели того времени понимали, что вместе с Горьким зарождаются какие-то новые начала в русской литературе. Шло что-то новое, сильное, красочное, идейное. Надо было расступиться, чтобы дать место человеку, который выступил как художественный идеолог новой полосы развития России, ознаменованной подъемом рабочего движения. Горький пришел как победитель. Не признавать его нельзя было. Успех его был шумен, огромен,

несмотря на то что и врагов у него с самого начала было более чем достаточно. Признанием огромного успеха Горького было и то, что Академия наук, через 10 лет после начала литературной деятельности этого гениального самоучки, избрала его своим почетным членом. Известно, что это избрание было отменено Николаем II: Горький был слишком явной революционной величиной.

Что же нового принес с собой Горький как художник? Почему его деятельность не умещается в старые рубрики русской литературы? Почему его творчество является шагом вперед в истории русской литературы и литературы других народов?

Творчество Горького было новым прежде всего по его идеям. О характере его творчества спорили много. Буржуазия и народническая критика пытались зачислить его в ницшеанцы. Нелепости о творчестве Горького можно встретить и в кое-каких наших энциклопедических словарях. Между тем вопрос об идейном содержании произведений Горького решен раз навсегда, и решен не кем иным, как Лениным.

«Горький,—писал Ленин,—безусловно крупнейший представитель пролетарского искусства... Горький—авторитет в деле пролетарского искусства, это безусловно».

Грандиозный размах рабочего движения, его могущественное проявление во всех областях политической и художественной жизни страны не могли не отразиться и в литературе, и выразителем этого движения в области искусства был Максим Горький. Художников, связанных с делом борьбы рабочего класса, Россия раньше не знала. Горький выступил здесь как зачинатель, как основоположник новых путей. Вдохновленный идеями

пролетариата, Горький творил свои бессмертные произведения, принесшие ему сразу общенародное признание.

Искусство, новое по своему социальному и политическому звучанию, нуждалось в новом художественном методе. Горький как писатель, как новатор, не повторил ни старых реалистов, ни пришедших одновременно с ним и существовавших до него романтиков. Старый, догорьковский реализм был слишком объективистско-созерцательным и даже в величайших своих представителях страдал тем недостатком, каким в области философии страдали представители домарксова материализма. Этому реализму не хватало действенности. В критике социального зла этот реализм был силен и вел к созданию гениальных произведений. Но ни в идейной своей пропаганде, ни в создаваемых образах он не мог показать, как нужно бороться со злом, противопоставляя ему новое, положительное начало. Гений Толстого, когда дело доходило до определения программы действий, могущих изменить несправедливый общественный порядок, мог только предложить бессильную и жалкую программу нравственного самосовершенствования. Чехов о будущем умел только мечтать. Он не сумел создать ни одного образа борца, который бы ярким светом рассеял угнетающие его сумерки 80-х годов.

С другой стороны, декадентский идеалистический романтизм, который зарождался одновременно с началом литературной деятельности Горького, просто эгоистически отворачивался от вопиющих несовершенств действительности и замыкался в скопческом удовлетворении иллюзорным идеалом.

Горький же шел в литературу на волне революционного подъема, созданного рабочим классом. Рабочий класс критикует, отрицает социальную несправедливость во имя новой действительности, создаваемой им здесь, на земле, в процессе его революционной, классовой борьбы. Горький как художник по-своему отразил это свойство пролетариата. Он реалистически критиковал строй экспло-

атации и деспотизма. Но в то же время осуждаемой им действительности он противопоставлял новое жизненное начало не в виде далекой мечты, а в виде реальных фактов и в виде реальных людей. Его мечты, его романтическое недовольство настоящим и заглядывание в будущее носили также реалистический характер. Горький умел видеть зло на земле не менее, а, пожалуй, даже более зорко, чем предшествовавшие ему великие писатели. Он от правды жизни не отворачивался, хотя в старой, царской России ему приходилось называть ее неоднократно подлой правдой.

«Эта та правда,—говорил он, не годую и зовя на борьбу,—которую необходимо знать до корня, чтобы с корнем же и выдрать ее из памяти, из души человека, из всей жизни нашей, тяжелой и позорной».

Он умел находить такие проявления звериной и темной жизни, которых не смел касаться никакой другой художник. Вот рассказ «Вывод», рассказ о том, как женщину, изменившую мужу, голую запрягли в телегу вместе с лошадей и под свист, смех и улюлюканье озверелой, темной толпы избивают кнутом. Звериная, кулацкая жестокость изображена в «Выводе» с поражающей силой. Горький как бы боится, что читатель не поверит в правдивость этого жуткого эпизода, и заканчивает свой рассказ следующим пояснением:

«Это я написал не аллегорическое изображение гонения или истязания правды. Нет, к сожалению, это не аллегория. Это называется вывод, как наказывают мужья жен за измену, это бытовая картина. Обычай этот я видел в 1891 году, 15 июля, в деревне Кандыбовке, Херсонской губернии, Николаевского уезда».

А вот другой, еще более ужасный рассказ. Он называется «Девочка». Его и сейчас нельзя читать не содрогаясь. 11-летняя девочка, почти совсем ребенок, среди груды пустых бочек и поломанных ящиков играет с куклой.

«Спи, милая! Спи, детеночка!
Баю-баюшки-баю,
Баю девочку мою...» —
убаюкивает она ее. Она играет так:

по-детски, так нежно, глазки у нее такие красивые, ласковые, мягкие и в то же время не по-детски печальные. Эта маленькая девочка вынуждена уже продавать себя. Она зазывает к себе прохожих — и в ответ на непонятый ей ужас рассказчика негромко и скучно говорит:

«Ты что кобенишься? Думаешь, я маленькая, так кричать буду? Не бойся, я прежде кричала... а теперь я привыкла».

И, не окончив свою речь, она равнодушно плюнула. Я ушел от нее, унося в своем сердце тяжелый ужас от печального взгляда ясных детских глаз».

Горький заглянул на самое дно того ада, который был уготован сытыми и господствующими для голодных и угнетенных. Но он не пришел в отчаяние. Он не опустил бессильно руки. Он верил в лучшую жизнь на земле. Он видел ее проявления в картинах сияющей для всех природы, он слышал их в человеческой песне, то выражающей тоску, то стремление к радости. Он нашел ее симптомы в умных, хороших книгах и, самое главное, в замечательных людях, которые неправду не сносили равнодушно, а шли против нее в открытый бой, с гордым лицом, борясь за право и честь человека.

«Не только тем изумительна жизнь наша, — говорил он, — что в ней так плодovit и жирен пласт всякой скотской жизни, но тем, что сквозь этот пласт все-таки победно прорастает яркое, здоровое и творческое, растет доброе — человежье, возбуждая несокрушимую надежду на возрождение наше к жизни светлой, человеческой».

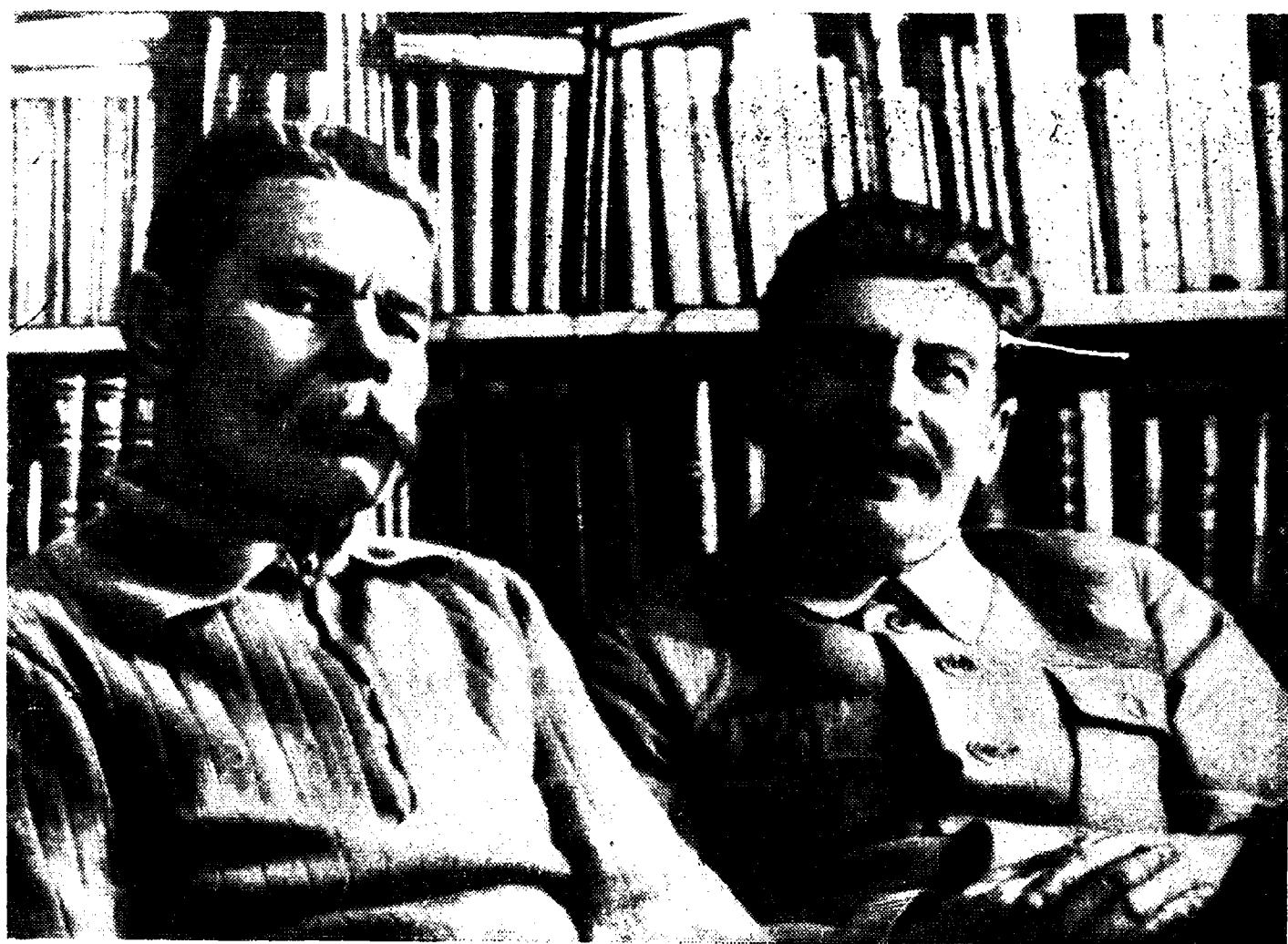
Залогом возрождения светлой, человеческой жизни была борьба за правду, а борцами за правду, бестрепетными, несдающимися, смело идущими в борьбе до конца, были пролетарии, сознательно усвоившие теорию своего класса. Это Горький разгадал очень рано. Целый ряд образов пролетариев до сих пор говорит с нами со страниц его книг, объясняя нам в художественной форме, как подготавливались наши великие победы. Это Павел из повести «Трое», это фигуры рабочих из пьесы «Враги», это Нил

В. И. Ленин и А. М. Горький. 1920 год.

из «Мещан», это Власов и его мать Ниловна из «Матери» и многие другие — и среди них бессмертный образ Ленина, с исключительной силой и любовью нарисованный Горьким в его незабываемых воспоминаниях.

Горький уловил необычайный, новый для тогдашней России тон жизни, принесенный пролетариями — борцами за социализм. Это гордый тон «Буревестника», «Песни о Соколе», это

И. В. Сталин и А. М. Горький.

1931 год.

музыка борьбы против гнета, нищеты и невежества, музыка стремления к счастью, просвещению и человечности. Такой музыкой было и искусство Горького. Обличение связано с мечтой о лучшем будущем. Мечта не выводила его из жизни, а, наоборот, приводила в гущу борьбы, мечта была связана с делом, она имела носителей уже здесь, рядом с ним, в глухом подполье царской России, где зрело советское будущее нашей страны, будущее, определенное именами Ленина и Сталина.

Горький создал своеобразный художественный метод, сочетающий реализм и романтизм на новых началах. Он создал искусство, наполненное жаркой кровью пролетарской борьбы, в котором разрушение старого, пережившего себя сопровождалось созданием нового по образцу творческой деятельности самого рабочего класса.

Кто обладает такой силой чувств, как Горький, и таким охватом идей, как он, не может удовлетвориться изображением одной какой-нибудь частицы действительности. Чтобы принять участие в уничтожении целого социального строя и в победе нового

социалистического порядка, нужно уметь охватывать широким и понимающим взглядом все окружающее. Творчество Горького и характеризует необычайная широта охвата жизненного материала. Причина этого не только в большом жизненном опыте Максима Горького, который много испытал, много видел: тут многое зависит от его жадного интереса к действительности, от его идейной целеустремленности. Кажется, ни у одного художника мы не видим такого полного охвата всех классов, столкнувшихся в борьбе с царской Россией. Из-под неистощимо плодоносного пера Горького сходили на бумагу образы буржуазии, дворян, мещан, интеллигентов, крестьян, люмпенов и, наконец, пролетариев — тех, которые взяли на себя ответственность за устройство жизни человеческой на новых началах.

Образы Горького поистине неистощимы, разнообразны, индивидуальны и не повторяют друг друга. Гордеев отличается от Маякина, Булычев от Артамоновых. Крестьянин Кирилка, нарисованный Горьким еще до рево-

люции 1905 года, обладает многими положительными качествами: он умен, самоотвержен, — но даже в словесном состязании со своими врагами: земским начальником, купцом и др. — не вступает еще в открытый бой. Он выражает свои мысли уклончиво, скрывая свое истинное настроение от врагов. Совершенно иначе выглядит другой крестьянин, Рыбин, герой романа «Мать», нарисованный в обстановке под'ема аграрного движения 1905 года. Рыбин — это художественный образ крестьянина, созревшего для революционной борьбы и ставшего союзником рабочего класса в великой борьбе за социализм.

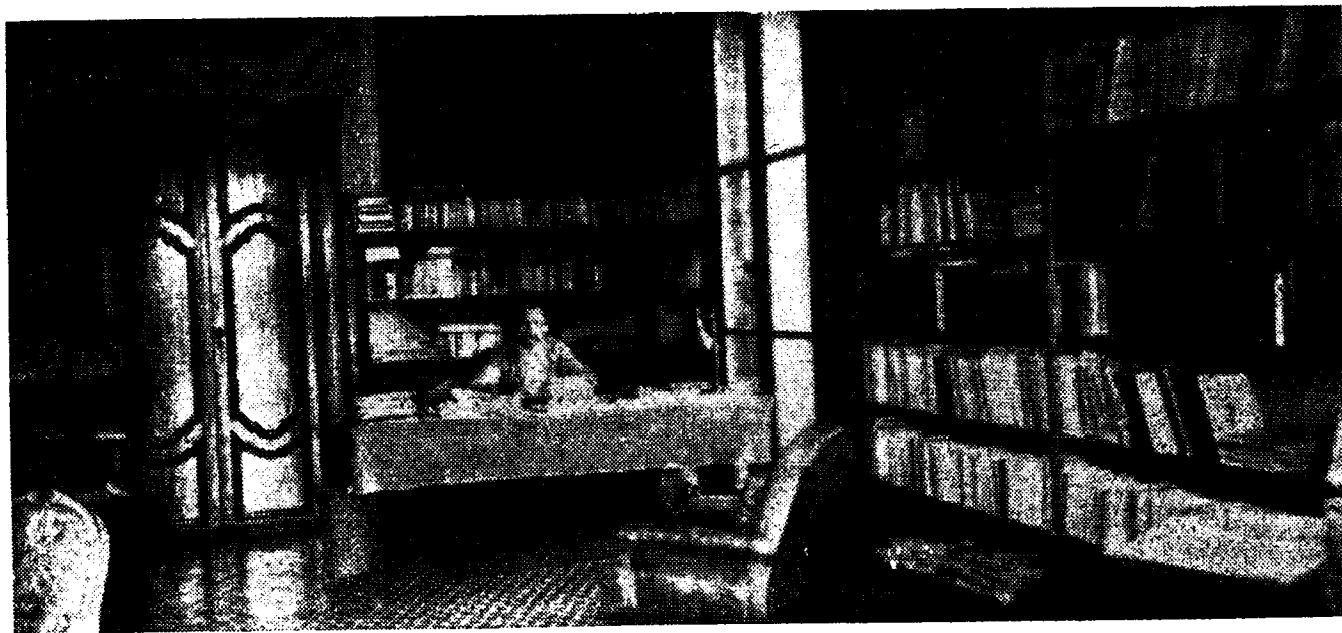
Не только много разных людей, но и много различных мест обрисовано Горьким в его художественных повествованиях. Там и Кавказ, и Крым, и великорусские губернии, и, конечно, Волга, и крупнейшие наши столичные центры, и Сан-Франциско, и Неаполь. Горький собирает свой материал на всех необ'ятных просторах Российского государства и за пределами его. Борьба за социализм — борьба всенародная, охватывающая всю страну.

Горький рисует прошлое и будущее: он не удовлетворяется изображением персонажей одного поколения. В ряде произведений он показывает в образах большие отрезки всего исторического процесса в России, смену поколений, уровень зрелости классовой борьбы в каждом из них. Таково «Де-

ло Артамоновых» — история возвышения и гибели, под ударами революции, русского буржуазного рода. Таков «Клим Самгин», показывающий историю сорока лет бесплодных, а подчас и предательских блужданий буржуазной интеллигенции. И во всем этом многоликом богатстве, во всем этом сложном переплете событий если и не всегда выведен рабочий как действующее лицо, то всегда он является тем ориентиром, на основе которого Горький делает свои оценки и рисует перспективу будущей.

Горький дал нам энциклопедию своей эпохи. Она отразилась в его творчестве во всей своей сложности. Уже одно это делает творчество Горького необычайно поучительным и интересным. А если к этому добавить, что все нарисовано им и выведено рукой перворазрядного мастера русской и мировой литературы, то мы поймем, какой великий вклад внесен в художественное развитие человечества гениальным художником слова Максимом Горьким.

Горький по-своему, по-горьковски, лепит свои образы. Он хочет, с одной стороны, объяснить жизнь, а с другой — показать, как нужно действовать в жизни, чтобы изменить ее. Он любит в художественных произведениях давать полную биографию своего героя, от дня рождения до смерти или полной зрелости. Такое изображение жизненного пути героев, с одной стороны, объясняет, какие условия сде-

А. М. Горький в своем рабочем кабинете.

1932 год.

дали их такими, а с другой — показывает, что они не просто фаталистический результат жизни, а сами активная сила, изменяющая жизнь. Самый презренный герой Горького — это герой «Жизни ненужного человека» Евсей Климков. Это человек, который никогда не боролся против зла, а покорно и рабски подчинялся ему. В итоге Евсей стал охранником и конец свой нашел в петле самоубийцы.

Горький осуждает нытика-интеллигента, мещанина, видящего идеал жизни только в сытости. Он возвеличивает людей большого сердца и большой идеи, людей-борцов, людей, жертвующих собой для блага человечества.

Цель всего написанного Горьким — человеческое достоинство и счастье всех трудящихся на земле. Для Горького самое слово «человек» звучит гордо.

В изумительном рассказе «Рождение человека» он пишет:

«Превосходная должность — быть на земле человеком, сколько видишь чудесного, как мучительно сладко волнуется сердце в тихом восхищении

перед красотой! Ну, да, порой бывает трудно, вся грудь нальется жгучей ненавистью и тоска жадно сосет кровь сердца...»

Эта ненависть и тоска — благодетельные чувства: они не дают сложить руки перед лицом зла; они зовут на борьбу за создание достойных человека условий существования, они источник действенного пролетарского гуманизма, который возвеличивает человека. Благородная цель творчества Горького оживляет каждую написанную им страницу. Любовью к человеку и ненавистью к его угнетателям насыщена каждая его строка, и каждая строка зовет к борьбе против эксплуатации и деспотизма. Животворящая сила горьковского творчества осталась с нами. Горький умер, но, подобно Пушкину, он мог перед смертью сказать, что весь он не умрет, что часть его, большая, от тленья убежит, останется в написанных им книгах, будет жить в сердцах рабочих, крестьян и трудящейся интеллигенции нашей великой страны и всего мира!

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ

А Л Е К С Е Я МАКСИМОВИЧА*

Алексей Максимович Горький родился 28 марта 1868 г. в Нижнем-Новгороде. Детство и отрочество Горького описаны им самим в двух замечательных книгах—«Детство» и «В людях», вошедших в мировую сокровищницу литературы как классические образцы. В этих книгах с огромной правдивостью показаны неприглядность и тяжесть жизни, которые испытал Горький. Четырех лет от роду он потерял отца, умершего от холеры, а десяти лет Горький остался круглым сиротой.

Он отдан был восьми лет в начальное училище, но «курса в оном по бедности не кончил», как значилось впоследствии в документах о нем. Все свои огромные знания Горький приобрел впоследствии самоучкой, в немимоверно тяжелых условиях.

Чтобы не умереть с голоду, Горький был и тряпичником, и мальчиком на побегушках, и пекарем, и сторожем, и помощником повара, и грузчиком. «Работал я много,—вспоминал он,—почти до отупения. Будни и праздники были одинаково загромажены мелким, бессмысленным, безрезультатным трудом». Но страсть к чтению, однажды появившаяся, не покидала его всю жизнь, и хотя он сначала читал бессистемно все, что попадалось под руку, книга помогла ему понять жизнь и еще больше ее полюбить.

Постоянное увлечение чтением вызывало все большую жажду знаний. В поисках знаний Горький приехал в Казань, университетский город, надеясь здесь легче и ближе приобщиться к науке.

В университет, разумеется, он не

* Перепечатано из «Правды» № 167 от 19 июня 1936 г.

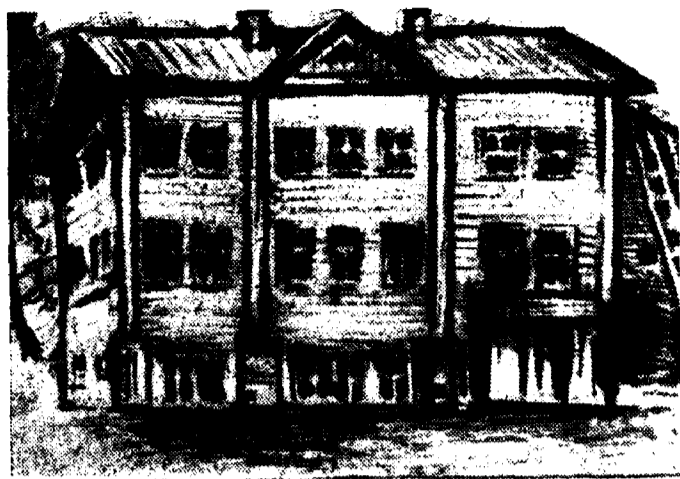
Максим Горький в молодости.

попал. Выполняя попрежнему тяжелую и грязную работу, он сблизился, однако, с учащейся революционной молодежью.

Здесь же Горький познакомился с известным революционером-народником Михаилом Антоновичем Ромась, отбывшим уже тяжелую якутскую ссылку. Ромась пригласил к себе Горького на работу в поволжское село Красновидово. В этом селе Ромась открыл лавку в целях революционной пропаганды среди крестьян. Но обозленные кулаки подожгли избу и лавку Ромася. Горький еле спасся из горевшего здания.

Первая встреча Горького с жизнью деревни произвела на него гнетущее впечатление. Он уехал на Каспий и работал там в рыболовной артели. Потом ушел один в Моздокскую степь, ходил по Жигулям и вернулся в Казань. Это было его первое большое странствие осенью 1888 года.

Поработав некоторое время сторожем и весовщиком на железной дороге, Горький переехал в Нижний-Новгород. Здесь он встречается с полити-

Дом, где родился А. М. Горький. Н. Новгород. Рис. Павлова.

ческими ссылками и впервые попадает «на заметку» к жандармам как политически неблагонадежный. Тут же он впервые на месяц попадает в тюрьму. С тех пор вплоть до революции 1917 года в жандармском управлении все разрастается дело «о цеховом малярного цеха А. М. Пешкове».

В Нижнем-Новгороде Горький встретился с известным русским писателем В. Г. Короленко. Он принес писателю свою большую поэму в прозе и стихах «Песнь старого дуба». Поэма оказалась плохой, и Короленко об этом вежливо, но прямо сказал Горькому: «Я решил, — вспоминал потом Горький, — не писать больше ни стихов, ни прозы и, действительно, все время жизни в Нижнем, почти два года, ничего не писал, а иногда очень хотелось».

В это время Горький служил письмоводителем у адвоката Ланина, получая 20 рублей в месяц.

Весной 1891 года он отправляется в новое странствование. Он шел Донской областью, Украиной, повсюду на месте добывая себе пропитание, батрачил у крестьян, работал поденно.

Прошел Бессарабию до Дуная, потом вернулся берегом Черного моря. Из Одессы, где Горький работал в порту грузчиком, он прошел Перекоп, Симферополь, Ялту, Керчь, Кубань, Черноморье, Терскую область, Военно-Грузинскую дорогу и глубокой осенью 1891 года пришел в Тифлис.

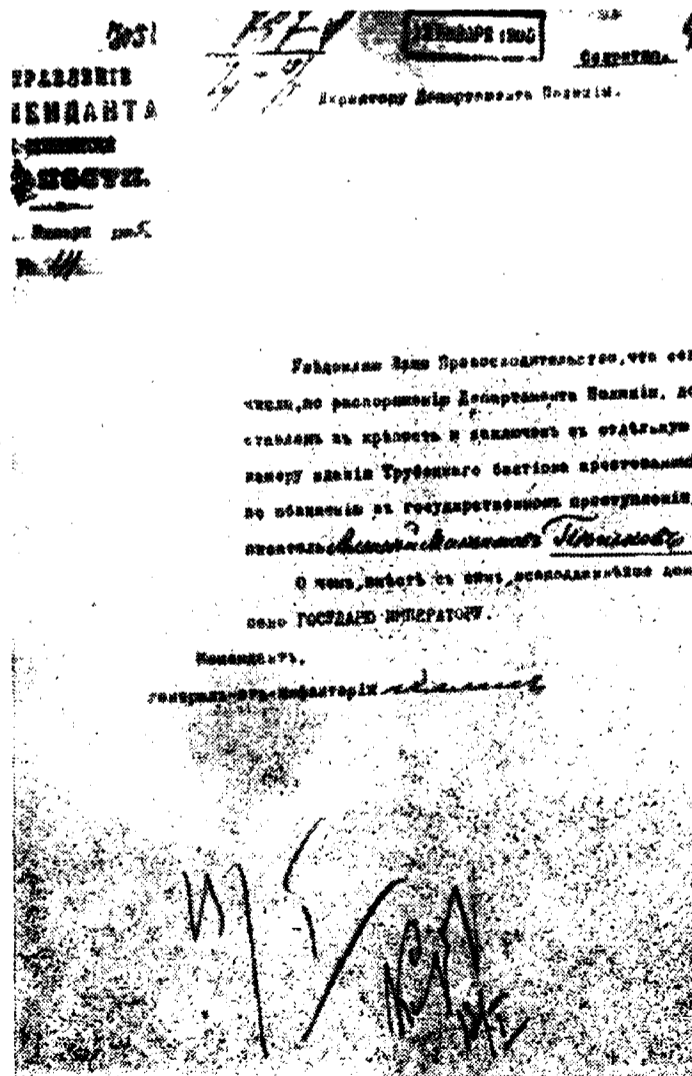
Только 25 сентября 1892 года (эту дату и принято считать началом его литературной деятельности) в тифлисской газете «Кавказ» появился первый рассказ Горького «Макар

Чудра». В октябре того же года Горький приехал в Нижний и снова начал работать письмоводителем у адвоката Ланина. Окрыленный успехом первого рассказа, Горький продолжал писать, но написанного не печатал, потому что очень строго относился к себе и к литературе. Лишь в августе 1893 года в московских «Русских ведомостях» был напечатан второй рассказ Горького «Емельян Пиляй».

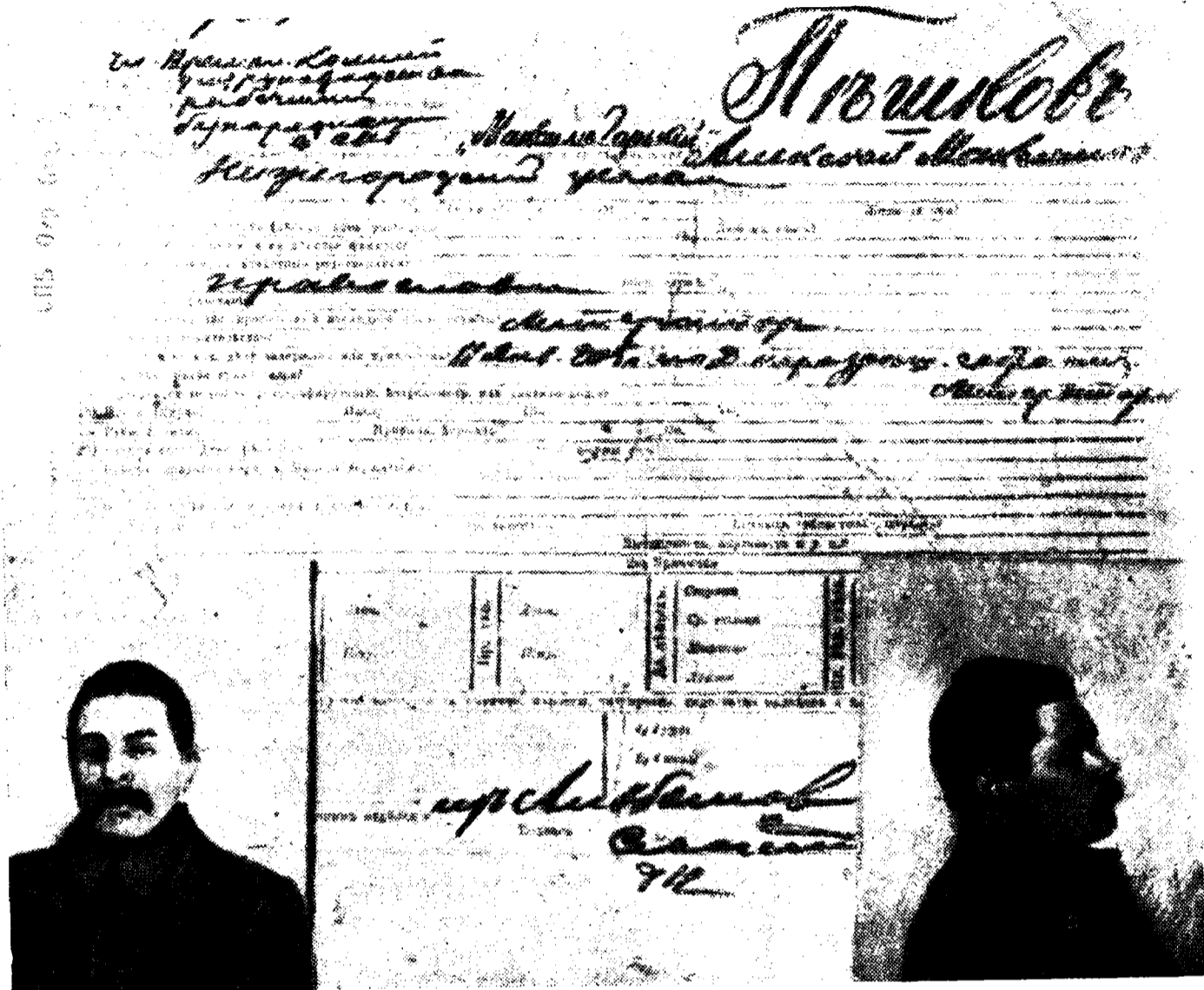
По совету Короленко, Максим Горький написал первую крупную повесть «Челкаш», которая была напечатана в журнале «Русское богатство».

23 марта 1895 года Горький приезжает в Самару, приглашенный туда в качестве постоянного сотрудника «Самарской газеты». В тот же день жандармское губернское управление секретным порядком просит «установить местожительство поднадзорного Пешкова в Самаре и учредить за ним негласный надзор».

Среди очерков и многочисленных фельетонов, помещенных Горьким в «Самарской газете», надо упомянуть и такие известные его вещи, как

Донесение о заключении в Петропавловскую крепость А. М. Горького. 1905 год.

Карточка А. М. Горького. Петербургская охранка. 1906 год.

«Песня о соколе», «На плотях», «Дело с застежками», «Однажды осенью».

В мае 1896 года Горький был приглашен постоянным сотрудником в «Нижегородский листок» и переехал в Нижний. Здесь Горький написал ряд рассказов, среди них «Озорник», «В степи», «Болесь», «Коновалов». Вскоре Горький принужден был покинуть Нижний-Новгород и поехать в Крым, так как заболел туберкулезом, угрожавшим его жизни.

1898 год был знаменательным годом в жизни Горького. В этом году впервые вышли отдельным изданием его книги — два томика по десяти рассказов в каждом. Успех их был исключительный.

В этом же 1898 году Горький снова подвергся аресту в Нижнем по требованию тифлисского жанлармского управления и этапным порядком был препровожден в Тифлис для дознания. Здесь он просидел некоторое время в Метехском замке в отдельном каземате.

Из Тифлиса Горький поехал в Самару, а оттуда — в Нижний. В феврале 1899 года в журнале «Жизнь» начала печататься большая повесть Горького «Фома Гордеев». Одновременно Горький продолжает революционную работу.

Деятельность Горького не прошла для него безнаказанно. Его арестовали и посадили в тюрьму, но опять после месячного заключения вынуждены были освободить из тюремного замка и ограничиться домашним арестом.

В сентябре 1899 г. Горький был отдан под гласный надзор полиции в городе Арзамасе. Но в виду очень плохого состояния здоровья Горького удалось добиться для него разрешения переехать на несколько месяцев в Крым для лечения. По случаю отъезда Горького в Нижнем и в других городах на пути его следования произошли значительные демонстрации учащейся молодежи и интеллигенции. На эти демонстрации откликнулся Ленин статьей в старой «Искре».

А. М. Горький. 1907 год.

В апреле 1901 года в журнале «Жизнь» была напечатана горьковская «Песнь о буревестнике», воспринятая всей страной как манифест революционного под'ема.

В бытность Горького в Крыму произошел нашумевший эпизод с выборами его в почетные академики Академии Наук. Когда об этом было доложено царю, тот с удивлением начертил на докладе: «Более чем оригинально», после чего он дал прямой приказ об отмене выборов Горького, и выборы были объявлены недействительными. Возмущенные таким произволом, почетные академики А. П. Чехов и В. Г. Короленко отказались от этого звания.

В марте 1902 года на сцене Московского Художественного театра было дано первое представление пьесы Максима Горького «Мещане», имевшей колоссальный успех у публики.

В апреле этого же года Горький вынужден возвратиться в ссылку в Арзамас и там заканчивает пьесу «На дне».

К этому времени Максим Горький переходит в лагерь революционной социал-демократии и вступает в тесную связь с издававшейся за границей старой «Искрой», которой руководил В. И. Ленин.

Успех пьесы Горького «На дне» был совершенно исключительный не только в России, но и за границей, где она обошла театры всех европейских стран. Она была воспринята как революционное произведение и друзьями и врагами революции.

Горький принимает непосредственное участие в революции 1905 года. Он пишет воззвание и помогает всеми силами революционному движению. Он был арестован и посажен в Петропавловскую крепость, но через месяц его пришлось освободить и выслать в Ригу. Готовился судебный процесс против Горького, но в связи с манифестом 17 октября дело было приостановлено. Вернувшись в Петербург, Горький организовал большую газету «Новая жизнь», которая стала первым большевистским легальным органом. После первых номеров она непосредственно редактировалась приехавшим из-за границы В. И. Лениным.

К тому времени в большевистской партии возникла мысль поручить Горькому поездку в Америку для сбора путем агитации денег в партийную кассу. Он выехал за границу в январе 1906 года.

За время своей поездки в Америку Максим Горький написал свой знаменитый роман «Мать», сыгравший такую огромную роль в борьбе рабочего класса за свое освобождение.

После своих выступлений за границей Горький, конечно, не мог вернуться в Россию. Он поселился в Италии на острове Капри и стал политическим эмигрантом.

Живя за границей, Горький еще теснее связывается с партией и партийной работой. Весною 1907 года в Лондоне состоялся пятый съезд партии, на котором Горький присутствует в качестве делегата с совещательным голосом. Встречи его с Лениным на съезде послужили началом тесного их сближения и деятельной переписки.

Горький активно участвует в большевистском журнале «Просвещение»

и руководит в нем беллетристическим отделом.

Империалистическую войну Горький встретил с величайшим негодованием и всегда оставался одним из самых ожесточенных противников ее. Когда осуществилось его давнее желание и ему удалось организовать толстый журнал «Летопись», журнал этот занял интернационалистскую позицию.

После Октябрьской социалистической революции Горький активно участвует в издательстве «Всемирная литература», ведет работу среди интеллигенции и ученых. Он с 1918 года тесно связан с Лениным, всемерно помогает советской литературе и молодым писателям. Он помещает ряд замечательных статей в журнале «Коммунистический интернационал» и в одной из них дает незабываемый образ Ленина.

В 1921 году у него усиливается кровохарканье, и он вынужден выехать лечиться за границу, а весной 1924 года, по указанию врачей, поселяется в Италии. И тут снова начинает усиленную художественную работу. Он написал четыре новые книги: «Рассказы», «Воспоминания», «Заметки из дневника», «Мои университеты».

В 1925 году Горький выпускает в свет новую книгу «Дело Артамоновых», а в 1927 году появился первый том нового крупного произведения Горького «Жизнь Клима Самгина».

В 1928 году он возвращается на родину и здесь с удвоенной энергией принимается за работу. Он выпускает два последующих тома «Клима Самгина», пишет ряд замечательных очерков, публицистических статей и рассказов, в частности из крестьянской жизни. Выпускает пьесы «Егор Булычев» и «Василий Достигаев», основывает и редактирует ряд журналов: «Наши достижения», «За рубежом», «Литературная учеба», «СССР на стройке», выдвигает мысль об издании серии книг «История молодого чело-

Товарищи Сталин и Молотов на похоронах А. М. Горького.

века XIX столетия», «Библиотека поэта», «Жизнь замечательных людей». По его инициативе возникают такого огромного значения издания, как «История фабрик и заводов» и «История гражданской войны».

Максим Горький становится во главе союза советских писателей и непосредственно руководит его работой.

Так же, как в свое время он тесно был связан с Лениным, он дружит с великим Сталиным, беседует, советуется с ним и пользуется огромнейшей популярностью среди народа.

Он был любим народом, и память о нем не исчезнет никогда.

А. Азизян

Х С'ЕЗД П А Р Т И И

1

Х с'езд РКП(б) — замечательная страница в истории героической борьбы рабочего класса Страны советов и его авангарда — партии большевиков — за построение социализма.

Х с'езд собрался 8 марта 1921 года. К этому времени гражданская война была победно завершена. Советская земля была очищена от интервентов и белогвардейцев. Военная опасность была устранена. Перед страной во весь рост встала задача успешного перехода к хозяйственному строительству и ликвидации в первую очередь хозяйственной разрухи.

Положение в стране было крайне тяжелым: в результате империалистической и последовавшей за ней гражданской войны Советская республика переживала тяжелый хозяйственный кризис. Достаточно сказать, что промышленность в 1920 году давала не более пятой части довоенной продукции, а чугун — лишь 2,4%. Транспортный и топливный кризис очень остро отзывался во всех областях жизни страны. В результате сокращения посевных площадей и недорода в 1920 году произошло снижение хлебной продукции по сравнению с довоенным уровнем на 40%. Продовольственный кризис создавал очень серьезные затруднения для советской власти.

Нарастало недовольство крестьян политикой военного коммунизма. Кулачество и мелкобуржуазная контрреволюция пытались использовать это

недовольство для того, чтобы поднять крестьянина-середняка против советской власти. Кронштадтский мятеж, во время которого собрался Х с'езд, в наиболее яркой форме отразил физиономию этой мелкобуржуазной контрреволюции, которая, как указывал тогда Ленин, была «более опасна, чем Деникин». Активизировались меньшевики, эсеры, анархисты. Вспыхивали кулацкие восстания в Тамбовской и других губерниях.

Гражданская война и тяжелое продовольственное положение вызвали также процесс деклассирования пролетариата. «Стоят фабрики и заводы — ослаблен, распылен, обессилен пролетариат»¹. В партии шла дискуссия о профсоюзах; росли элементы фракционности, угрожавшие единству ее рядов.

Исключительная острота момента требовала решительных и героических мер, укрепления союза рабочего класса с середняком, поднятия хозяйства страны, укрепления единства партии.

Свою миссию Х с'езд партии выполнил. Гениальный ум Ленина помог партии найти то звено, за которое нужно было уцепиться, чтобы вытащить всю цепь. С'езд совершил всемирно-исторический поворот, заложив основы перехода от системы военного коммунизма к новой экономической политике, рассчитанной на укрепление пролетарской диктатуры и построение социализма через рыночные формы хозяйственных связей, которые при правильной политике со стороны советского государства способствуют «вытеснению частного капитала, переделке крестьянского хозяйства, дальнейшей централизации и концентрации средств производства в руках пролетарского государства» (из программы КИ), т. е. победе социализма над капитализмом.

Чем был военный коммунизм? Это была «организация рационального потребления в целях военной обороны при системе усиленного нажима на капиталистические группы (конфискации, реквизиции и т. д.), при более

¹ Ленин. Т. XXVII, стр. 7.

или менее полной ликвидации свободной торговли и рыночных отношений, при резком нарушении индивидуалистических хозяйственных стимулов мелкого производителя, что связано с падением производительных сил страны»¹.

Политика военного коммунизма, необходимая в условиях гражданской войны, в мирной обстановке становилась тормозом дальнейшего укрепления диктатуры пролетариата.

Переход к нэпу означал решительный поворот политики партии по отношению к мелкому земледельцу. По сути дела, новая экономическая политика означала возврат к той политике, основы которой были намечены Лениным еще в период первой передышки после заключения Брестского мира и которая является единственно правильной экономической политикой пролетариата в переходный период. Цель этой политики — уничтожение классов и построение социалистического общества не путем прямого штурма, а при помощи ряда переходных мер.

Вопрос заключался в том, чтобы социалистическое строительство вести «применительно к экономике середняка» (Ленин). Нужно было сначала поднять производительные силы земледелия на базе единоличного хозяйства, создавая для крестьянина личную заинтересованность, частнохозяйственный стимул. Принятое X съездом решение о замене разверстки натуральным налогом было продиктовано именно этими мотивами, так как, получив возможность распоряжаться хлебными излишками, крестьянство, безусловно, более заинтересовывалось в ведении сельского хозяйства.

Это мероприятие создавало базу для смычки социалистической промышленности с мелкокрестьянским сельским хозяйством, для установления правильных взаимоотношений рабочего класса с крестьянством, укрепления союза с середняком. При этом Ленин решительно предостерегал от замазывания нашей конечной цели — уничтожения классов. «Что это значит — руководить крестьянством? Это

значит, во-первых, вести линию на уничтожение классов, а не на мелкого производителя»².

А для этого нужно было во что бы то ни стало поднять промышленность, создать материальную базу для производственной смычки с крестьянской экономикой, для технического вооружения сельского хозяйства и обеспечения на этой базе перехода мелких хозяйств к обобществленному коллективному труду. Ибо «действительной и единственной базой для упрочения ресурсов, для создания социалистического общества является одна и только одна — это крупная промышленность»³.

Рост промышленности не только обеспечивал установление нормальных взаимоотношений с крестьянской экономикой, но подрывал и корни капитализма. «Если ты можешь дать крестьянину машины, этим ты поднимешь его, и когда ты дашь машины или электрификацию, тогда десятки или сотни тысяч мелких кулаков будут убиты»⁴. В этих словах Ленина содержатся уже указания о путях ликвидации кулачества как класса. Если он на кооперативной комиссии IX съезда партии и в проекте тезисов по аграрному вопросу на II конгрессе КИ заявлял, что мы еще не в силах приступить к ликвидации всего кулачества, к его экспроприации, то он имел в виду, прежде всего, отсутствие у нас необходимой материальной базы для разрешения этой задачи.

Нэп, как показало все наше дальнейшее развитие, решил задачу укрепления основ пролетарской диктатуры и создал необходимые условия для развернутого социалистического наступления по всему фронту.

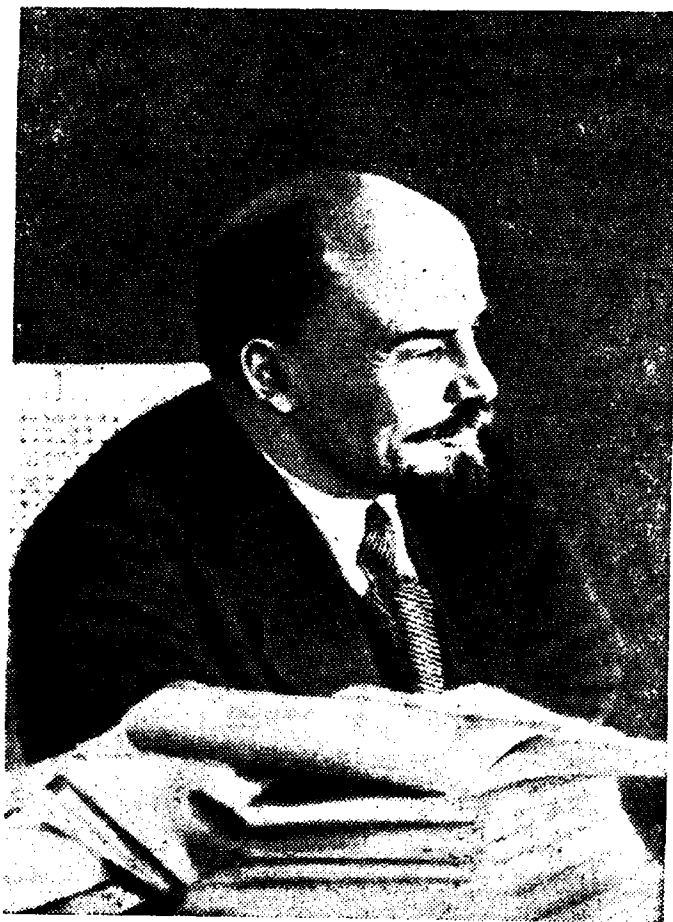
Переход к нэпу сыграл решающую роль в подготовке тех великих успехов социализма, свидетелями которых мы сегодня являемся. Оппортунисты всех мастей, пытавшиеся свернуть Советскую страну с правильного пути, каждый раз пытались извратить ленинское понимание нэпа. Вопрос о нэпе был тем пробным камнем, на котором проверялась преданность пар-

² Ленин. Т. XXVI, стр. 400.

³ Там же, стр. 390.

⁴ Протоколы X съезда РКП(б), стр. 415. Партиздат. 1935.

¹ «Программа и Устав Коммунистического интернационала», стр. 91. Партиздат, 1936.

В. И. Ленин. 1921 год.

тии и разоблачались оппортунисты, ибо в этом вопросе находила отражение наша работа на всех участках пролетарского государства. Понятна поэтому та исключительная непримиримость, с которой партия боролась против правых и «левых» попыток сорвать нэп и извратить его.

Партия разгромила троцкизм, пытавшийся повернуть назад, к методам военного коммунизма, проповедывавший политику колониальной эксплуатации крестьянского хозяйства, политику разрыва союза с середняком.

Партия разоблачила капитулянтское определение нэпа как отступление у предателей Зиновьева и Каменева, вытекавшее из их неверия в возможность преодолеть технико-экономическую отсталость страны и построить социализм у нас.

Известно следующее заявление Каменева, сделанное им после X съезда: «Мы идем к возрождению капитализма и учредилке! Так будет, потому что иначе и быть не могло — я был прав».

Партия изобличила правых уклонистов, не видевших отрицательных сторон нэпа и делавших ставку на развитие кулацкого хозяйства.

Товарищ Сталин дал всестороннюю и классическую по своей четкости

характеристику нэпа: «Нэп есть особая политика пролетарского государства, рассчитанная на допущение капитализма, при наличии командных высот в руках пролетарского государства, рассчитанная на борьбу элементов капиталистических и социалистических, рассчитанная на возрастание роли социалистических элементов в ущерб элементам капиталистическим, рассчитанная на победу социалистических элементов над капиталистическими элементами, рассчитанная на уничтожение классов, на постройку фундамента социалистической экономики»¹.

Товарищ Сталин дал разработку проблем нэпа, показал его двойственную природу и мастерски вскрывал новое на каждом этапе развития нэпа в связи с ростом командных позиций пролетариата, не допуская ни перепрыгивания через незавершенные этапы нэпа, ни заострения на старых, уже пройденных этапах. Под руководством товарища Сталина страна пришла от начальной стадии нэпа, характеризовавшейся наличием пяти экономических укладов хозяйства в стране и торговой формой смычки между социалистической экономикой и преобладавшим в стране единоличным крестьянским хозяйством, к последней его стадии, при которой уничтожены капиталистические элементы в промышленности, разгромлено кулачество, а колхозы превратились в господствующую форму сельского хозяйства, — к стадии, означающей бесповоротную победу социализма над капитализмом.

Товарищ Сталин упорно и последовательно боролся за осуществление ленинского стратегического плана построения социализма в нашей стране, он гигантски обогатил этот план. Накануне X съезда, 27 октября 1920 года, на краевом совещании коммунистических организаций Дона и Кавказа в городе Владикавказе товарищ Сталин в своем докладе подверг жестокой критике теорию невозможности построения социализма в одной стране.

«...Некоторые участники Октябрьского переворота, — говорил тогда товарищ Сталин, — были убеждены в том, что социалистическая революция

¹ И. Сталин «Об оппозиции», стр. 211. Гиз 1928.

в России может увенчаться успехом, и успех этот может быть прочным лишь в том случае, если непосредственно за революцией в России начнется революционный взрыв на Западе, более глубокий и серьезный, который поддержит и толкнет вперед революцию в России, причем предполагалось, что такой взрыв обязательно начнется.

Этот взгляд также был опровергнут событиями... Оказалось, что социалистическая революция может не только начаться в отсталой стране, но и увенчаться успехом, итти вперед, служа примером для стран капиталистически развитых»¹.

Развитие Советской республики пошло в том именно направлении и, в целом, теми темпами, какие указывал Ленин на X с'езде. «Минимальный срок, в течение которого можно было бы так наладить крупную промышленность, чтобы она создала фонд для подчинения себе сельского хозяйства, исчисляется в десять лет. Этот срок — минимальный, при неслыханно благоприятных технических условиях»². Разве не стало это предположение пророческим?

Четыре года, с 1917 по 1921, Ленин приравнивал по богатству опыта, приобретенного нашей партией, к 40 годам дореволюционного времени. А что сказать о годах, пройденных нами после 1921 года? Ведь за это время, наступая на рельсах нэпа, мы подошли, благодаря мудрому руководству товарища Сталина, к тому ускорению движения вперед, которое предсказывал Ленин в своем докладе на XI с'езде РКП(б): «Сомкнуться с крестьянской массой, с рядовым трудовым крестьянством, и начать двигаться вперед неизмеримо, бесконечно медленнее, чем мы мечтали, но зато так, что действительно будет двигаться вся масса с нами. Тогда и ускорение этого движения в свое время наступит такое, о котором мы сейчас и мечтать не можем»³.

Наша страна стала страной перво-классной крупной индустрии. Продукция крупной промышленности, составлявшая одну пятую довоенного уров-

И. В. Сталин. 1922 год.

ня к X с'езду, сегодня превзошла этот уровень в 6 раз, а по металло-обрабатывающей индустрии — свыше чем в 10 раз. Производство электроэнергии по отношению к довоенному уровню возросло не менее чем в 10 раз. Мы создали фундамент социалистической экономики, собственную базу для технической реконструкции всего народного хозяйства. Страна наша стала промышленной по преимуществу.

Все это было сделано без иностранного капитала, кредитов, концессий. Нам не приходится сожалеть о том, что широко задуманный на X с'езде план концессий не реализовался. Мы нашли другие пути овладения лучшими достижениями мировой техники (ввоз оборудования, техническая помощь и консультации, многочисленные выезды наших специалистов в передовые капиталистические страны).

Социалистическое общество создано. Ликвидированы эксплуататорские классы, уничтожена всякая эксплуатация человека человеком. Вопрос «кто кого» окончательно разрешен в пользу социализма. Все наше народное хозяйство стало социалистическим. Крестьянство в своей подавляющей части перешло к коллективным, социа-

¹ И. Сталин «Об Октябрьской революции». Сборник статей и речей, стр. 21. Партиздат. 1932.

² Протоколы X с'езда РКП(б), стр. 525.

³ Ленин. Т. XXVII, стр. 231—232.

листическим формам хозяйствования на базе крупной машинной техники. Разница между бедняками и середняками ликвидировалась, и трудящееся крестьянство в колхозах успешно продвигается вперед по пути счастливой, зажиточной и культурной жизни.

Крутой поворот экономической политики, совершенный X съездом по инициативе Ленина, был тем основным условием, которое обеспечило эти грандиозные победы социализма

2

Канун X съезда характеризовался ожесточенной внутривнутрипартийной борьбой, известной под названием профсоюзной дискуссии.

После брестской дискуссии следующим периодом наиболее острой внутривнутрипартийной борьбы была «профсоюзная дискуссия» 1920—1921 годов.

Застрельщиком дискуссии был Троцкий.

В ноябре 1920 года на заседании комфракции V всероссийской конференции профсоюзов он выступил против партийной линии в профдвижении с печально знаменитым лозунгом «перетряхивания» профсоюзов. Пленум ЦК партии отверг его тезисы. Зиновьев и Каменев с группой членов ЦК выступили с «буферными» предложениями, которые на известном, правда, весьма незначительном, стрезке времени восторжествовали. Пленум ЦК 9 ноября большинством 8 голосов против 6 принял их предложения.

Доклад Ленина на комфракции V всероссийской конференции профсоюзов было решено отменить и поручить его Зиновьеву, предложив ему «сделать деловой, не полемический доклад».

25/XII Троцкий выступил со своей «брошюрой-платформой»: «Роль и задачи профсоюзов», все содержание которой, как говорил Ленин, «насквозь пропитано духом «перетряхивания». Ленин резко осудил это фракционное выступление Троцкого: В брошюре «Еще раз о профсоюзах» он следующим образом характеризует его:

«...после двух пленумов Цека (9 ноября и 7 декабря), посвященных неслыханно подробно, долгому, горя-

чему обсуждению первоначального наброска тезисов тов. Троцкого и всей защищаемой им политики партии в профсоюзах, один член Ц. К. остается одним из 19, который подбирает себе группу вне Ц. К. и с «коллективным» «трудом» этой группы выступает, как с «платформой», предлагая партсъезду «выбирать между двумя тенденциями»!!»¹.

Выступление Троцкого было попыткой на базе дискуссии о задачах профсоюзов сплотить свои кадры, противопоставить их Ленину, захватить руководство партией, повернуть страну на путь капитуляции перед буржуазией. История нашей партии полна многочисленными фактами борьбы Троцкого против Ленина, против большевизма, против ленинских кадров. По окончании гражданской войны, при переходе нашей партии от военных задач к хозяйственным, Троцкий, исходя из своей капитулянтской теории невозможности победы социализма в одной стране, вновь атаковал ленинский ЦК.

Позиция партии по вопросу о профсоюзах была изложена в появившейся 14 января платформе десяти, под которой стояли подписи Ленина, Сталина и др.

Наряду с платформой Троцкого в процессе развернувшейся дискуссии появились на арене бухаринские «буферные» тезисы, платформа «рабочей оппозиции», группы «демократического централизма», игнатовцев, Ногина, Рязанова. К самому же X съезду, происходившему в марте 1921 года, против ленинских тезисов фигурировали только две платформы: объединенная платформа Троцкого—Бухарина и платформа «рабочей оппозиции». Остальные отпали в процессе дискуссии, присоединившись к одной из основных платформ.

X съезд положил конец дискуссии, осудил антиленинские фракционные группировки и принял ленинские предложения по вопросу о роли и задачах профсоюзов.

Не случайно внутривнутрипартийная борьба на этом этапе перехода к новым формам взаимоотношений между рабочим классом и крестьянством выли-

¹ Ленин. Т. XXVI, стр. 114.

лась в форму дискуссии о профсоюзах.

Основная задача, стоявшая перед партией и страной, заключалась в том, чтобы в новых условиях по-новому организовать массы для борьбы на хозяйственном фронте. Для этого в первую очередь надо было поднять инициативу, самостоятельность, сознательность пролетариата, с тем чтобы обеспечить максимальное единство его воли и действий в деле возрождения народного хозяйства, его руководство мелким крестьянством, составлявшим огромное большинство населения страны. Для этого нужны были демократически построенные профсоюзы, играющие роль «школы коммунизма». В этом духе настойчиво выступали в то время Ленин и Сталин; в этом духе были составлены и тезисы Рудзутака, принятые V Всероссийской конференцией профсоюзов в ноябре 1920 года.

Троцкий же утверждал, что нет другого выхода из трудностей, кроме закрепления и дальнейшего развития политики военного коммунизма. Он не видел другого метода руководства массами, кроме аппаратно-бюрократического. Он считал «позорной капитуляцией перед каутскианством» стремление перестроить методы руководства рабочими массами в сторону развития демократизма, методов убеждения и воспитания. Под троцкистским лозунгом «перетряхивания» профсоюзов скрывалась тенденция расколоть рабочий класс.

Товарищ Сталин в статье «Наши разногласия» (опубликованной в «Правде» от 19 января 1921 года) подверг жесточайшей критике эти раскольнические попытки и деятельность Цектрана (Центрального комитета профсоюза железнодорожников и водников), где засели троцкисты. Товарищ Сталин показал, как глубоко вредны и пагубны попытки механически переносить военные методы в профсоюзную среду и к чему ведет «перетряхивание» людей, облеченных доверием большинства членов профсоюза.

По Троцкому, профсоюзы, вместо того чтобы укрепиться как широкая массовая организация, являющаяся «школой коммунизма», должны были взять на себя функции управления промышленностью, превратиться в часть государственного аппарата.

Троцкий выдвигал негодные, гнилые средства для возрождения хозяйства страны, он предлагал «в области потребления, т. е. условия личного существования трудящихся... вести линию уравнительности». Рецепт этот был выражением настроений отсталых элементов пролетариата. Таким способом можно было лишь дезорганизовать хозяйство, а не возродить его.

К тому же результату вели предложения этого ренегата о крестьянстве — поставить в основу под'ема сельского хозяйства принудительные задания крестьянам с одновременным ослаблением нажима на кулака. Он противопоставил ленинскому плану электрификации, плану построения социализма в нашей стране, свой «план» принудительных трудармий.

Товарищ Сталин в своем письме к Ленину в марте 1921 года, характеризуя план Гозлро, оценивал троцкистскую политику в хозяйственных вопросах следующим образом: «Помните прошлогодний «план» Троцкого (его тезисы) «хозяйственного возрождения» России на основе массового применения к обломкам довоенной промышленности труда неквалифицированной крестьянско-рабочей массы (трудармии). Какое убожество, какая отсталость в сравнении с планом Гозлро! Средневековый кустарь, возмнивший себя ибсеновским героем, призванным «спасти» Россию сагой старинной...»¹.

К подрыву дела построения социализма вели и предложения «рабочей оппозиции», требовавшей передачи управления всем народным хозяйством «всероссийскому съезду производителей». Иначе говоря, предлагалось стереть грань между рабочим и крестьянином (ибо все они «производители»), между партийными и беспартийными (ибо они также все «производители»). Это было коренным теоретическим отступлением от коммунизма, так как отрицалась руководящая роль партии в системе диктатуры пролетариата, отрицалось руководящее воздействие пролетариата на крестьянство.

Что это было не случайной обмолвкой, подтверждает выступление Шляп-

¹ Ленин и Сталин. Сборник произведений к изучению истории ВКП(б). Т. II, стр. 365. Партиздат. 1936.

никова перед IX съездом с тезисами «К вопросу о взаимоотношениях РКП, Советов и производственных союзов», в которых он устанавливает следующее «разграничение функций» между этими организациями: партия занимается политикой, а профсоюзы становятся «единственными организаторами народного хозяйства»¹.

Все взгляды «рабочей оппозиции» были пронизаны духом анархизма и синдикализма. Известно, что отличительной особенностью синдикалистов в капиталистических странах являлось их стремление передать производство в руки профсоюзов, их отрицание необходимости политической партии пролетариата и борьбы за диктатуру пролетариата. В наших, советских условиях анархо-синдикализм был прямым выражением мелкобуржуазной анархической стихии, почему X съезд и признал их взгляды несовместимыми с принадлежностью к партии большевиков.

Группа «демократического централизма» (Осинский, Сапронов, Максимовский и др.), так же как и «рабочая оппозиция», вела рабочий класс к расколу, подрывая основы диктатуры пролетариата отрицанием руководящего влияния партии и централизованного пролетарского руководства.

Своих самостоятельных взглядов в профсоюзной дискуссии эта группировка не имела. Ее платформа представляла собой смесь различных платформ, поэтому к съезду она сняла свою платформу и дала своим приверженцам свободу выбора. По хозяйственной политике они также не имели своих конкретных предложений. Зато они успели наговорить бесконечное количество речей против всей системы партийного и советского руководства.

В своих тезисах по партийному строительству к X съезду «децисты» открыто требовали свободы фракций и группировок в партии. Не даром Ленин говорил, что их платформа — «худший меньшевизм и эсеровщина».

Мелкобуржуазное нутро группы «демократического централизма» ярко проявилось в ее деятельности на Ук-

раине, в частности на IV конференции КП(б)У весной 1920 года, на которой отстаивал линию партии в качестве представителя ЦК товарищ Сталин. Здесь «децисты» выступили против организации на Украине комитетов деревенской бедноты (комнезамов), против решительных мер по созданию твердого советского порядка, фактически капитулировали перед кулаком.

Колоссальный вред партии, боровшейся с троцкистской и всякой иной фракционностью, принесла так называемая «буферная» группа Бухарина.

Предложение «буфера» о том, что кандидатуры, выдвигаемые профессиональными организациями, должны быть обязательными для хозяйственников, показало, что он, по существу, стоит на синдикалистских позициях и отрицает значение партии как основной руководящей силы в системе диктатуры пролетариата.

Не случайно «буфер» вскоре присоединился к платформе Троцкого.

Прикрывая фразами о «примирении» фактическую поддержку антиленинских группировок, «буфер» Бухарина на деле сыграл роль «пособника худшей и вреднейшей фракционности»². Тезисы Бухарина Ленин считал «верхом распада идейного».

За дискуссией о задачах профсоюзов скрывался, по существу, спор о том, возможно ли победоносное социалистическое строительство в нашей стране, способен ли рабочий класс вывести хозяйство на широкий путь возрождения, поведет ли он за собой крестьянство. Шляпников на X съезде прямо утверждал, что по ленинскому плану мы едва ли организуем хозяйство к... «концу XXV столетия».

Предложения всех оппозиционных группировок в период дискуссии о задачах профсоюзов сводились к разжиганию пролетариата, к расколу его, к ослаблению руководящей роли партии в рабочем классе, к ослаблению ведущей роли последнего по отношению к крестьянству. А это могло в столь критический момент революции привести только к одному — падению диктатуры пролетариата. Не случайно представители этих оппозицион-

¹ Протоколы X съезда РКП(б), стр. 870, прим. 138-е.

² Ленин. Т. XXVI, стр. 114.

ных групп, продолжавшие настаивать на своих антипартийных позициях, встали впоследствии на путь прямой контрреволюции.

3

Дискуссия о профсоюзах имеет для нас значение и с другой, весьма важной стороны: на этой дискуссии мы можем проследить ту тактику, которая применялась оппортунистами в борьбе против генеральной линии партии. Мы можем изучить методы борьбы партии с оппозицией на разных ее этапах. Исключительное значение имеют в этой связи решения X с'езда по вопросу о единстве партии.

Энгельс в одном из своих писем Бебелю писал: «Единство — прекрасная вещь, пока оно возможно, но есть вещи поважнее единства»¹. Это задачи классовой борьбы пролетариата. И поэтому он в том же письме с удовлетворением сообщает о «долгожданном расколе» среди французских социалистов, ибо часть из них (Малон и Бруссо) отказывалась «от классового характера движения и от программы во всех тех случаях, когда благодаря этому отказу можно заполучить больше голосов, больше сторонников».

Маркс и Энгельс разоблачали внутри I интернационала те гнилые элементы, которые кричали о единстве, а на деле вели Интернационал к дезорганизации, к смешению всех и вся в неопределенную кашу. «Мы знали отлично, — говорит Энгельс в другом письме к Бебелю, — что пузырь должен лопнуть. К Интернационалу присасывалась всякая шваль... Мы старались не оттягивать катастрофы, а вывести из нее Интернационал чистым и не фальсифицированным»².

Эта высокая принципиальность и идейная непримиримость стали основной заповедью большевиков, единственных последовательных носителей великих идей и традиций Маркса и Энгельса. Свыше трех десятилетий в этом именно духе пестовали нашу партию Ленин и Сталин и выпестовали ее великой и непобедимой.

¹ Архив Маркса и Энгельса. Т. I (VI), стр. 209. Партиздат. 1932.

² Там же, стр. 70.

Почти во всех крупнейших странах в период, предшествовавший мировой войне 1914 года, имелись подлинно революционные элементы, но они консолидировались, развились в коммунистические партии лишь в военную и послевоенную эпоху. Большевики же выкристаллизовались, организовались в крепкую революционную, боееспособную партию гораздо раньше и прежде всего потому, что они открыто противопоставляли революционную линию оппортунистической и всегда непримиримо боролись со всякими отклонениями от этой революционной линии.

Ленин стоял не за всякое единство, он отстаивал единство на революционной основе, на основе непримиримой борьбы с оппортунистами. Например накануне событий 1905 года, когда нужно было быстро и решительно консолидировать революционные силы, Ленин требовал открытого и немедленного раскола с меньшевиками. В письме к цюрихской группе большевиков в январе 1905 года он писал: «...порвать с меньшевиками как можно полнее, скорее, определеннее (открыто, публично), созвать свой партийный 3-й с'езд помимо согласия центров и без них... Да, раскол, ибо везде и повсюду поганая склока... только вредила делу»³.

Все это надо знать, чтобы правильно, не упрощенно понимать, как партия боролась за единство своих рядов в послеоктябрьский период, ибо упрощенное понимание этого вопроса оппортунисты использовали в своих целях. Они, маскируясь фразами об единстве, пытались получить в партии свободу для открытой пропаганды антиленинской идеологии, пытались объединить в партии антибольшевистские силы и тем самым превратить партию в рыхлую, бесформенную организацию, неспособную на революционные действия.

В борьбе за единство партии особое место занимает X с'езд. Накануне с'езда партия, как об этом уже говорилось выше, под руководством Ленина провела большую, напряженную борьбу с несколькими антибольшевистскими группировками.

К этому же времени внутри партии

³ Ленинский сборник. Т. V, стр. 147—148. 2-е изд. Гиз.

обнаружились тревожные, нездоровые явления. Обстановка гражданской войны вызвала милитаризацию партийных организаций, известное свертывание в них коллективных органов. Создалась опасность отрыва некоторых руководящих комитетов от широких слоев членов партии. При быстром количественном росте партии эта система мешала коммунистическому воспитанию новых пополнений партии. Нарождался бюрократизм, отрыв от масс, злоупотребление привилегиями в части партийных организаций. Отсюда разговоры о «верхах» и «низах», которые особенно усиленно использовали «децисты» — эта фракция «громче всех крикунов», как говорил Ленин. Разобщенность все больше давала себя знать, выливаясь иногда, как это было на некоторых партийных конференциях, в прямые конфликты.

ЦК в своем письме от 4/IX 1920 года¹ дал подробный анализ всем этим явлениям в партии и наметил конкретные мероприятия для оживления работы партийных организаций, развития самокритики, внутрипартийной демократии, борьбы с ненормальными явлениями в партии. Это письмо вместе с тем давало отпор уравнилельным настроениям, попыткам противопоставить «низам» «верхам». Сентябрьская всероссийская партконференция, исходя из этого письма, наметила ряд новых мероприятий для оживления внутрипартийной жизни.

К X съезду появились тезисы, материалы различных оппозиционных групп о партийном строительстве.

Все эти оппозиционные группировки стремились направить критику недостатков партийной жизни не на укрепление партии, а на ее расшатывание. Достаточно вспомнить сентябрьскую всероссийскую конференцию и московскую губернскую конференцию 1920 года. Например на всероссийской конференции Сапронов обвинял ЦК в «высылке» коммунистов, пытаясь тем самым ограничить права ЦК по расстановке кадров. Он говорил о разложении и перерождении партии. Лутовинов здесь же вопил о «засилье партийных спецов», требовал «отказаться от старых методов борьбы с оппо-

зицией», т. е. добивался свободы фракций и группировок.

* Возникшие группы пытались создать свою платформу, свою фракционную дисциплину. На московской конференции представители групп «рабочей оппозиции» и игнатовцы проводили частные совещания своих единомышленников, что вызвало резкий протест Ленина. Эти проявления фракционности он именовал политикой «двух комнат».

Фракционеры из московской конференции были поддержаны и Троцким. После его выступления против политики партии на коммунистической фракции V всероссийской конференции профсоюзов ЦК создал комиссию для рассмотрения этого вопроса. Троцкий, включенный в эту комиссию, демонстративно вышел из нее.

Мелкобуржуазные болтуны — большие любители выставять себя единственными защитниками демократизма. Но достаточно им кое-где временно получить перевес, как они немедленно превращаются в архибюрократов и пытаются навязать свое мнение большинству партии. Уральское бюро ЦК и Екатеринбургский губком в большинстве высказались за платформу Троцкого. Тезисы «десяти» за подписью Ленина, Сталина и др. здесь были запрещены якобы в интересах единства партии. Ленинские материалы размножались на гектографе и распространялись нелегально. И все же на Урале, на уездных, городских, и, наконец, на екатеринбургской партконференции были приняты ленинские тезисы. Губернская конференция, осудив поведение губкома, говорит в своем решении: «Поведение губкома в этом вопросе, выразившееся в умышленном замалчивании наших внутренних разногласий (отказ губкома печатать и распространять речи т. Ленина и др., произнесенные ими на фракции VIII съезда Советов) и в желании затушевать разногласия якобы в интересах единства партии (отказ губкома от голосования по платформам), на деле привело к обострению внутрипартийных отношений и к явной фракционности»².

¹ «Справочник партработника». Вып. 1-й. стр. 46—48.

² Протоколы X съезда РКП(б), стр. 850. прим. 55-е.

Как же партия пресекла дезорганизаторскую работу оппозиции, как боролась с ней?

Прежде всего Ленин и Сталин добились полного раз'яснения массам ошибок оппозиции. На места были посланы представители ЦК. Питерская организация обратилась с письмом ко всем организациям партии с защитой линии ЦК. На это письмо поступил ответ московской организации, показавший ее шатание в вопросе о поддержке Ленина и ЦК.

Оппозиция втянула партию в такую дискуссию, которая расшатывала ее ряды и отвлекала внимание от главного — восстановления хозяйственной мощи страны.

На с'езде Ленин признал дискуссию «ошибкой», «непомерной роскошью». Он считал совершенно недопустимым превращение нашей партии в «дискуссионный клуб».

С'езд принял две исторические резолюции, написанные Лениным: «Об единстве партии» и «О синдикалистском и анархическом уклоне в нашей партии». С'езд распустил все фракции, группировки и потребовал «полного уничтожения всякой фракционности», ибо единство партии есть «основное условие успеха диктатуры пролетариата». В 7-м пункте резолюции о единстве партии ЦК предоставлялись полномочия «применять в случае (ях) нарушения дисциплины или возрождения или допущения фракционности все меры партийных взысканий, вплоть до исключения из партии, а по отношению к членам ЦК — перевод их в кандидаты и даже, как крайнюю меру, исключение из партии»¹.

Развенчав «идейные установки» оппозиции, Ленин вместе с тем сделал «оргвыводы» по отношению к определенным лицам. По его инициативе X с'езд вывел из состава ЦК Преображенского, И. Смирнова, Серебрякова с тем, чтобы ввести в ЦК «организаторов, выдвинувшихся в массовой партийной работе»². Эта линия продолжалась и в дальнейшем: взамен выпадавших из рядов партии оппортунистов

ЦК пополнялся все новыми и новыми кадрами партийных работников, выросших в послеоктябрьский период революции.

Оппортунисты, конечно, не были согласны с решениями X с'езда. На другой же день после с'езда «рабочая оппозиция» нарушила его решения, продолжая вести фракционную работу против партии. Затем, в дискуссии 1923 года один из лидеров троцкизма — Преображенский — открыто требовал «уточнить» решения X с'езда, а заявление «46» прямо объявило «нетерпимым» режим партии, установленный X с'ездом по предложению Ленина.

Зиновьевско-троцкистский блок, скатившийся в клоаку контрреволюции, неоднократно попирал самым преступным образом решения X с'езда. Блок пытался легализовать свою антипартийную платформу, создать свои центры, свою фракционную дисциплину и т. д.

Шляпников в 1927 году выболтал всю суть оппозиционной борьбы против партии. «Нынешнее большинство Центрального комитета, — писал он в 1927 году, — в своей борьбе с новой оппозицией идет по пути повторения старых приемов, особенно наглядно и показательно применявшихся в деле борьбы с рабочей оппозицией».

Напрасны и безнадежны были мечты Шляпникова и иже с ним о том, что «настало время установить внутри партии другой порядок». «Другого» порядка так и не удалось оппортунистам добиться. Бешеные нападки оппортунистов в последующие годы на ЦК, на товарища Сталина объяснялись именно тем, что партия под его руководством неотступно следовала испытанным принципам большевизма, в частности тем историческим решениям партии, которые были приняты X с'ездом по инициативе Ленина.

Партия, храня единство своих рядов, как зеницу ока, стала единой и сплоченной как никогда.

Блестящий разгром всех оппозиций обеспечил нам те великие успехи социализма, которых мы сейчас достигли. Триумф социализма есть триумф нашей партии и ее непоколебимого вождя товарища Сталина.

¹ «ВКП(б) в резолюциях и решениях с'ездов, конференций и пленумов ЦК». Т. I, стр. 374. Партиздат. 1936.

² Там же, стр. 365.

X съезд партии замечателен также тем, что на нем обсуждался доклад товарища Сталина о национальном вопросе. Товарищ Сталин как до перехода власти «в руки рабочего класса, так и после него уделял вместе с Лениным большое внимание политике, нашей партии по национальному вопросу. Он дал глубокое, марксистское обоснование этой политики задолго до пролетарской революции в своих работах в 1912 и 1913 годах.

Начиная с апрельской конференции 1917 года, на всех партийных съездах главным докладчиком по этому вопросу был товарищ Сталин. Его доклад на X съезде отличается большой теоретической глубиной и широким историческим горизонтом. В своем докладе он уделил прежде всего внимание тем предпосылкам, без которых невозможно разрешение национального вопроса. Речь идет о появлении нации, о зарождении национального гнета, о формах этого гнета в ходе исторического развития, о формах разрешения национального вопроса в различные периоды общественного развития. Краткий доклад товарища Сталина явился концентрированным выражением богатейшей теоретической работы, превосходного знания истории народов, истории возникновения и развития национального вопроса.

Товарищ Сталин выступил против расплывчатого лозунга о национальном самоопределении (Чичерин), который превратился в «пустой лозунг, удобно используемый империалистами», он подчеркивал, что лозунгом партии является лозунг, более отчетливый и ясно определенный, — лозунг о праве народов на государственное отделение. Товарищ Сталин подверг также критике и сафаровскую формулировку, в которой фигурировал бундовский лозунг национального культурного самоопределения.

Товарищ Сталин показал, что подлинное разрешение национального вопроса возможно лишь при диктатуре пролетариата.

В резолюции партсъезда, проект которой написан товарищем Сталиным, сказано: «Если частная собственность и капитал неизбежно раз'единяют людей, разжигают национальную рознь и

усиливают национальный гнет, то коллективная собственность и труд столь же неизбежно сближают людей, подрывают национальную рознь и уничтожают национальный гнет»¹.

Съезд решительно осудил уклоны в проведении национальной политики как великодержавный шовинизм, так и местный национализм.

Резолюция съезда содержит большую программу мероприятий, направленных на то, чтобы помочь трудовым массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед Центральную Россию. Известно, что колонизаторская политика царизма рассчитана была на искусственное сдерживание экономического и культурного развития угнетенных народностей России.

Для уничтожения фактического неравенства, унаследованного от прошлого, партия большевиков и советское правительство проделали огромную работу. В ходе хозяйственного развития страны национальные окраины экономически росли и укреплялись более быстрыми темпами, чем центральные части Союза.

В некогда отсталых, забитых национальных окраинах созданы крупнейшие очаги промышленности, имеющие общегосударственное значение. Создание промышленности в национальных республиках стало основой их экономического расцвета. Растет культурность народов отсталых национальностей, ликвидируются пережитки феодально-родового быта. Женщина Востока, некогда изнывавшая под гнетом тяжелых обычаев, теперь наравне со всеми активно участвует в социалистическом строительстве.

Проект сталинской Конституции фиксирует величайшие успехи той невиданной в истории дружбы народов, которая достигнута под руководством товарища Сталина.

Гигантский путь, пройденный партией после X съезда, говорит об исключительной настойчивости, исключительной целеустремленности большевистской партии в борьбе за построение социализма. То, что на X съезде намечалось лишь в качестве задачи, теперь уже осуществлено. Ленинский план построения социализма стал живой реальностью.

¹ Протоколы X съезда РКП(б), стр. 636.

А. Молок

ЦАРСКАЯ РОССИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ 1830 года ВО ФРАНЦИИ

Царская Россия в течение долгого времени играла в мировой истории роль «станового хребта европейской реакции» (Маркс). Именно с помощью царских войск в 1814 году во Франции была восстановлена низвергнутая революцией монархия Бурбонов, которые, как и говорили современники, вернулись во Францию «в казацком обозе» (т. е. в обозе царских войск).

В Священном союзе европейских монархов, созданном 26 сентября 1815 года для борьбы с революционными и национально-освободительными движениями в Европе, ведущую роль опять-таки играл царизм.

Но господство Бурбонов, дважды (первый раз в 1814 году, второй раз в 1815 году) восстановленное во Франции при помощи иностранных штыков, продержалось всего около 16 лет. Революция 1830 года снова, и на этот раз окончательно, свергла их и вышвырнула за пределы страны. И снова русский царь оказался во главе тех сил, которые готовили поход против революционной Франции. И уж не вина Николая I, если международное положение и внутренняя ситуация в Российской империи сделали невозможным новую интервенцию против Франции и заставили его признать режим, установившийся в этой стране в результате июльских событий и выразивший окончательную победу буржуазии над дворянством.

Июльская революция 1830 года во Франции оказала большое влияние на подъем революционного и национально-освободительного движения в ряде стран Европы.

В августе 1830 года вспыхнула революция в Брюсселе, приведшая к образованию независимого буржуазного государства — Бельгии, до этого находившейся в подчинении у Голландии. В ноябре того же года в Варшаве вспыхнуло восстание поляков, поднявшихся на борьбу за свою национальную независимость, за свое освобождение от гнета царской России. Осенью 1830 года произошли революционные восстания под лозунгом борьбы за конституционные реформы (а отчасти и за уничтожение феодализма в деревне) в Саксонии, Баварии, Гессене, Брауншвейге и в некоторых других государствах Германского союза. В начале следующего, 1831 года вспыхнули революционные восстания в Италии, раздробленной, как и Германия, на ряд крупных, средних и мелких государств. В мае 1832 года в Германии состоялся массовый политический митинг («Гамбахский праздник»), прошедший под лозунгом борьбы за ее демократическое переустройство и национальное воссоединение. В то же время усилилась борьба за избирательную и парламентскую реформу в Англии (она была проведена в июне 1832 года), а также борьба за пересмотр союзной конституции Швейцарии и конституций ее отдельных кантонов.

Все эти буржуазные, а частью и буржуазно-демократические движения, которым июльская революция дала новый импульс, подрывали основы реакционной, полуфеодальной системы Священного союза и грозили перекроить политическую карту Европы, установленную на венском конгрессе европейских монархов в 1814—1815 годах. Понятно, что царская Россия, игравшая с конца XVIII века роль «европейского жандарма», отнеслась к июльской революции крайне враждебно, более враждебно

чем правительства всех других европейских монархий. «Какое ужасное несчастье!» — таковы были первые слова императора Николая I, сказанные им по получении известия о революции во Франции и падении Бурбонов.

О том, как потрясены были июльской революцией члены царской семьи, свидетельствует переписка между Николаем I и его братом — великим князем Константином, наместником императора в Царстве Польском. 14 августа 1830 года Константин писал Николаю: «Как бы виновно ни было министерство Полиньяка¹ в непредусмотрительности, в легкомыслии и самоуверенности, которых я ему не прощу, оно не могло позволить целому народу восстать таким недостойным образом, как это сделал народ Парижа, а стало быть, и всей Франции, которую он ведет за собой. Поведение герцога Орлеанского есть поведение человека, более чем презренного в моих глазах; поведение остальных — это поведение людей, которые всегда вели себя подло и гнусно.

Эти люди были у наших ног (в 1814 и 1815 годах. — А. М.), мы их держали в своих руках, мы поступили с ними великодушно (?! — А. М.), а они вместо благодарности отвечают вам самым насильственным восстанием... Итак, мои мрачные предвидения оправдались; начинается новая эра, и мы отброшены на 41 год назад. Сколько трудов, сколько крови, сколько сил потрачено зря, только для того, чтобы привести к торжеству принципов, которые являются принципами наших врагов!»².

17 августа Николай I получил сведения, не оставившие никаких со-

¹ Министерство князя Полиньяка, вождя крайних реакционеров, образовано было королем Карлом X 8 августа 1829 года. Своими контрреволюционными действиями (особенно указами 26 июля 1830 года о печати, о роспуске палаты, об изменении избирательной системы и т. д.) оно ускорило взрыв революции.

² «Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем» (1830—1831). «Сборник императорского русского исторического общества». Т. 132, стр. 34. СПб. 1911.

мнений в том, что революция во Франции победила и старая династия низложена. Известия эти привели императора в состояние, близкое к бешенству. Французскому поверенному в делах предложено было тотчас же оставить Петербург, царский посол во Франции генерал Поццо ди Борго получил приказ немедленно оставить Париж со всем персоналом русского посольства. Всем находящимся во Франции русским подданным предписано было выехать из нее. Въезд в Россию французским подданным был временно запрещен. Пребывающим в России французским гражданам не разрешалось носить трехцветные повязки и кокарды и говорить в присутствии русских о событиях в своей стране. Французские газеты, даже монархические, почти совершенно не допускались в Россию. Из русских газет известия о политических событиях во Франции могли теперь печатать только две самые консервативные: «Северная пчела» и «Сын отечества» — да и то лишь с разрешения цензора. Издававшаяся в Петербурге бароном Дельвигом (другом А. С. Пушкина) «Литературная газета» была закрыта только за то, что поместила четверостишие французского поэта Казимира Делавиня в честь июльской революции. Кронштадтский военный губернатор вицеадмирал Рожнов получил 5 августа следующее приказание: «По случаю возникшего во Франции мятежа и перемены существовавшего правительства государь император высочайше повелеть соизволил ни под каким видом не допускать кораблям сей нации, плавающим под флагом трехцветным, а не белым, вход в Кронштадтский порт. Но если бы усиливались войти в оный, то останавливать их действием оружия. Его императорскому величеству равномерно благоугодно, чтобы всякий корабль французский из оставшихся ныне в Кронштадтском порте, который бы переменял белый флаг на трехцветный, немедленно был выслан в море. Сообщая вашему превосходительству высочайшую волю к неременному и строгому исполнению, имею честь присовокупить, что вместе с сим уведомляю об оной

г. начальника морского штаба его величества»¹.

Принимая подобные меры, Николай I демонстрировал не только свою ненависть к июльской революции, но и свой страх перед влиянием, которое она могла оказать на оппозиционно настроенные элементы русского общества. Что эти последние были безусловно враждебны свергнутой монархии Бурбонов, это вынуждены были признать сами представители господствующих классов России. «Начиная с людей самых незначительных, от поденщика до людей самых выдающихся, все у нас находят Карла X виновным, это установившееся мнение», — говорил граф В. П. Кочубей императору Николаю 14 августа 1830 года². «Что у нас говорят о сих событиях?» — спрашивал молодой профессор Московского университета А. В. Никитенко (впоследствии цензор и крайний реакционер) и отвечал: «У нас боятся думать вслух, но очевидно, что про себя думают много»³. «Славное было время, события неслись быстро, — вспоминал потом об этом периоде А. И. Герцен, бывший тогда студентом Московского университета. — Какое-то горячее, революционное дуновение началось в прениях, в литературе... Мы следили шаг за шагом за каждым словом, за каждым событием, за смелыми вопросами и резкими ответами; мы не только подробно знали, но горячо любили всех тогдашних деятелей, разумеется, радикальных, и хранили у себя их портреты... Идеи были смутны: мы проповедывали французскую революцию, потом проповедывали сен-симонизм и ту же революцию, мы проповедывали конституцию и республику. Чтение политических книг и сосредоточение сил в одном обществе. Но пуще всего проповедывали ненависть ко всякому насилию,

¹ Н. К. Шильдер «Император Николай I, его жизнь и царствование». Т. II, стр. 288 — 289. СПб. 1903.

² Т. Богданович «Французская эмиграция, вопрос об интервенции, империя, июльская революция в свидетельствах русского вельможи» («Анналы». Т. IV. Пгр. 1924).

³ А. В. Никитенко «Записки и дневники» (1826 — 1877). Т. I, стр. 273 — 274. СПб. 1893.

Восставшие рабочие и солдаты.
Франция. 1830 год.

ко всякому произволу»⁴. Горячо переживал июльские события их генеральный русский современник А. С. Пушкин. «И среди этих-то орангутангов я принужден жить в самое интересное время нашего века!»⁵ — с горечью восклицает поэт в письме от 2 сентября (21 августа) 1830 года, жалуясь на убожество политической жизни в стране. А 16-летний М. Ю. Лермонтов посвятил революции во Франции два стихотворения; ни одно из них не увидело света в 1830 году и вообще при его жизни (они были напечатаны: одно в 1875 году, другое в 1883 году). Одно из этих стихотворений начиналось следующими словами:

«Опять вы, гордые, восстали
За независимость страны,
И снова перед вами пали
Самодержавия сыны...»

Так реагировали передовые слои

⁴ А. И. Герцен «Былое и думы». Собр. соч. Т. XII, стр. 125. Гиз. 1920.

⁵ «Письма А. С. Пушкина к Елизавете-Михайловне Хитрово (1827 — 1832)». Труды Пушкинского дома. Вып. XLVIII, стр. 9. Лгр. Изд. Академии наук СССР. 1927 (подчеркнуто мной. — А. М.).

русского общества, придавленные чудовищным гнетом феодально-абсолютистского и полицейско-бюрократического режима Николая I, на новую революцию во Франции.

2

Узнав, что два торговых судна под трехцветным флагом не были допущены в Кронштадт и что русское правительство решило прервать дипломатические сношения с Францией, барон Бургуэн, поверенный в делах этой последней, поспешил во дворец, чтобы попытаться переубедить Николая. Ему удалось добиться аудиенции в тот же день.

«Когда я вошел, — рассказывает Бургуэн, — император встретил меня на самом пороге и, став предо мной, произнес мрачным, но резко отчетливым голосом следующие слова: «Ну что, имеете ли вы известия от вашего правительства, от господина наместника королевства? Вы уже знаете, что я не признаю никакого другого порядка вещей, кроме прежнего, и считаю его единственно законным, потому что он основан на законной монархии». «Признаюсь, государь, — отвечал французский дипломат, — я крайне удивлен, что ваше величество смотрите так на вопрос, отныне бесповоротно решенный моим отечеством, которое всегда умело отстаивать то, что сделало». «Да, таков образ моих мыслей: принцип легитимизма — вот что будет руководить мною во всех случаях», — заявил Николай и, сильно ударив рукой по стоявшему возле него столу, воскликнул: «Никогда, никогда не смогу я признать то, что случилось во Франции». «Государь, — возражал Бургуэн, — нельзя говорить никогда; в наше время слово это не должно приноситься: самое упорное сопротивление уступает силе событий». Он указал на то, что разрыв дипломатических отношений между Россией и Францией неминуемо приведет к войне, что это будет война европейского масштаба и что ее исход может оказаться роковым для новой антифранцузской коалиции. «Мы уже не истощенная Франция 1814 года, а вы уже не объединенная Европа 1815

года»¹, — заявил Бургуэн и добавил, что если Россия займет враждебную Франции позицию, то последняя сблизится с Англией.

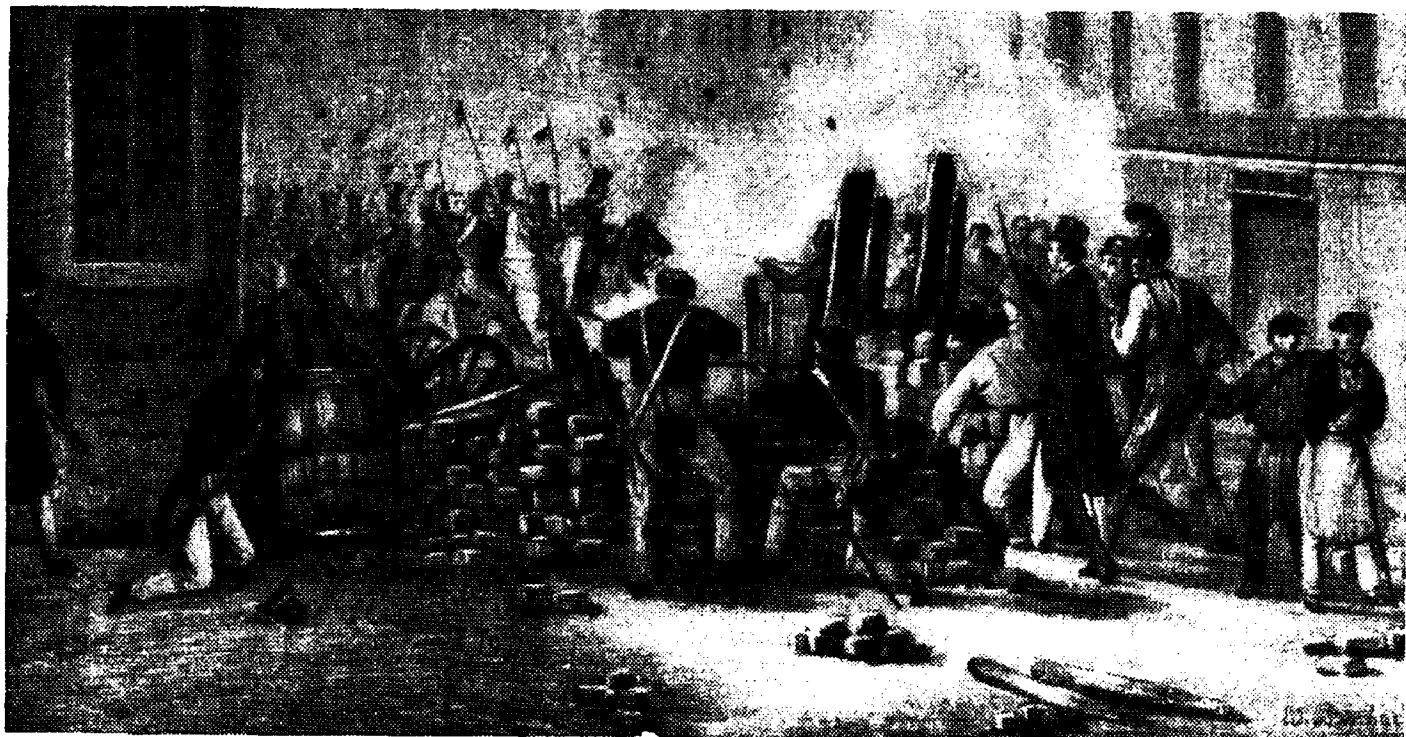
Этот аргумент произвел заметное впечатление на Николая I. Еще большее впечатление произвело на него заявление Бургуэна, что в случае образования новой коалиции против Франции, она будет до последней капли крови защищать свою независимость и обратится за помощью к другим народам.

Разрыв дипломатических отношений был избегнут. Бургуэн остался в Петербурге и, чтобы угодить Николаю, продолжал вместе со всеми чинами посольства носить белую кокарду. Приказ о недопущении в порты империи французских судов под трехцветным флагом был отменен под тем предлогом, что правительство наместника королевства «утверждено» Карлом X.

Касаясь вопроса о том, какова должна быть политика России в связи с июльской революцией, Николай I писал, что пока революция ограничивается пределами Франции, он не намерен вмешиваться в ее внутренние дела, что его оппозиция к происшедшему в ней перевороту «будет только моральной». «Но если, — добавлял он, — революционная Франция захочет вернуть себе свои прежние границы, — это совершенно изменит наши обязанности: трактаты укажут каждому из нас его роль, и дело должно будет решиться с мечом в руках, отчего да избавит нас бог»². Сообщая Константину о принятых им мерах военного и политического порядка (о прекращении отпусков для военнослужащих, об организации «тщательнейшего наблюдения за настроением умов» и т. д.), Николай признавался, что боится «нового взрыва в Бельгии, а затем, возможно, в Италии и Испании», не скрывал и того, что боится поляков. «Прошу вас постоянно держать меня в курсе того, что вы узнаете о нашей польской публике, — писал он, — доведут ли они свое восхищение всем, что ис-

¹ Baron Paul de Bourgoing «Souvenirs d'histoire contemporaine. Episodes militaires et politiques». Paris. 1864.

² «Сборник имп. рус. ист. о-ва». Т. 132, стр. 35.

На баррикадах.

Париж. 1830 год.

ходит из Парижа, до того, что найдут восхитительным происшедшие в нем только что события»¹. Рекомендую брату приостановить отпуски из армии, расположенной в Царстве Польском, Николай просил его сообщить ему «предварительно и по секрету» свои соображения по поводу приведения в боевую готовность этой армии.

Итак, уже в первом письме к Константину, написанном после июльской революции, Николай I обсуждал вопрос о военной интервенции против Франции.

Великий князь оказался осторожнее и дальновиднее своего брата — императора. «Я должен вам откровенно сказать, — отвечал он 12(24) августа, — что недопущение французских судов под трехцветным флагом равносильно, с моей точки зрения, объявлению войны. Я еще не знаю, какие решения приняты Пруссией, Нидерландами, Австрией. Если они поступят так же, война налицо, но я не думаю, чтобы в интересах этих держав было вести ее в настоящий момент, если принять во внимание, что первые операции французов приведут их в Бельгию и в Рейнские провинции Пруссии, очень мало надежные, особенно в отношении их военной организации. С другой стороны, если эти державы признают

трехцветный флаг, Франция скажет им: «Как это так: вы нас признаете, а ваш союзник не признает нас? Выбирайте между нами и Россией или порвите с нами или с нею».

Константин доказывал брату, что принятое им решение «произведет прямо противоположное впечатление на тех, против кого оно направлено». «Французские революционеры, — предостерегал царя великий князь, — воспользуются этим, чтобы оживить национальный дух, перед которым партийные раздоры отступят тогда на задний план». Считая интервенцию против Франции делом опасным и несвоевременным, великий князь делает ставку на разложение этой страны в результате внутренних раздоров. «Откровенно признаюсь, — пишет он, — что я желаю и горячо жажду для Франции такой гражданской войны, которая бы их подточила и разорила сверху донизу, ибо утверждаю, согласно поговорке, что собаки с жиру бесятся, и которая собака лает, та не укусит»².

Как видим, великий князь не уступал царю в лютой ненависти к народу, дерзнувшему свергнуть своего «законного» повелителя. Но, находясь в Варшаве, Константин Романов лучше понимал трудности международной обстановки и яснее отдавал

¹ «Сборник имп. рус. ист. об-ва». Т. 132, стр. 36 — 37.

² «Сборник имп. рус. ист. об-ва». Т. 132, стр. 40 — 41 (зарядка моя. — А. М.).

себе отчет в действительном соотношении сил, нежели его брат Николай. На вопрос последнего о состоянии армии, расположенной в Царстве Польском, наместник отвечал, что она к войне не готова, что потребуются, по крайней мере, три месяца для приведения частей в боевую готовность.

«До сих пор у нас все спокойно,— писал 13 (25) августа Константин,— и я льщу себя надеждою, что с помощью божьей так останется и далее». Июльская революция должна была, по его мнению, произвести самое отрицательное впечатление на польскую аристократию: «Эти господа увидят по чистке палаты пэров во Франции, что их ожидает, если бы существующий порядок был опрокинут»¹. В заключение великий князь снова убеждал царя не спешить с нападением на Францию.

«Мы вовсе не торопимся действовать,— отвечал 17 августа Николай.— Но страна эта не может оставаться без монарха. Поэтому не остается ничего другого, как признать французским королем герцога Орлеанского, тем более, что это ближайший к трону член королевской семьи»².

Таким же образом рассуждал и русский посол в Париже: «Монархический принцип, спасенный (во Франции) среди этого кораблекрушения (июльской революции.—А. М.), каким бы незаконным и ослабленным он ни был после потери отнятых у него атрибутов власти, представляет собой все же крупную гарантию порядка по сравнению с тем, что произошло бы, если бы была провозглашена республика.

Надо,— доказывал Поццо ди Борго,— вступить в дипломатические сношения с новым правительством, поскольку у нас нет выбора и поскольку оно, при всей незаконности своего происхождения, не является по своей природе несовместимым с существованием всех других правительств; но, выполнив эту формальность, надо стать на защиту существующих трактатов, дабы остановить его (новое француз-

ское правительство.—А. М.) в его предприятиях и приготовиться к борьбе с ним в случае, если оно предпримет такие шаги, которые сделают сопротивление справедливым и необходимым»³.

К такой тактике начинал склоняться и сам Николай I. В разговоре с английским послом, лордом Гейтсбери, он заявил, что, хотя герцог Орлеанский всегда будет для него только узурпатором, он не собирается, однако, вмешиваться во внутренние дела Франции. При этом он подчеркнул, что отказывается от военной интервенции не потому, что не верит в ее успех, а совсем по другим причинам. «Что можно сделать с этой великой и сплоченной нацией в случае, если мы даже и дойдем еще раз до Парижа,—спрашивал царь.—Возможно ли, а если и возможно, то благо-разумно ли восстанавливать эти слабые существа (династию Бурбонов.—А. М.), упавшие с того места, на которое мы их однажды поставили и которые снова упали бы с него, как только армии ушли бы домой»⁴.

Знаменательным является признание русским самодержцем беспочвенности легитимной монархии и дворянской реакции во Франции.

Граф Кочубей следующим образом резюмировал все, что услышал от Николая I во время своего разговора с ним 14 августа 1830 года:

«1) Прежде всего попытаются прийти к соглашению с союзниками по поводу тех мер, какие надо будет принять в том или другом случае.

2) Разрыва с Францией не будет. Император признает герцога Орлеанского наместником, признает его даже и королем, если его признают другие державы, но он сделает это последним.

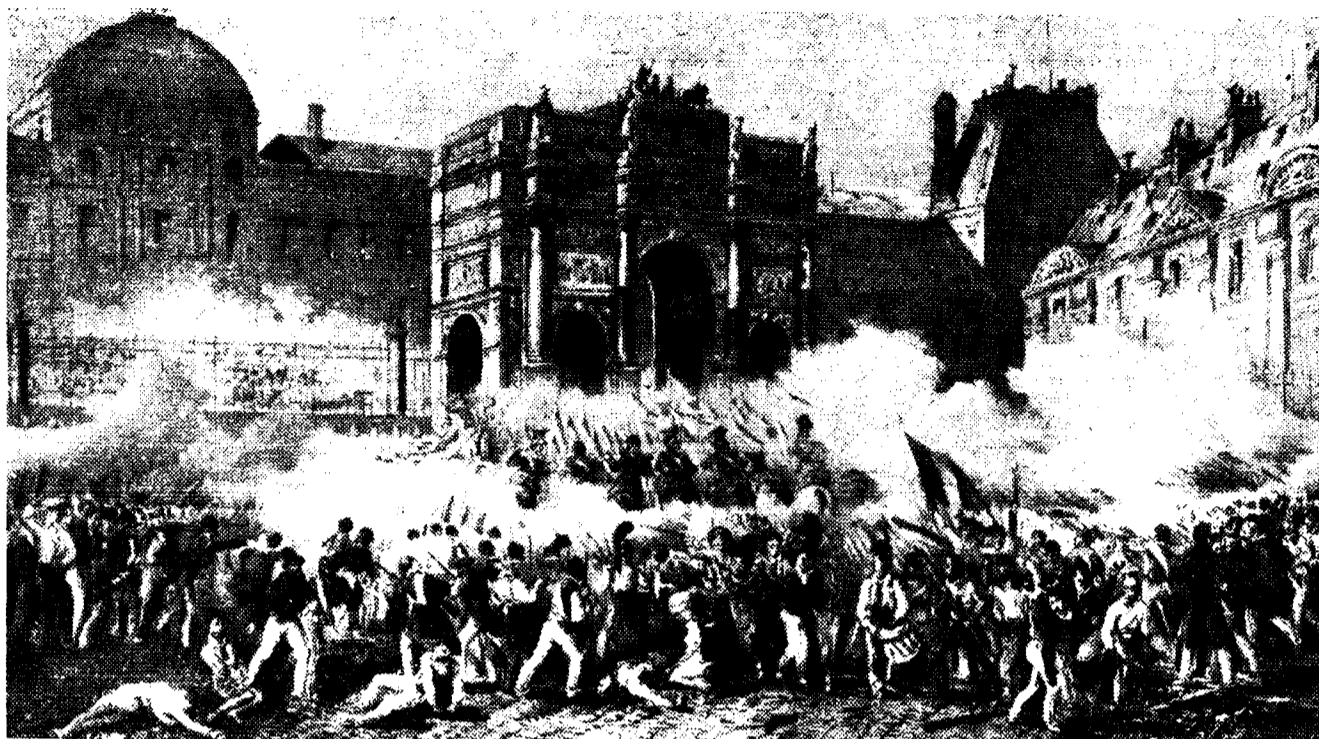
3) Он не предпримет ничего враждебного против Франции, но если эта последняя нападет на одного из своих соседей, его величество сейчас же

³ Vicomte de Guichen «La Révolution de Juillet 1830 et l'Europe», p. p. 134, 137. Paris. 1916.

⁴ Guichen. Цит. соч., стр. 155—156 (разрядка моя.—А. М.).

¹ «Сборник имп. рус. ист. о-ва». Т. 132, стр. 42—43.

² Там же, стр. 45.

Взятие Тюльери 29 июля.

Париж. 1830 год.

объявит войну и выступит в поход с 200-тысячной армией»¹.

3

Но, прежде чем решиться на признание того, кого он продолжал считать и называть узурпатором, Николай I решил позондировать почву в Берлине и Вене, выяснить точку зрения своих союзников—прусского короля и австрийского императора—и склонить их к выработке плана совместных действий на случай войны с Францией. С этой целью 16 (28) августа в Вену выехал чрезвычайный посол русского императора, генерал-адъютант граф Алексей Орлов, а 19-го (31-го) с подобным же поручением отправился в Берлин фельдмаршал граф И. И. Дибич-Забалканский.

Отпрыск немецких феодальных баронов, ярый реакционер и крепостник, мечтавший о том, чтобы «поднять дворянство, истинное дворянство, старое дворянство» и образовать из него замкнутую привилегированную военную касту, которая должна была бы «оградить» Россию на все времена от «тлетворного» влияния либеральных идей, Дибич был решительным сторонником военной ин-

¹ Т. Богданович «Французская эмиграция, вопрос об интервенции, империя, июльская революция в свидетельствах русского вельможи» («Анналы», кн. IV, стр. 135. 1924).

тервенции против Франции с целью восстановления в ней «законной» династии Бурбонов. Никакие затруднения не останавливали фельдмаршала, пользовавшегося исключительным доверием Николая I. На замечание Кочубея, что такого рода война потребует колоссальных расходов, Дибич отвечал, что денег хватит за глаза, так как у министра финансов есть сто двадцать миллионов рублей, войскам можно платить бумажными деньгами, и, наконец, контрибуция, которая будет наложена на Францию, с избытком покроет все расходы.

Когда Кочубей спросил Дибича, какие могут быть гарантии того, что восстановление Бурбонов не вызовет «новых потрясений», последний отвечал: «Что касается гарантий, стоит только оставить во Франции сто тысяч русских, и тогда видно будет, будут ли уважаться эти учреждения»². Так просто и прямолинейно «решал» граф Дибич вопрос о новой интервенции против Франции и о новой реставрации ненавистных французскому народу Бурбонов.

В основу переговоров, которые Дибич должен был вести в Берлине, положена была составленная им и одобренная Николаем I записка. Отказываясь признать Луи-Филиппа новым французским королем, русский им-

² «Анналы», кн. IV, стр. 136—137.

«Николай Пенасытный». Французская карикатура на Николая I.

ператор об'являл вместе с тем нежелательным немедленное вмешательство во внутренние дела Франции. Из всех аргументов против немедленной интервенции, которые излагались в этом документе, наибольшее значение имел, конечно, страх перед революционным французским народом. Считаясь с возможностью признания нового французского правительства берлинским и венским дворами, Николай заявлял, что признание возможно лишь при условии получения от этого правительства «твердой гарантии» мира. Он добавлял, что в этом случае не откажется последовать примеру своих союзников, но «жертвуя при этом своими задушевными убеждениями ради спокойствия и счастья Европы, всегда будет хранить в своем сердце убеждение, что во Франции нет другого законного короля, кроме Генриха V». Николай I «поставит себе за честь то, что последним уступил убеждениям своих августейших союзников, и никогда не изменит своего внутреннего презрения к якобинскому поведению герцога Орлеанского»¹.

Лицемерно заявляя о том, что он «всем сердцем разделяет желания своего августейшего тестя относительно сохранения всеобщего мира»,

Николай оговаривался, что мало верит в возможность сохранения мира при создавшихся обстоятельствах, и выражал опасение, что развитие событий во Франции приведет ко «всем агрессивным действиям и всем бедствиям, которые принесла с собой первая революция».

Выражая все же надежду на то, что его опасения не оправдаются, русский самодержец заявлял, что считает, однако, необходимым заблаговременно принять все меры «для оказания твердого и энергичного отпора всякому нападению, к которому может привести настоящий порядок вещей». В случае войны с Францией русские и прусские войска должны были действовать в тесном контакте, как в 1813 и 1814 годах, на основе совместно выработанного общего плана борьбы. Для участия в предполагаемом походе против Франции со стороны русской армии намечались 14 пехотных и 12 кавалерийских дивизий; командовать ими должен был Дибич. Войска эти предполагалось привести в состояние боевой готовности и стянуть к прусской границе, как только король Фридрих-Вильгельм III об'явит, что не считает больше возможным избежать войны с Францией. Для осуществления этих операций Дибич считал, что нужен срок в несколько месяцев (но не более 4—5). «Если бы, однако,—писал он в своей записке,—вторжение французов, особенно в рейнские провинции или в Бельгию, потребовало быстрой, хотя бы и частичной помощи, а общественное мнение признало бы желательность русского сотрудничества, если бы притом время года позволило это, император готов перевезти морем в указанное его величеством королем место 2-ю дивизию русской гвардии с ее артиллерией... Император, ожидая призыва его величества короля для отправки своих войск, рассчитывает, отдав необходимые приказания, поспешить в Берлин, чтобы лично переговорить со своим августейшим тестем, а затем, рядом с ним, сразиться против врагов общего спокойствия»².

¹ Шильдер «Император Николай Первый». Т. II, стр. 571.

² Там же, стр. 572—574.

«Россия ждет ваших приказаний, государь! (La Russie est á vos ordres, Sire!)¹, — восклицал Николай I в собственноручном письме на имя Фридриха-Вильгельма III, извещая его о миссии Дибича.

8 сентября русский фельдмаршал прибыл в Берлин и был тотчас же принят королем. Последний, находясь под свежим впечатлением полученных им только что известий о восстании в Брюсселе против голландского правительства (25 августа 1830 года), заявил, что полностью разделяет взгляды императора Николая и, подобно ему, считает войну с Францией в конечном счете неизбежной. Но, добавляя Фридрих-Вильгельм III, он не хочет быть нападающей стороной и решил следовать тактике Александра I перед войной 1812 года. К тому же Англия уже признала новое французское правительство, то же собиралась сделать Австрия, так же должен будет поступить поэтому и он, король Пруссии. Действительно, прибытие Дибича не помешало Фридриху-Вильгельму III признать через два дня — притом без тех гарантий, которые считал необходимыми Николай, — Луи-Филиппа «королем французов». Нужно добавить, что вынужденное признание Луи-Филиппа не помешало берлинскому правительству приступить к рассмотрению военных планов, привезенных русским фельдмаршалом. Дело это поручено было начальнику главного штаба генералу фон Краузенек и адъютанту короля генералу фон Вицлебен, которые и занялись совместно с Дибичем секретным обсуждением военных мероприятий на случай войны с Францией. Принц Вильгельм уже намечался главнокомандующим рейнской армией, которая должна была действовать против Франции.

4

Между тем 31 августа в Петербург прибыл чрезвычайный посол «короля французов», генерал барон Атален, привезший Николаю собственноручное письмо Луи-Филиппа, в котором

он извещал русского императора о своем вступлении на престол.

Несмотря на все унижительные и льстивые выражения, которые в изобилии расточал царю в этом письме Луи-Филипп, посланца его встретил при русском дворе весьма холодный прием. На аудиенции, данной генералу Аталену 6 сентября, Николай I открыто оплакивал падение Карла X, говорил, что не может пока дать никакого ответа новому королю, так как связан определенными «обязательствами» и «обещаниями», выражал сомнение в прочности нового режима во Франции и высказывал опасение по поводу деятельности республиканской партии. Атален уверял царя, что республиканцы уже не опасны, так как их вожди признали монархию Луи-Филиппа «лучшей из республик».

Уклончивые ответы Николая уполномоченному французского правительства свидетельствовали о том, что русский самодержец продолжал упорствовать в своем нежелании признать «узурпатора». Австрийский посол граф Фикельмонт всячески поддерживал царя в этом упорстве. Но в конце концов пришлось уступить и Николаю I. 16 (28) сентября он писал Константину: «Известия из Вены, полученные вчера, сообщают, что признание герцога Орлеанского состоялось там, так же как в Лондоне и в Берлине. Что мне остается делать? Если бы я следовал только внушениям своего сердца и своим личным чувствам, я никогда бы не решился на это признание, к которому я питаю отвращение и которое кажется мне несмыслаемым пятном... Это решение есть горькая пилюля, которую я вынужден проглотить»². «Я согласен с вашими соображениями, — писал Николай I в резолюции по докладу своего министра иностранных дел графа Нессельроде от 16 (28) сентября, высказывавшегося за признание Луи-Филиппа, — но призываю небо в свидетели, что это есть и всегда будет противно моей совести и что это одно из самых тяжелых усилий,

¹ Schiemanн «Geschichte Russlands unter Kaiser Nicolaus I», В. III (1830 — 1840), S. 17. Berlin. 1913.

² «Сборник имп. рус. ист. об-ва». Т. 132, стр. 49—50.

Восстание в Польше.

Варшава. 1830 год.

которые я когда-либо делал над собой»¹.

В ответном письме от 21 сентября (3 октября), которое пришло уже после состоявшегося признания Луи-Филиппа, Константин всячески убеждал своего брата в совершенной необходимости признания нового французского правительства и в полной невозможности всякой другой политики в этом вопросе.

«За последние 15 лет, — с горечью констатирует брат «самодержца все-русского», — либерализм или якобинизм, которые для меня являются синонимами, сделали неслыханные успехи... Разве в 1812, 1813, 1814 и 1815 годах мы сочли бы возможным, чтобы у нас могло вспыхнуть возмущение, притом в Петербурге? Но поскольку такой факт случился, разве он не может повториться, особенно если какая-нибудь отдаленная война приведет к удалению войск из страны и мы будем нападающей сто-

роной?» Война с Францией чревата, по мнению великого князя, еще и другими опасностями: «При одном только слове война, при одном только упоминании о возвращении рейнских границ Бельгии партийные распри во Франции прекращаются, Франция становится единой и сражается за распространение своих разрушительных принципов во вне...» Оставленная же в покое Франция, по словам варшавского наместника, «будет неизбежно ввергнута в гражданскую войну... Они (французы.—А. М.) сами разорвут себя на части, и из беспорядка родится порядок скорее, чем этого можно было бы ожидать... Если даже, — заключает Константин, — Франция будет иметь глупость захотеть начать внешнюю войну, у нас будет в руках аргумент для своих, что нападение пришло с их стороны, несмотря на наше признание, обусловленное их обещанием остаться в пределах своей территории... Ради бога, без поспешности, больше спокойствия и хладнокровия»².

¹ Schiemann. Цит. соч., стр. 420.

² «Сборник имп. рус. ист. об-ва». Т. 132, стр. 51—53 (разрядка моя.—А. М.).

Трезвая оценка действительности, в основе которой лежал страх перед революцией, делала наместника Царства Польского решительным противником интервенционистской войны против Франции. На той же точке зрения стоял тогда, как мы уже знаем, министр иностранных дел Несельроде.

19 сентября ст. ст. (1 октября) он мог известить генерала Аталена о признании Россией нового французского короля. Но чтобы подчеркнуть свое, более чем сдержанное отношение к Луи-Филиппу, Николай I отказался дать его посланцу вторую аудиенцию и ограничился тем, что прислал ему свой портрет. В письме, в котором царь извещал короля французов о своем признании, он отказывал ему в общепринятом между монархами обращении «брат мой» и называл его просто «государь». Это нарушение этикета произвело весьма тягостное впечатление в Париже. Признание Луи-Филиппа Николаем I носило временный, условный характер и поставлено было в прямую зависимость от соблюдения новым французским правительством венских трактатов, этой внешнеполитической основы «Священного союза». Мало того: в другом, строго конфиденциальном письме к Луи-Филиппу Николай заявлял, что Европа ждет от короля французов не только гарантии внешнего мира, но и гарантии внутреннего порядка. Но то и другое может быть обеспечено, по мнению русского императора, лишь при условии «упрочения во Франции консервативного правительства», которое должно «остановить поток, угрожающий разлиться во все стороны»¹.

Борьба с демократией внутри Франции, отказ от помощи освободительным движениям в других странах и соблюдение реакционных трактатов 1815 года — таковы были условия, на которых «самодержец всероссийский» соглашался поддерживать «дружественные» отношения с «королем баррикад». Условия эти были беспрекословно приняты правительством июльской монархии, правительством банкиров и промышленных магнатов.

И уже, конечно, не его вина, если революционный поток, приведенный в движение июльскими событиями, не ограничился пределами Франции, а разливался все шире и шире.

5

В связи с революцией в Бельгии царским правительством снова поставлен был в порядок дня вопрос о войне с интервенционистскими целями. В правящих кругах России снова стало раздаваться бряцанье оружия, снова стали слышаться угрозы по адресу Франции. Указывая на революционную борьбу бельгийцев, венгерцев, итальянцев, княгиня Ливен с негодованием воскликнула: «А всему виною Франция»².

21 сентября (3 октября) Дибич, все еще находившийся в Берлине, отправил в Петербург большой доклад по вопросу о военных мероприятиях на случай европейской войны, которую он считал почти неизбежной. В докладе был разработан план

² «Княгиня Ливен и ее переписка с разными лицами», «Русская старина», стр. 691—692. 1903.

Польские повстанцы. 1830 год.

¹ Guichen. Цит. соч., стр. 161.

двойной интервенции: и против Франции и против Бельгии. «Первая наметка плана, который мы набросали здесь,—писал фельдмаршал,—такова: большая часть прусских войск при поддержке одного или двух корпусов нашей армии вступит в Бельгию и во Фландрию, в то время как основная масса наших войск, подкрепленная тремя прусскими корпусами, направится через Шампань к французской столице. На юге, в районе Верхнего Рейна, австрийцы с тремя корпусами Германского союза опрокинут сперва слабый натиск со стороны Эльзаса, а затем двинутся в центр Франции...»¹.

Николай I, вполне разделяя планы Дибича, поспешил начать подготовку к их осуществлению. 17 октября он писал своему военному министру, графу А. И. Чернышеву: «Депеши, только что полученные мною, таковы, что надо принять безотлагательные меры для нашего выступления в поход. Король Нидерландский пишет мне, прося, на основании существующих трактатов, о вооруженной помощи. Нетерпение Вильгельма так велико, что он просил меня послать часть войск, если это возможно, морем. Вы сами понимаете, что это дело неосуществимое в настоящее время года. Если бы эта запоздалая просьба пришла месяцем раньше, то все меры были бы приняты для ее удовлетворения»².

«Наши военные приготовления идут хорошо,—писал Николай 13 ноября Дибичу.—Я вполне доволен настроением наших офицеров: все они готовы к походу и в восторге от него»³,—добавлял император. Столь же воинственно был настроен и Чернышев. В письме к Дибичу от 21 ноября военный министр горько жаловался на «людей, ослепленных настолько, чтобы верить в возможность предотвратить грозу конференциями и переговорами... В настоящем деле речь идет о нашем существовании, о борьбе не на жизнь, а на смерть между законными правитель-

ствами и демагогией,—горячился Чернышев.—Пора противопоставить железный барьер этому ужасному потоку, который через год, а может быть, и несколько месяцев затопит добрую половину Европы; где найти тогда средства сопротивления»⁴.

Министр финансов и министр иностранных дел не разделяли интервенционистских настроений военных кругов и самого императора. 10 (22) октября Нессельроде писал Дибичу, что поскольку Англия противится вооруженному выступлению против Бельгии, Пруссия не может послать туда более 25 тысяч солдат, а русская помощь подоспеет лишь через несколько месяцев,—военная интервенция в бельгийские дела становится невозможной. Это положение вице-канцлер обосновывал и ссылаясь на тяжелое внутреннее положение империи. «В очень многих губерниях,—писал он,—свирепствует холера, их пришлось поэтому освободить от рекрутского набора; внутренняя торговля остановилась в результате мер, которые пришлось принять, чтобы помешать распространению этого бича... Урожай был плох, и налоги поступают слабо. И при таких-то предзнаменованиях мы приступаем к приготовлениям к войне, последствия которой может предсказать один лишь бог. Не надо, конечно,—заключает Нессельроде,—унывать и падать духом перед обстоятельствами, но мне казалось необходимым изобразить вам печальную картину нашего внутреннего положения, дабы вы могли руководствоваться ею во всех планах, которые вы будете разрабатывать с прусским кабинетом»⁵.

Это письмо было настоящим ушатом холодной воды для вояки Дибича, который, по ироническому замечанию одного из своих берлинских собеседников, генерал-адъютанта графа Ностица, «держался крайне воинственно» и «с большой самоуверенностью говорил о прогулке в Париж и т. п.»⁶.

Еще более охлаждающим образом должно было подействовать на фельдмаршала другое письмо министра

¹ «Сборник имп. рус. ист. об-ва». Т. 122, стр. 318—324. СПб. 1905 (разрядка моя. — А. М.).

² Шильдер. Цит. соч. Т. II, стр. 574.

³ Там же, стр. 576.

⁴ Там же, стр. 577.

⁵ Там же, стр. 469.

⁶ Schiemann. Цит. соч., стр. 29.

иностранных дел — от 9 (21) ноября. «Я провел утро, — сообщает Нессельроде, — на очень печальном заседании, на котором Канкрин (министр финансов. — А. М.) развернул перед нами картину нашей финансовой нужды. Не разделяя полностью его мнения насчет нашей несостоятельности, я должен, однако, согласиться с тем, что источники займов и некоторых других чрезвычайных мер совершенно иссякли. Без субсидий от Англии я не знаю, где мы найдем средства на войну, продолжительность которой никто предсказать не может»¹.

О том, каких больших расходов потребовала бы война, можно судить по тому, что один только перевод на военное положение частей, выделенных для участия в ней, должен был обойтись в 11 миллионов рублей.

И все же Дибич не сдавался. Но как он ни упорствовал, он не добился ничего; даже Чернышев должен был признать внутреннее положение империи весьма тяжелым. «Теперешнее состояние России не может не внушать беспокойства, — доносил своему правительству английский посол лорд Гейтсбери. — Вся территория между Тифлисом, Астраханью, Оренбургом и Москвой опустошена эпидемией, которая распространится, может быть, скоро на всю империю. Все сообщения и всякая торговля прерваны, никакое рекрутирование армии невозможно... Россия должна рассматриваться в настоящий момент, как совершенно непригодная к бою. Сомневаюсь, чтобы даже в том случае, если бы армии удалось избежать заразы, общественное мнение, обычно инертное в этой стране, позволило бы России ввязаться во внешнюю войну, в то время как эпидемия производит такие опустошения в ней»².

Несмотря на такое плачевное состояние страны Николай I продолжал готовиться к войне.

Но позиция, занятая в бельгийском вопросе Пруссией и Австрией, а еще более Англией и Францией, заставила смириться и Николая I. «Так как при наилучшем желании не было бы

никакой возможности приступить к немедленным действиям, ибо ни одна из держав, не исключая и России, сделать этого не в состоянии, то не остается ничего более, как воспользоваться зимою для организации грозной коалиции четырех держав; одна только эта комбинация может спасти Бельгию и предохранить Европу от еще больших несчастий»³, — писал 17 ноября 1830 года Дибичу граф Нессельроде. «Грозная коалиция» эта (России, Австрии, Пруссии и Голландии), однако, не состоялась. Вспыхнувшее 29 ноября того же года восстание в Варшаве на целый год связало руки Николаю I, главному участнику предполагавшейся интервенции, и отвлекло его внимание как от бельгийских, так и от французских дел.

Бельгия была спасена. 20 декабря 1830 года конференция представителей пяти великих держав: Англии, Австрии, Пруссии, Франции и России — признала независимость Бельгии. Последняя превратилась в буржуазную монархию с цензовой конституцией: либеральная буржуазия, стоявшая, как и во Франции, во главе революции, не допустила установления в Бельгии республиканского строя. Королем Бельгии был избран принц Леопольд Саксен-Кобургский, ставленник Англии.

Царская Россия, получившая первый серьезный удар в 1825 году, когда восстали декабристы, в результате восстания в Польше в 1830 году оказалась снова под ударом. Воинственный пыл Николая I, готовившегося к новому походу русских войск на Париж, чтобы проучить «якобинцев всех стран», как рукой сняло. Царская Россия была скована революционным движением, охватившим почти все Царство Польское, и должна была временно отказаться от вооруженного вмешательства в европейские дела. Она должна была, как выразился Николай I, «проглотить горькую пилюлю» — признать буржуазную революцию во Франции и национальную независимость Бельгии. Но, подчинившись на время обстоятельствам, царская Россия не изменяла своим принципам и остава-

¹ Шильдер. Цит. соч. Т. II, стр. 471.

² Там же.

³ Там же, стр. 488.

лась «становым хребтом европейской реакции».

Россия, а также Австрия и Пруссия и после 1830 года не думали отказываться от планов военной интервенции против Франции как ведущей страны европейского революционного движения того времени, как это показывают секретные переговоры, которые велись по этому поводу в 1832 году в Берлине между представителями главных штабов этих трех государств (царское правительство было представлено генералом фон Нейдгардтом).

15 октября 1833 года в Берлине уполномоченные России, Австрии и Пруссии—граф Нессельроде, граф Фикельмонт и Ансильон—подписали секретный договор, возобновлявший основные положения договоров об организации «Священного союза», подписанного теми же государствами 26 сентября 1815 года. Договор этот состоял из трех статей. Первая из них гласила: «Дворы австрийский, прусский и русский признают, что каждый независимый государь имеет право призывать к себе на помощь как при внутренних смутах, так и при внешней опасности, угрожающей его стране, всякого другого государя, которого он сочтет наиболее подходящим для оказания ему помощи, и что этот последний имеет право оказать эту помощь или отказать в ней, сообразно своим интересам и склонностям...» Статья вторая говорит, что «в случае если бы потребовалось ма-

териальное содействие одного из трех дворов, австрийского, прусского и русского, и какая-нибудь держава пожелала бы воспротивиться этому си-лою оружия, то три двора сочли бы всякое враждебное действие, предпринятое с этой целью, как бы направленным против каждого из них», и приняли бы «самые быстрые и самые действительные меры к отпору такого нападения»¹.

Если договор 15 октября 1833 года (он получил неофициальное название Мюнхенгрецкого, так как был выработан на свидании Николая I с австрийским императором Францем I в городе Мюнхенгреце) не получил полного применения до самой революции 1848 года, то объясняется это тем, что с середины 1830-х годов почти во всей Европе обозначилась новая полоса реакции, затянувшаяся более чем на десятилетие. Что касается правительства короля-буржуа, то, справившись с революционным движением пролетариата и мелкобуржуазной демократии, подавив одно за другим все республиканские восстания, оно становится (особенно со времени перехода власти в руки консерваторов, в руки Гизо) существенной опорой европейской реакции, сближается с Австрией и даже с Россией.

¹ Ф. Мартенс «Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами». Т. IV, ч. 1-я, стр. 460—462. СПб. 1878.

К ИСТОРИИ МОНГОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

В. Юдин

ПЯТНАДЦАТИЛЕТНЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ МОНГОЛИИ

1

Еще в конце 1919 года, когда предательство руководящих феодально-теократических кругов Монголии привело к ликвидации автономии Монголии и восстановлению власти китайских милитаристов, в столице Монголии — Урге — организовались первые две инициативные группы будущей народно-революционной партии Монголии. Они состояли из наиболее активных и сознательных представителей аратства, мелкого чиновничества и низшего ламства. Эти группы еще не имели четкой политической программы, неясно представляли себе основные пути и методы борьбы за национальную независимость страны, они еще были мало связаны с широкими народными массами. Однако для них было ясно, что ликвидация автономии, разгул и насилия китайской военщины, национальный гнет и эксплуатация аратства китайскими торговцами резко усиливали недовольство широких масс населения китайскими оккупантами.

Октябрьская социалистическая революция в России определила их политическую ориентацию. В обращении советского правительства к монгольскому народу от 26 июля 1919 года, между прочим, говорилось:

«...Рабоче-крестьянское правительство уничтожило все тайные договоры с Японией и Китаем, которыми царское правительство в свое время, под видом автономии Монголии, якобы в

интересах монгольского народа, отняло Монголию от Китая только для того, чтобы разделить ее между собой и Японией, чтобы посадить в Ургу своего советника, чтобы расхитить богатства монгольского народа... Монголия есть свободная страна. Русские советники, царские консулы, банкиры и богачи, державшие силой и золотом в своих руках монгольский народ и выжимавшие из него последние соки, должны быть высланы из Монголии. Ни один иностранец не вправе вмешиваться во внутренние дела Монголии. В отмену соглашения 1913 года, Монголия, как независимая страна, имеет право непосредственно сноситься со всеми другими народами без всякой опеки со стороны Пекина и Петрограда. Советское правительство, громкогласно возвещая об этом монгольскому народу, предлагает немедленно вступить в дипломатические сношения с русским народом и выслать навстречу Красной армии посланцев свободного монгольского народа».

Инициативные группы поняли, что борьба за подлинную национальную независимость Монголии и окончательная победа монгольского народа возможны только при теснейшей связи с рабоче-крестьянской Советской Россией и при условии помощи и поддержки со стороны последней.

Для установления этой связи инициативные группы в начале 1920 года направили в Советскую Россию специальную делегацию. По возвращении ее в пограничный город Кяхту началась организационная и пропагандистская работа среди монгольского населения, вначале в близлежащих хошунах, а затем и в более отдаленных районах Монголии. Успешная пропаганда среди населения и рост нелегальных ячеек создали благоприятные условия для созыва кяхтинской конференции, которая состоялась 1 марта 1921 года и впоследствии была объявлена I съездом монгольской народно-революционной партии.

На этой конференции были поставлены три вопроса: 1) о мировом революционном движении, роли Коминтерна и задачах партии; 2) о полити-

ческой платформе и уставе партии и 3) организационные вопросы. По основному вопросу — о политической ориентации — конференция установила, что широкое народно-революционное движение Монголии и борьба против китайской военщины и русских белогвардейских банд барона Унгерна должны опираться только на советскую Россию, на мировое революционное движение — на Коминтерн. Этой политической линией, установленной на I кяхтинском съезде, монгольская народно-революционная партия придерживается и в настоящее время.

Платформа партии, принятая I съездом, формулировала основные задачи, стоявшие в тот момент перед партией. Поскольку этот документ представляет чрезвычайный интерес и мало известен широкому кругу советских читателей мы приводим его полностью.

10 пунктов этой платформы гласят:
«1. Партия стремится путем утвер-

Чанбалсан. Министр внутренних дел МНР, один из основателей монгольской народной партии.

ждения власти и прав, к уничтожению страданий и горя трудящихся Монголии, к их мирному развитию, насаждению среди них новой, трудовой культуры и к просветленному социальному и политическому равенству и счастью их.

2. Партия верит, что монгольские массы добьются мира и блага приобщения к новой трудовой культуре и знанию просвещенных народов и таким образом монгольская нация завоеует свободу национального самоопределения, особое государственное бытие и, во всяком случае, она не должна быть под порабощением и гнетом чужеземных насильников и империалистов. И поэтому партия, ставя своей конечной целью объединение всех монгольских племен в одно государственное целое, в настоящем стремится к освобождению Монголии из-под реакционной власти Китая и других реакционных насильников, вторгнувшихся в Монголию.

3. Принимая во внимание многочисленность народонаселения и наличие отдельных обособленных областей и национальностей, в составе Средней китайской республики, партия считает целесообразным объединение всех этих областей и наций в автономное государство и установление между ними на договорных началах федеративной связи и не видит никаких причин, препятствующих вхождению монгольского народа в этот федеративный союз; наоборот, если Юг и Север Китая, Сычуанская область, Тибет, Хатон (китайские мусульмане), Манчжурия и Монголия установят каждый у себя автономный строй и создадут единое и крепкое федеративное единство, то тем самым эти области и народы положат конец взаимным ссорам и угнетению и избавятся от властвования со стороны иностранных империалистов и насильников.

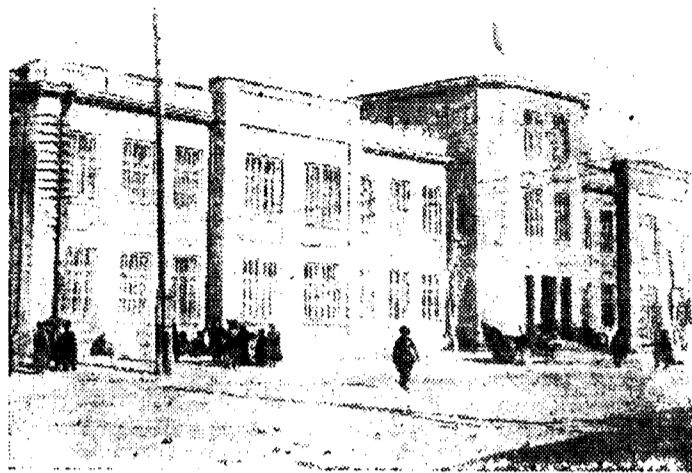
4. Утверждение власти трудящихся и восстановление соответственно этому на новых началах государственного бытия — полное осуществление этих двух основных задач партия, сообразуясь с условиями времени и места, будет проводить на твердой основе революционного социализма.

5. Если в Монголии появятся другие

партии иного направления, чем наша, и если эти партии смогут содействовать достижению наших двух указанных основных задач,—то наша партия войдет с ними во временное соглашение; если же возникнут партии, могущие учинить нашим основным задачам вред и противодействие, то таковые будут рассматриваться нашей партией как враги монгольского трудового народа. Изменнические и холопствующие перед китайскими, японскими и другими иностранными хищниками и насильниками, вроде русского барона Унгерна, элементы найдут в лице нашей партии беспощадного врага. Выгнанные из родной земли русскими рабочими и крестьянами, установившими свою трудовую власть, эти отбросы прежнего русского царского правительства — сейчас барон Унгерн, ранее Семенов и другие насильем через японское вооружение, грабежами, подкупами стремились и стремятся обмануть монгольский народ, лживо обещая ему его устройство. Со всеми такими бандами и тщеславными, преследующими личные выгоды наживы вожаками, а также всеми теми, будь они соотечественники-монголы, русские или японцы, которые продались этим выходцам и предадут монгольский трудовой народ,—наша партия будет вести борьбу до конца.

6. Вопросы внешней и внутренней политики, религиозной жизни, изменения установленных историей обычаев, традиций и экономического быта—партия будет разрешать сообразно духу переживаемого народами мира времени, характеру будущих изменений мировых событий и в интересах блага и прогресса монгольского народа. Партия будет устранять и уничтожать, если сможет, мягкими мерами воздействия, а если не сможет,—не останавливаясь и перед крутыми мерами, сообразно с требованиями интересов дела, лишь те обычаи, традиции, институты, которые совершенно бесполезны или, не соответствуя духу времени, являются раз навсегда отжившими и вредными.

7. Партия будет принимать все меры, чтобы установить тесную связь и контакт с революционными партиями Китая, России и других стран, кото-

Здание правительства МНР в Улан-Баторе.

рые ставят своей целью и ведут не на словах, а на деле революционную борьбу за уничтожение империализма, утверждение власти трудящихся, за братство и равенство малых народов, угнетенных и поработанных подобно монголам чужестранными империалистами и хищниками, партия будет стремиться к теснейшему контакту и полному единству в действиях с этими народами, идя рука об руку с ними в борьбе за национальное освобождение.

9. Упомянутые в 6-м пункте вопросы государственного строительства об организации центрального правительства, местного самоуправления, правосудия, народного образования, народного хозяйства, финансов, народного здоровья, продовольствия, социального обеспечения, уравнивания и облегчения податей и повинностей и т. п. вопросы народногосударственного строительства, разработанные подробно и изложенные по соответствующим разделам, будут опубликованы партией дополнительно.

10. Принимая во внимание, что имеются лица высших и низших социальных сословий, духовных и светских, мужчины и женщины, желающие войти в ряды нашей партии и работать на пользу великого будущего трудового монгольского народа, — партия настоящим объявляет, что членами ее могут быть люди достойного образа жизни, готовые отдать свои силы на борьбу за счастье трудящихся масс Монголии, принима-

ющие целиком программу партии и подчиняющиеся уставу»¹.

Из этой платформы явствует, что партия образовалась прежде всего как широкая национальная партия, в которую мог войти всякий монгол независимо от его сословной принадлежности, следовательно, и феодалы и ламы, которые признают «целиком программу партии и подчиняются уставу». Но партия рассматривает себя как единственного вождя и руководителя аратских масс Монголии и не допускает образования контрреволюционных групп. Араты являлись основной силой монгольского народно-революционного движения: они вынесли на своих плечах всю тяжесть вооруженной борьбы против белогвардейских банд и с первых же шагов деятельности партии и правительства оказывали им полную поддержку и доверие.

Организационно укрепившись и завоевав на свою сторону широкие массы трудящихся Монголии, партия через временное революционное правительство организовала партизанские отряды для борьбы за национальную независимость страны.

Создался военный революционный совет, который непосредственно руководил этой борьбой. Однако монгольская революция располагала еще недостаточными силами, чтобы изгнать из страны белогвардейских оккупантов, и монгольское народное правительство обратилось с просьбой к советскому правительству, чтобы совместными усилиями ликвидировать общего врага. Быстрыми и решительными действиями революционных воинских сил Монголии и частей советской Красной армии белогвардейские банды были уничтожены. 11 июля 1921 года Монгольская Народная армия вступила в столицу Монголии — Ургу. К концу 1922 года Монголия была очищена от последних остатков белых банд.

2

Тяжелое наследство получила революционная власть: нужно было произвести коренную ломку старых, фео-

дальных устоев, столь ненавистных народу. Однако эти реформы партия и правительство должны были проводить, строго учитывая экономические и национально-бытовые особенности своей страны. Одним из основных вопросов, стоявших перед партией с первых же дней ее образования, был вопрос о так называемом едином национальном фронте, вопрос о вовлечении в русло освободительной борьбы не только массы аратства, но и других классов Монголии. Задача сводилась не только к борьбе против китайцев: в этот момент Монголия была оккупирована русскими белогвардейскими отрядами и — поскольку Унгерн играл на националистических лозунгах и широко использовал автономное правительство — нужно было политически изолировать его, а для этого необходимо было известную часть феодалов и ламства привлечь на свою сторону.

Тактика партии в проведении политики широкого единого национально-освободительного движения дала свои положительные результаты и полностью оправдала себя. Освобождение Монголии от интервентов и захват власти в стране временным народным правительством во всей остроте поставили вопрос, нужно ли сохранить Богдо-хана, как главу монгольского государства или же следует Монголию объявить республикой. И партия, совершенно правильно учитывая специфические особенности, в которых родилось и развивалось национально-освободительное движение Монголии, решила оставить Богдо-хана как конституционного монарха, с тем чтобы реальная власть в стране находилась в руках революционного аратства. Эта линия партии обеспечивала сохранение революционных завоеваний и тактики единого национального фронта. Разрешение этого вопроса вылилось в форму клятвенного договора между народным правительством и Богдо-ханом, заключенного в октябре 1921 года.

Договор этот гласит:

«1. Ввиду того, что Богдо-хан Джибцун-Дамба-хутухта является самодержавным главой желтой религии, то в делах религиозных, не связанных

¹ Журнал «Народы Дальнего Востока» № 1. Иркутск. 1921.

Типы монголов.

Монгольская народная республика.

с государственными, ему предоставляется вся полнота неограниченной власти.

2. Так как Богдо-хан является монархом конституционно-демократического государства, то он свои действия по управлению государством осуществляет лишь через председателя совета министров.

3. Народное правительство не имеет права издавать новые законы без ведома Богдо-хана, а о своих более или менее важных распоряжениях доводит до сведения Богдо-хана.

4. Законы, развивающие и расширяющие основу демократизма, на пользу и благо народных масс, подлежат лишь доведению до сведения Богдо-хана, который по отношению этих законов не пользуется правом veto и не может их отменить. По отношению же к законам иного свойства, хотя Богдо-хан и пользуется правом однократного veto, но если вотированный закон будет вторично доведен до сведения Богдо-хана, то таковой закон получает значение действующего.

Все новые законы и важные распоряжения правительства докладываются лично Богдо-хану председателем совета министров или совместно с одним из руководителей соответствующих министерств.

6. В случае внутренней смуты или угрозы существованию государства

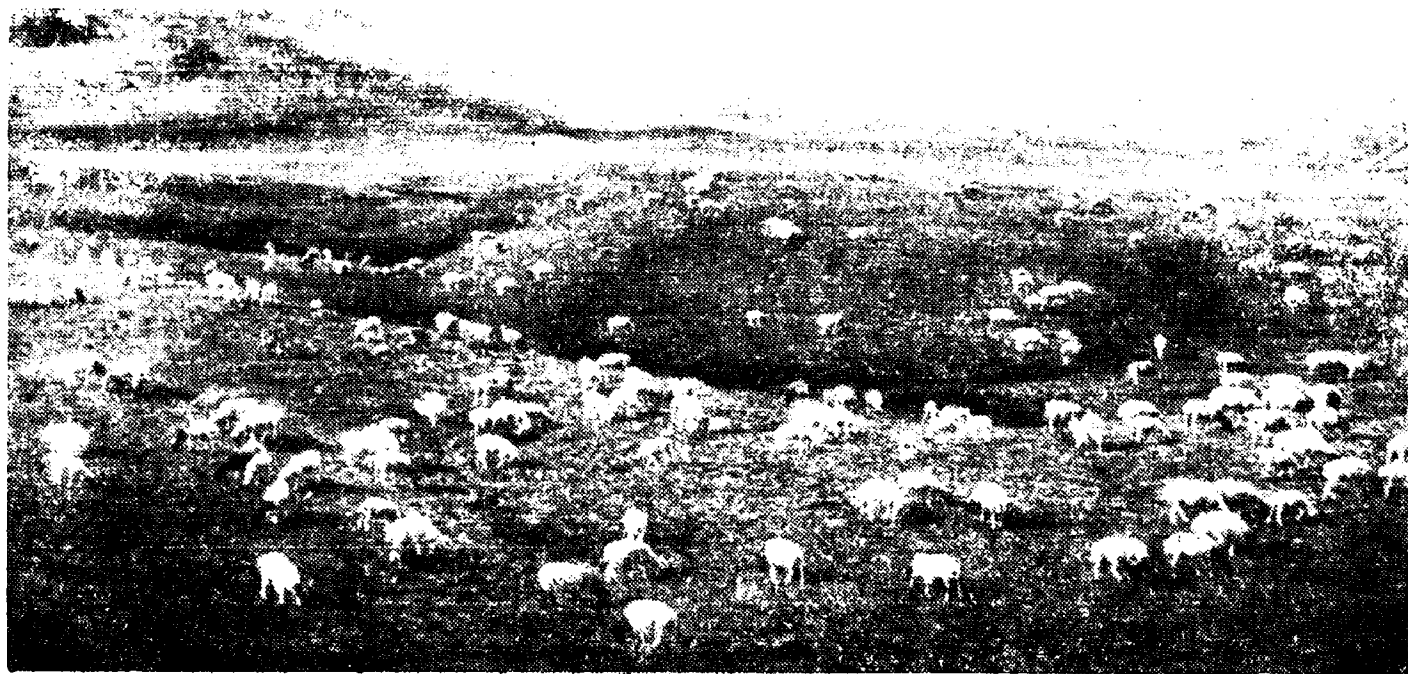
правительство имеет право издания законов и распоряжений не в обычном порядке, т. е. без предварительного уведомления об этом Богдо-хана.

7. Жалование знаков отличия, чинов и т. п. является исключительным правом Богдо-хана, но осуществляется через правительство. Министры, товарищи министров, главнокомандующий и помощник главнокомандующего назначаются правительством с ведома Богдо-хана, прочие же должностные лица назначаются правительством.

8. Настоящий закон имеет силу до установления Великим хуралом основных законов.

9. Настоящий закон составлен в целях укрепления народного монгольского государства, процветания религии, внутреннего мира, укрепления внешней мощи и для блага народных масс,— и поэтому Богдо-хан и правительство утверждают настоящий закон в качестве священной клятвы и обещаются выполнять его неуклонно».

Совершенно ясно, что подписание такого договора происходило в условиях глухой борьбы, которую феодально-теократические элементы страны вели против народного правительства и партии. Сам Богдо-хан и его дворец являлись центром, где собирались и оформлялись контрреволюционные силы Монголии. Еще в период возникновения народно-революционной

Пастбище в районе г. Тунгура.

Монгольская народная республика.

партии в Кяхте Богдо-хан выпустил воззвание к монгольскому народу, в котором он называл народно-революционную партию «красной», говорил, что она родилась под руководством большевиков, не признает религии и имущественной собственности, и призывал не идти за этой партией, которую нужно истребить. В момент, когда революционные монгольские войска находились на подступах к столице Монголии, Богдо-хан сделал попытку распустить временное народное правительство, послав ему навстречу свою делегацию, которая должна была «доказать и убедить», что Монголия уже освобождена от иностранцев, что автономное правительство осуществляет свою власть в стране независимо от иностранной опеки и что надобность во временном правительстве отпала. Этим реставрационным попыткам феодално-теократических элементов была противопоставлена сила и мощь широко развернувшегося революционного движения, перед которым монгольские контрреволюционные силы вынуждены были отступить.

Последующие мероприятия народного правительства: отмена обязательных налогов с населения в пользу церкви, ликвидация уртонской повинности¹, отмена торговых привилегий

¹ Уртоны — почтовые станции, которые обязано было содержать на трактах население. На этих станциях чиновно-административный аппарат получал средства передвижения и прокорм.

тибетских лам, ограничение прав хошунных князей, издание закона о введении демократических органов управления на местах и т. п. — толкали верхушку феодалов и ламства во главе с Богдо-ханом на путь все более и более активной борьбы против народного правительства. 1921—1924 годы были периодом последовательно сменявшихся заговоров против революционной власти.

Потеряв опору внутри страны, монгольские контрреволюционные силы, как правило, в своей заговорщической деятельности ориентировались на помощь со стороны реакционных элементов Китая и Японии. Наряду с этим они — иногда небезрезультатно — пытались подчинить своему влиянию руководящих лидеров партии и народного правительства. Так, в 1922 году возник крупный заговор, в котором активную роль играл один из основоположников народно-революционной партии и председатель совета министров народного правительства — Бодо, который полностью перешел на сторону контрреволюции и встал на путь борьбы с революционным движением.

В 1924 году такой же заговор был организован другим основоположником партии, главкомом монгольской армии Данзаном.

Решительно подавляя внутреннюю контрреволюцию и последовательно проводя мероприятия по насаждению и укреплению основ подлинного наро-

Горшечники. Кустарный промысел в Улап-Баторе.

Монгольская народная республика.

дозластия в стране, партия и правительство вышли из этой борьбы еще более окрепшими, завоевав поддержку широких масс трудящихся.

Ликвидация белогвардейской оккупации и подавление внутренней контрреволюции позволили народному правительству поставить вопрос о созыве Великого хурала — полноправного хозяина свободного монгольского государства.

Одним из важнейших решений этого хурала, состоявшегося в ноябре 1924 года, было принятие конституции, по которой верховная власть в Монгольской народной республике объявлялась принадлежащей трудящемуся народу. В декларации прав трудящегося народа Монголии указывается, что основная задача Монгольской республики заключается в уничтожении остатков феодально-теократического строя и в укреплении основ нового республиканского порядка на основе полной демократизации государственного аппарата. В осуществление подлинной власти народа вся земля и ее недра, леса, воды и их богатства в пределах республики были объявлены общенародным достоянием. Все международные договоры и обязательства о займах, заключенные монгольскими властями до революции 1921 года, были аннулированы как насильственно навязанные. Точно так же были аннулированы долги частных лиц и учреждений иностранным ростовщикам, образовавшиеся со времени

иностранного господства на основе круговой поруки. В руках государства была сосредоточена единая хозяйственная система и декларировано постепенное введение государственной монополии внешней торговли как одно из условий раскрепощения народных масс и утверждения народной власти. Религия была признана частным делом каждого гражданина, и в целях обеспечения за трудящимися свободы совести церковь была отделена от государства. Избирательными правами, согласно конституции, пользуются все граждане республики, достигшие 18 лет, мужчины и женщины, добывающие себе средства к жизни наемным (своим) трудом или занятые собственным хозяйством, а также состоящие в войсковых частях народно-революционной армии.

Монгольская конституция — классовая конституция, конституция аратов (трудящихся). Она не допускает к участию в государственном строительстве эксплуататоров, торговцев и ростовщиков, светских феодалов (бывших князей), теократов (хутухт и хубилганов), а также лам, постоянно проживающих в монастырях. Все статьи конституции направлены на возможно более скорое освобождение республики от остатков феодально-теократического строя.

Монгольский «основной закон» ярко отразил на себе влияние советской конституции. Депутаты I великого хурала — кочевники-степняки — не стали

копировать законодательство буржуазных государств: конституция рабочих и крестьян Советского союза была ближе кочевнику-монголу по своему социальному содержанию, и поэтому новая Монголия пошла по пути, начертанному Великой социалистической революцией 1917 года.

Так закончен был первый этап монгольской революции, и молодая Монгольская республика вступила в новый период творческого строительства, проникнутого тем же социальным содержанием, которое было воплощено в конституции.

3

Начавшийся после I великого хурала период коренных реформ Монголии являлся выражением генеральной линии монгольской народно-революционной партии. Эти установки нашли свое отражение в программе партии, утвержденной IV съездом партии в 1925 году.

«В области государственного и хозяйственного строительства,—гласила программа,— вместо капиталистического метода и капиталистических распорядков, которые привели бы страну к новому закабалению иностранными захватчиками, партия бу-

дет проводить политику сосредоточения в руках государства всей хозяйственной и финансовой политики, а также осуществления государственного капитализма, коллективного общественного ведения хозяйства, не чуждого скотоводческому укладу жизни населения, развития кооперации и т. д., ведя страну к достижению такого общественного строя, когда не будет ни угнетателей, ни угнетенных, т. е. к коммунизму».

Эта основная линия монгольской народно-революционной партии на некапиталистическое развитие страны встретила решительное сопротивление со стороны контрреволюционных сил: князей, высшего ламства и старого чиновничества. Эти слои населения Монголии, у которых монгольская революция 1921 года отняла политические права, но у которых сохранилась еще их экономическая мощь, в связи с общим процессом развития народного хозяйства страны и товарищеской кооперации скотоводческого хозяйства, начали постепенно перерождаться в национальную торговую буржуазию. Само собой разумеется, что на почве экономического роста и усиления хозяйственной мощи должна была усиливаться и политическая активность феодально-теократических и буржу-

Кооператив в Улан-Баторе.

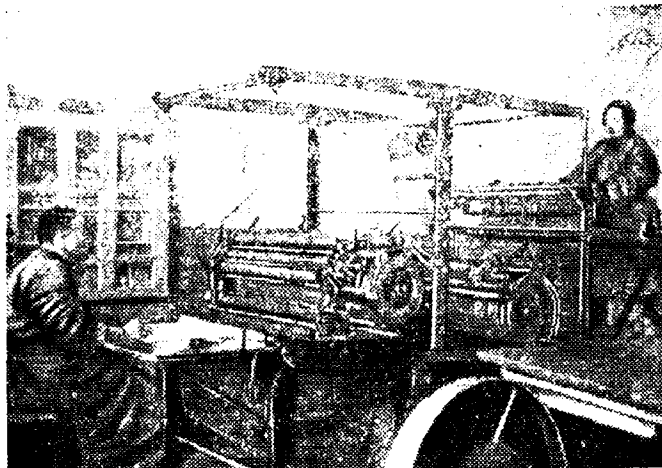
Монгольская народная республика.

азных элементов Монголии, стремившихся захватить в свои руки политическую власть в стране. Не имея опоры в широких массах населения, испытав на себе решительные удары революционного правосудия в период ряда контрреволюционных заговоров в первые годы революции, феодально-буржуазные элементы Монголии пытались осуществить захват власти через завоевание аппарата государственного и партийного управления. Однако и этим реставрационным попыткам монгольская партия нанесла решительный удар.

Последовательно борясь с правыми оппортунистами и «левацкими» загибами, партия вывела страну на широкую дорогу хозяйственного и культурного строительства, обеспечивая свободное, независимое существование монгольского народа и его тесные, братские отношения с трудящимися Советского союза. Основными задачами революционной власти Монголии с первых дней ее существования являлись: укрепление самостоятельно-го антиимпериалистического национального государства, широкое развитие производительных сил страны, выкорчевывание остатков феодализма, постепенное ограничение эксплуататорских элементов буржуазии и защита монгольской республики от угрозы интервенции. Разрешение этих задач требует от партии и правительства всемерного развития всех отраслей народного хозяйства, постепенного внедрения простейших форм кооперирования и коллективизации аратских хозяйств, решительной борьбы против феодалов и реакционной верхушки ламства и освобождения из-под их влияния трудящихся, а также зажиточных слоев аратства и низшего духовенства и, наконец, создания крепкой национальной армии.

Проведение этой политики обеспечивает поддержку партии и правительству со стороны самых широких масс аратства и ведет еще не так давно отсталую Монголию по пути быстрого экономического, политического и культурного роста.

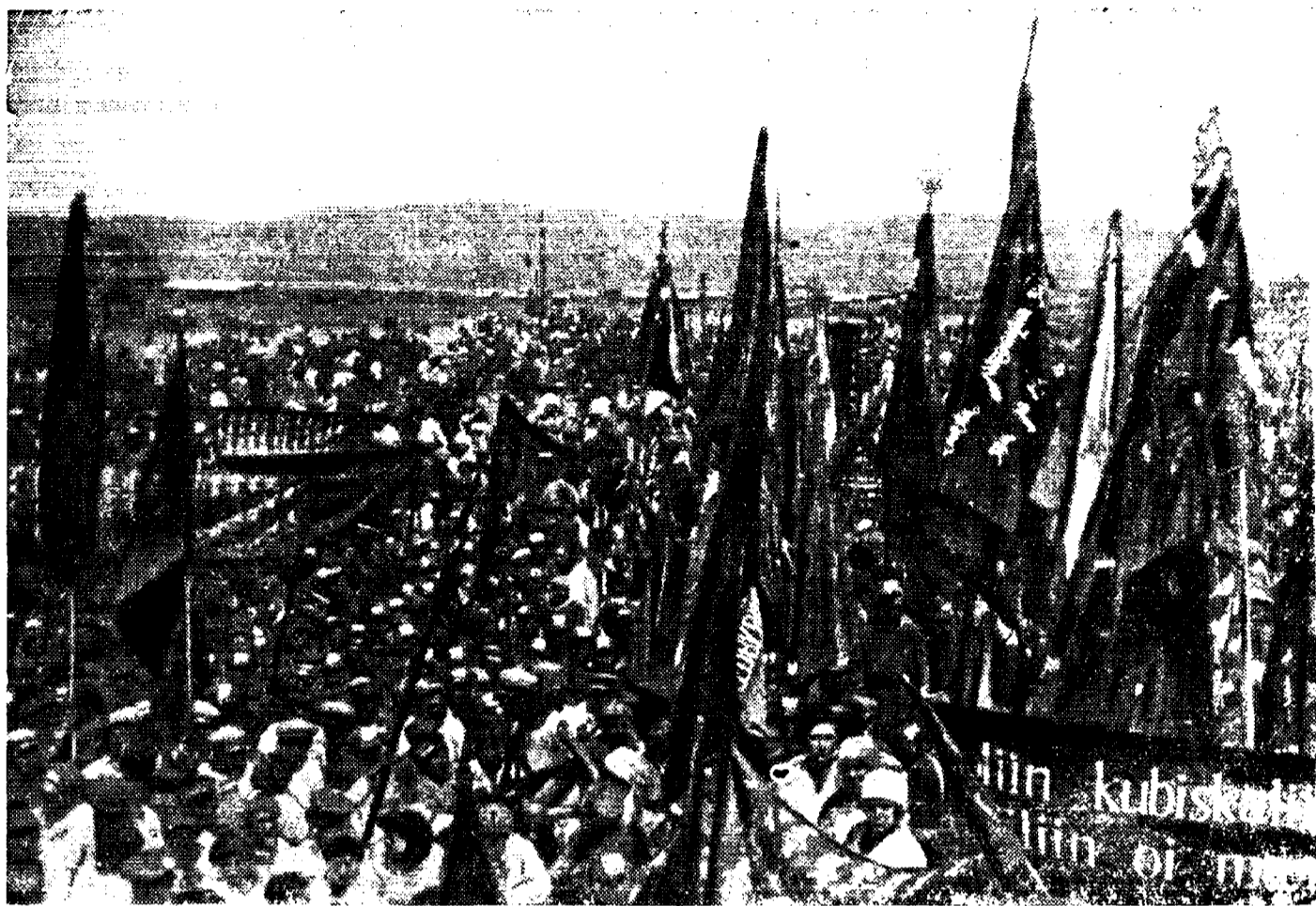
Яркой иллюстрацией этого роста могут служить цифры развития хозяйства страны и прежде всего ско-

Монгольская типография в Улан-Баторе.

товодства—этой основной базы хозяйственного развития Монголии. До революции 1918 года в Монголии числилось овец и коз 7188 тысяч голов, крупного рогатого скота — 1078 тысяч голов, лошадей—1 150 500 голов, верблюдов — 228 600 голов. В 1935 году: овец и коз — 17 308 800 голов, крупного рогатого скота — 2 215 900 голов, лошадей—1 684 400 голов, верблюдов — 526 400 голов, причем все это принадлежит почти исключительно аратству. Правительство оказывает огромную помощь аратскому скотоводству. Достаточно указать, что в 1935 году Монголия была охвачена в 72 пунктах ветеринарной сетью, благодаря которой было выявлено 750 тысяч больных животных. Экстенсивная форма ведения скотоводческого хозяйства, столь характерная для дореволюционной Монголии, теперь сменяется внедрением культурных форм. Культурное ведение хозяйства аратов поощряется значительными налоговыми льготами. В результате этих мероприятий в Монголии получило развитие сенокосение, строительство утепленных загонов для скота (хошанов), рытье колодцев и целый ряд других улучшений, чрезвычайно способствующих под'ему аратского хозяйства.

Развитие национальной промышленности началось в Монголии только на 10-м году революции. Однако уже первые шаги в этом направлении позволили Монголии в 1936 году отказаться от импорта ряда товаров: валенок, яловых сапог и т. д. Общий выпуск продукции монгольской промышленности в 1935 году составил

Празднование 10-летия монгольской революции.

Монгольская народная республика. 1931 год.

12,2 миллиона тугриков¹. С ростом промышленности растут и национальные кадры. Из общего количества рабочих в 2725 чел. занятых на промышленных предприятиях Монголии—1709 монгол, что составляет 62,4%.

Укрепление финансово-бюджетного хозяйства страны позволяет правительству из года в год увеличивать расходы, связанные с развитием производительных сил страны и общим ее культурным ростом. Так, бюджет 1936 года, утвержденный в размере 43 300 000 тугриков, предусматривает около одного миллиона тугриков на кредитование аратских хозяйств; свыше одного миллиона тугриков — на культурное строительство; 300 000 тугриков — на развитие ветеринарной сети, и т. д.

IX съезд монгольской народно-революционной партии, происходивший в 1934 году, указал, что дальнейшее укрепление независимости Монгольской республики совершенно невозможно без развития национальной культуры. Наряду с содействием пробуж-

дению и укреплению национального самосознания, одной из главных задач развития монгольской национальной культуры является подготовка для всех областей государственной и хозяйственной жизни национальных кадров, в которых и по сей день в Монголии ощущается острая нужда. В дореволюционной Монголии не было ни одной светской школы, в настоящее время революционная Монголия имеет 70 начальных школ с 3625 учащимися и 6 средних школ с 750 учащимися. В текущем, 1936 году предполагается открыть еще 5 начальных школ и 2 средних. Наряду с этим в ряде специальных учебных заведений в СССР обучается молодежь Монголии, которая по возвращении к себе на родину, вооруженная знаниями, включится в ряды активных строителей своего государства.

Большое значение имеет для Монголии развитие в стране медицины. До революции медицина в Монголии была монополией лам (монахов), которые лечили темного и доверчивого арата травами и тибетскими молитвами. В настоящее время в монгольских городах насчитывается 27 медицинских пунктов и в худоне (провин-

¹ Тугрик — монгольская национальная денежная единица, равная сейчас примерно 33 золотым копейкам.

ция) — 56. Только за один 1935 год эти пункты обслужили 711 тысяч больных. Растут и свои, национальные медицинские кадры: в столице Монголии Улан-Баторе уже обучаются в медицинском техникуме 100 человек. Из году в год растет количество монголов, вполне подготовленных для работы не только по линии общего управления, но и по специальным областям, требующим квалификации. Монгольская республика уже имеет первые кадры своих национальных летчиков, механиков, врачей, ветеринаров, квалифицированных промышленных мастеров, экономистов, счетоводов и т. д.

Всех этих огромных достижений Монгольская республика добилась в результате длительной и упорной борьбы с контрреволюционными силами внутри страны, получавшими поддержку извне, от японских и китайских империалистов. Нанося решительные удары реставрационным попыткам внутренней контрреволюции, мужественно защищая свою независимость от покушений со стороны японских империалистов, монгольский народ и его передовая сознательная часть, объединенная в рядах монгольской народно-революционной партии, приходят к 15-летию своей революции достаточно сильными, для того чтобы справиться со стоящими перед

Монголией задачами, главнейшая из которых—защита и охрана монгольской независимости.

15 лет существования и развития свободной Монголии—это 15 лет тесной братской дружбы монгольских аратских масс с рабочими и крестьянами Советского союза. Трудящиеся массы Монголии с огромным удовлетворением ознакомились с заявлением товарища Сталина по вопросу о подготовке нападения Японии на Монгольскую республику, сделанного им председателю американского газетного объединения «Скриппс-Говард Ньюспейперс» Рой Говарду во время беседы с ним 1 марта 1936 года.

«Трудящиеся массы Монголии испытывают чувство глубокой благодарности к великому Советскому союзу за ту искреннюю и бескорыстную поддержку, которую оказывает Советский союз в борьбе нашего народа за его национальную независимость и свободу»¹.

Эта дружба и поддержка обеспечивают Монголии ее свободу и дальнейшее экономическое и культурное развитие некогда поработанных, а теперь свободных и радостно строящих свою светлую жизнь монгольских аратов.

¹ Из доклада предсовмина Монгольской народной республики Амора на II пленуме ЦК МНР партии в 1936 году.

Н. Захаров

СТРАБОН И ЕГО ГЕОГРАФИЯ

1

Рабовладельческий Рим для успешного осуществления своей завоевательной деятельности нуждался в известном представлении о географическом характере и экономическом состоянии тех территорий, к которым протягивались его руки.

Поскольку римляне обычно оставляли у завоеванных ими народов их способ производства без изменения, им особенно необходимы были сведения о хозяйственной жизни страны и ее географических свойствах для того, чтобы обеспечить выгоды от ее захвата. Вот почему в позднереспубликанский и раннеимператорский период мы встречаем у римских авторов географические и хозяйственные характеристики, видим специальные труды, так называемые «периплы» и «периегесы», посвященные описанию отдельных районов, знаем, наконец, о составлении Агриппой во время правления Августа специальной карты Римского государства.

К этому же времени (около 18 года до нашей эры) относится и география Страбона. Этот труд, написанный почти 2 тысячи лет назад и состоящий из 17 книг (1—2 содержат «Введение», 3—10—описание Европы, 10—16 — Азии и 17 — Африки), преследовал также практические цели.

Сам Страбон — не римлянин: он родился около 63 года до нашей эры в г. Амазии, в Понте (Малая Азия), т. е. в государстве, долго и упорно боровшемся против Рима во время знамени-

тых митридатовых¹ войн. Принадлежа к верхушке местной рабовладельческой среды, он вырос в обстановке интриг и подкупов. Его предки и некоторые ближайшие родственники, по сохранившимся сведениям, выступали на стороне римлян, предавая интересы своей родины. Дед Страбона в отместку за убийство своих родственников Митридатом закончил этот цикл измен, уступив за деньги римскому полководцу Лукуллу 15 крепостей.

Мы не знаем, как приняли Страбона при его переезде в Рим, где он был чужим человеком, не владевшим литературным латинским языком (труд его составлен на греческом языке, считавшемся в Риме языком гувернеров, рабов-художников, языком народа). Но, несомненно, труд его, которым пользовались тотчас как он был написан, не имел такого успеха при жизни автора, какой выпал на его долю впоследствии.

Страбон получил прекрасное образование, которое он закончил под влиянием александрийцев, у которых, как говорил Ф. Энгельс, научное преподавание велось «в качестве точного и систематического исследования»². Страбон в своей работе пытается дать ряд понятий из области физической географии. Он придает огромное значение естественным силам материальной природы и влиянию их на образование земли. Земельное ядро представляется ему шаром из плотной массы, вокруг которого размещено в шаровидной форме состоящее из менее плотной массы водное пространство (см. прилагаемую карту). Свой взгляд на шаровидность земли он обосновывает известным нам доказательством, что при приближении кораблей показываются сначала мачты, потом

¹ Митридат (132—63 гг. до нашей эры), царь Понта, подчинил себе Крым и боспорское государство. Известен длительными и упорными войнами с римскими войсками под командой Суллы, Лукулла, Помпея. Кончил жизнь самоубийством в боспорском государстве после измены сына своего Фарнака.

² Ф. Энгельс «Диалектика природы», стр. 40. Гиз. 1932.

паруса и, наконец, весь корпус. На указанном примере и построена та структура географической карты, которая воспроизводит размещение материков по Страбонской географии. Представление о взаимоотношении между водными и территориальными пространствами приводит его к тем мыслям, о которых говорит современная геология. Так, Страбон пишет: «Что же удивительного в предположении, что страны, которые теперь обитаемы людьми, были когда-нибудь покрыты водами и наоборот: теперешние водные пространства были прежде обитаемы?» Отсюда он делает вывод, что одним из главнейших законов природы является постоянная изменчивость. Таким образом, гераклитовское положение «все течет, все изменяется» легло в основу взглядов Страбона на изучение физической географии.

Попытки его дать точные измерения (например протяжение владений Рима от Испании до Индии — около 12 тысяч километров) приближаются в известной степени к действительным исчислениям.

В своих географических описаниях Страбон пользуется частично материалами, заимствованными у различных прежних авторов, которые он старается проверить и уточнить, затем мемуарами римлян, участвовавших в походах, и часто собственными наблюдениями, основанными на его многочисленных путешествиях. Критический подход часто чувствуется в его работе по использованию различных сведений, но не всегда он уясняет себе смысл дошедших до него событий. Так например, воспроизводя рассказы о существовании воинственного народа, помещаемого им в Дагестане и на Северном Кавказе, состоящего из одних женщин (амазонок), и зная, что об этом писали и Гомер и Геродот, а писатель IV века Эфор говорил о живущих в устьях Дона совроматах, управляемых женщинами, Страбон недоумевает и считает рассказ об амазонках сказанием «далеким от вероятия». Уровень знаний того времени не позволял, конечно, Страбону знать, что материнское родовое общество — это общая необходимая стадия, через ко-

торую прошли предки всех существовавших и существующих народов.

В своей географии он стремится дать экономическую характеристику стран и их особенностей. Так например мы у него найдем сведения о плодородии почвы в Крыму, в Закавказье, описание в Индии того промышленного сырья, значение которого было понято только через 1½ тысячи лет после него, — это сахарный тростник, в котором, по его словам, «мед делается без участия пчел», и хлопок, называемый им «растущей на дереве шерстью».

Интересно наблюдение Страбона над различной стоимостью металлов у одного арабского племени, у которого 10 фунтов золота отдавались за 1 фунт железа и 2 фунта золота — за 1 фунт серебра. К. Маркс обратил внимание на это сообщение Страбона и нашел его правдоподобным, потому что «... чисто экономические основания этого изменения стоимости... должны быть сведены к изменениям в количестве рабочего времени, необходимого для производства этих металлов»¹.

Отмечая наличие ценных естественных богатств в каком-либо районе, Страбон дает практические советы для тех, кто хотел бы эти районы подчинить. Например, говоря о соанах — народе, живущем в Кавказских горах, — Страбон описывает добычу ими золота из песка горных потоков при помощи просверленных корыт и мохнатых шкур и предупреждает тех, кто будет с ними воевать: «Соаны очень воинственны, могут набрать войска до 200 тысяч, а для наконецников стрел употребляют яды, которые мучают своим запахом даже раненых неотравленными стрелами».

Самое описание соанов дается, по видимому, исключительно из-за золотого песка, так как в отношении образа жизни этот народ, по его словам, ничем не отличается от своих соседей — фтейрофагов, или вшеедов, получивших это название из-за своей нечистоплотности.

О других многочисленных племенах

¹ К. Маркс «К критике политической экономии», стр. 173—174. Партиздат. 1932.

на Северном Кавказе Страбон ничего не говорит, отделяясь фразой: «Прочие соседние племена, живущие у Кавказа, бедны и малоземельны», а, следовательно, для рабовладельческого писателя интересны только с точки зрения вывоза рабов.

Заканчивая свою географию, Страбон делит известные ему территории на земли, уже подчиненные на всех 3 материках Риму, и некоторую часть (небольшую, как думал Страбон), еще пока не подчиненную, но находящуюся на пути к этому.

Страбон не понимал того, что чем больше расширялись границы империи, тем ближе был конец этого, основанного на рабском способе производства общества, которое, как говорил Ф. Энгельс, в силу развивающихся на этой почве противоречий должно было погибнуть.

2

Поскольку большая часть Восточной Европы и Сибирь не были известны Страбону, он лишь частично затрагивает в своих описаниях те территории, которые находятся сейчас в составе СССР. Описания эти кратки и касаются или прибрежных районов Черного и Азовского морей, известных греческим писателям еще со времени греческой колонизации в VI веке до нашей эры, или районов Закавказья, куда устремлялись римские полководцы в позднеимператорское время, и отчасти Средней Азии, о которой составилось некоторое, хотя, может, и не вполне точное, представление со времени походов Александра Македонского и образования Греко-Бактрийского государства в III веке до нашей эры и Парфянского государства.

Относительно северных земель Страбон почти не располагает сведениями. Последним, известным ему пунктом в направлении на север является Борисфен (т. е. река Днепр), расстояние которого от экватора он исчисляет в 34 тысячи стадиев¹ (около 6 тысяч километров), а до крайнего

¹ Стадий — древняя мера длины. Исчисляется различно — от 150 до 190 метров.

северного предела земли — в 800 километров, ссылаясь на математика и астронома II века до нашей эры — Гиппарха. Таким образом, по Страбону, северный полюс земли пришлось бы искать где-нибудь между Орлом и Москвой.

Реку Борисфен Страбон считает судоходной на протяжении 120 километров. Выше Борисфена, по его мнению, находятся народы скифского племени — роксоланы. Живет ли кто севернее роксолан, Страбону неизвестно.

Интересно отметить, что, несмотря на такое слабое представление о северных областях Европы, в географии есть описание белых ночей летом и коротких дней ночью: «Солнце в летнее время светит всю ночь, а во время зимнего солнцестояния поднимается над горизонтом всего на 9 локтей». Ссылаясь опять-таки на Гиппарха, Страбон таким районом считает течение реки Борисфена.

Интересно также его указание, несмотря на отсутствие как будто у него сведений о территории между Днепром и Волгой, что все пространство от Германии до Каспийского моря является равниной.

Давая климатическую характеристику района от Борисфена до Меотиды (Азовского моря), Страбон пишет, что здесь очень холодно и приводит следующие доказательства: ослы здесь не выживают, быки рождаются безрогие, лошади мелкие, овцы крупные, вода замерзает в Керченском проливе, виноградную лозу зарывают зимой в землю.

Значительно больше внимания уделено Черному и Азовскому морям и расположенным по их берегам районам, входившим в сферу влияния греков, а потом подчиненных Риму.

Довольно подробно описан Балканский полуостров и река Дунай. Страбон называет верхнюю часть реки вплоть до порогов (очевидно Железных ворот) Данувием, а нижнюю часть — Истром. В устьях Дуная он отмечает остров Певку. Знает он дельту Дуная и сообщает, что Истр имеет 7 устьев.

Сейчас считают, что Дунай впадает в море 3 рукавами, один из которых — Килийский — имеет 7 устьев.

Далее от Дуная, через 180 километров, расположена река Тирас (Днестр), в устьях которой имеются поселения, а вдоль берегов — ряд городов.

Затем идет описание рек Гипанис (т. е. Буга) и Днепра. Можно предположить, что ему было даже известно о существовании знаменитых Днепровских порогов. Но, указывая местонахождение этих порогов, Страбон ошибочно приближает их к устью реки. Страбон упоминает также город Оливю — крупный торговый центр, являющийся сейчас объектом археологических раскопок¹.

В кратком описании района от устья Днепра до берегов Крыма Страбон отмечает большой залив, Каркинитский, сохранивший это название до настоящего времени.

Крым, или Таврический полуостров, как его называет Страбон, больше привлекает его внимание.

Страбон дает сведения о Перекопском перешейке (название перешейка не упоминается) и пишет, что ширина его около 8 километров, что соответствует и нынешним исчислениям. Упоминает он и так называемое Гнилое озеро (Сиваш). В точном определении его ширины он колеблется, указывая, что, по некоторым данным, она исчислялась в 72 километра. Перечислены также важные для мореплавателей бухты: бухта Символов с узким входом, около которой совершались разбойничьи нападения на спасавшихся сюда от бурь мореплавателей, и другая бухта — Ктенунт.

Описав поселения на южном побережье Таврического полуострова, который тянется на расстоянии 200 километров от бухты Символов до Феодосии (название это известно Страбону), он пытается изложить повествование о древнем городе Херсонесе (близ г. Севастополя), лежавшем при нем в развалинах, а теперь частично раскопанном.

Самой южной оконечностью Таврического полуострова Страбон называет мыс «Бараний лоб». С противоположной стороны Черного моря, по словам Страбона, находится Лафла-

¹ Теперь с. Парутино, близ г. Николаева.

гонский мыс — Карамбий, в силу чего как будто здесь Черное море суживается.

Интересно отметить, что это относительно верно, так как действительно самое краткое расстояние между северными и южными берегами Черного моря, как мы это видим на современных картах, находится между Крымом и Синопом.

Среди Крымских гор Страбон отмечает две горы: Трапезунт (судя по наименованию, можно предполагать, что здесь следует иметь в виду Чатыр-Даг) и Киммерий.

Весь район от Феодосии, где, по его совершенно верным данным, кончаются горы, до Пантикапея (т. е. Керчи) характеризуется как очень плодородное место, где едва вспаханная земля дает урожай сам — тридцать, в силу чего здесь очень сильно развито земледелие.

Избыточная продукция давала возможность развития широкой хлебной торговли, о чем мы знаем и из истории Пантикапея и из надписей в г. Херсонесе.

Страбон пишет, что северная часть Крыма принадлежала кочевникам, которые занимались скотоводством и преимущественно коневодством, игнорируя земледелие. Питались они лошадиным мясом, молоком и особенно приготовленной сывороткой, которая считалась лакомством (возможно, что здесь речь идет о кумысе). Эти кочевники охотно сдавали земли в аренду. Но, как отмечает Страбон, арендаторы очень часто не хотели платить кочевникам за земли, и в силу этого последние затевали с ними войны.

Об этих предпринимателях, к которым Страбон прилагает название «земледельцев», он сам же дает нелестный отзыв: «Хотя эти люди и сльвут за людей будто мирных и цивилизованных, но, будучи корыстолюбивы, занимаются разбоями и другими незаконными средствами для обогащения».

3

Азовское море под именем Меотиды прекрасно известно было еще древним грекам, поскольку у них были колонии в Керченском проливе или Бос-

поре Киммерийском. Окружность всей Меотиды, по исчислениям Страбона, равна 1800 километрам (сведения эти несколько преувеличены). Дон, по Страбону, изливается 2 рукавами. На самом деле Дон теперь впадает в Азовское море 5 крупными рукавами, не считая мелких.

Страбон подобно другим своим современникам считал реку Танаис, т. е. Дон, границей между Европой и Азией. Относительно этой реки он сообщает, что она известна только в своих устьях и на небольшом от них расстоянии, выше же по ее течению проникнуть очень трудно, так как находящиеся там многочисленные и сильные кочевники преграждают туда доступ.

Из других рек Северного Кавказа Страбон упоминает вслед за Танаисом реку Большой Ромбит, на расстоянии 160 километров от него впадающую в Меотиду. Возможно, что речь идет о реке Ея. Далее, на расстоянии еще 150 километров, он называет реку Малый Ромбит, под которой можно предполагать нынешнюю реку Бейсуг. В этих двух реках Страбон отмечает обильное количество рыбы (самое наименование реки Ромбит — по-гречески камбала — указывает на обилие в ней этой рыбы). Птоломей (писатель II века до нашей эры) между этими реками упоминает реку Феофаней. Реку Кубань, которую Птоломей назвал рекой Варданом, Страбон, повидимому, не упоминает. Рукав устья реки Кубани Страбон называл «Антикитес» (что значит «Осетровая река»), очевидно, от того, что здесь водилось много осетров.

Говоря о племени сираков, Страбон сообщает, что жило оно по реке Ахардей, впадающей в Меотиду и берущей начало с Кавказских гор. Возможно, что Ахардеем следует считать реку Маныч.

Что касается большого количества народностей, обитавших на Северном Кавказе, то в географии Страбона упоминаются лишь весьма немногие из них. На территории от Танаиса к югу жили аорсы и сираки (последних Страбон считал весьма многочисленным и воинственным народом). Аорсы, по его сведениям, вели торговлю с Индией и Вавилоном, считались богатым

племенем и носили золотые украшения. По побережью Азовского моря, от Танаиса до Кубани, жили меоты, по имени которых нынешнее Азовское море называлось Меотидой (это наименование сохранялось вплоть до утверждения власти турок и основания г. Азова). К числу меотов Страбон относит синдов, дандариев и многих других. Псевдидимому, к меотам же относились и другие народности, известные из надписей на древних памятниках, находимых на Таманском полуострове. По Черноморскому побережью, от Таманского полуострова к югу до Сухума, находились ахеи, зиги, гениохи. О гениохах Страбон повествует как о пиратах, живших в лесистых берегах Черного моря; в этих лесах они прятали свои легкие лодки—«камары», при помощи которых они совершали нападение на грузовые суда или на отдельные местности с целью захвата людей в рабство.

Кроме гениохов на побережье жили керкеты, мосхи и колхи. Последние два народа помещались, видимо, уже южнее Сухума. В глубине же Кавказа жили многочисленные племена, спускающиеся с гор в Диоскурию, т. е. нынешний Сухум, для закупки здесь соли. Страбон сообщает, что сюда приходили 70 народностей, говорящих на разных языках. В большей своей части они принадлежали к сарматскому племени. Одни из них жили на вершинах гор, другие — под открытым небом в ущельях, питаясь звериным мясом, дико растущими плодами и молоком.

В предгорьях Кавказа Страбон называет лишь троглодитов, живущих вследствие холодов в пещерах, но занимающихся земледелием, а также хамайкотов, полифагов (многоедов) и исадиков. Затем к числу народов, собиравшихся в Диоскурию, Страбон относит и упомянутых нами выше соанов и фтейрофагов.

Поселения городского типа, по данным Страбона, размещаются здесь главным образом по морским берегам и в районе Боспора Киммерийского (Керченского пролива), где расположено Боспорское государство, о котором Страбон говорит, что «страна эта на-

ходится под властью боспорских царей, которых назначают римляне».

Среди боспорских городов самый крупный, видимо, Пантикапей (т. е. нынешняя Керчь) с гаванью на 30 кораблей и доками для починки кораблей. Против Пантикапея, через пролив, на Азиатской стороне, т. е. на Таманском полуострове, находилась Фанагория—крупный торговый центр, куда свозились предметы из различных местностей, расположенных как по Меотиде, так и в глубине материка. Фанагория, по представлению Страбона, расположена на острове так же, как и другой, находящийся ближе к городу—Корокондама. Исходя из этих данных Страбона, можно предположить, что нынешний Таманский полуостров еще в его времена представлял собой архипелаг крупных островов, водное пространство между которыми было в конце концов уничтожено теми наносами частиц земли, которые несут в себе воды Кубани.

Остальные многочисленные боспорские города, расположенные по обеим сторонам Керченского пролива (см. прилагаемую карту), занимались или садовыми культурами (например Кепы)

или же, как это в прошлом году обнаружено исследовательскими работами Государственной академии истории материальной культуры, развивали у себя в широком масштабе местные промышленные производства (например рыбозасолочные и винодельческие предприятия).

К югу от боспорских владений, на Черном море, вдоль Черноморского побережья, Страбон называет селение с гаванью—Баты (вероятно, нынешний Новороссийск), затем—в расстоянии около 70 километров к северу от Сухума—Питиунт и, наконец, упомянутую выше Диоскурию (Сухум).

Очень ярко Страбон характеризует самое крупное, по его мнению, после Пантикапея торговое место в районе Кавказа и Азовского моря—Танаис, расположенный в устье одноименной реки.

В Танаисе собирались как кочевники, так и купцы, приезжавшие из Боспора. Первые доставляли сюда, как пишет Страбон, «рабов, шкуры и прочее, что могут доставить кочевники»; боспоряне привозили «одежду, вино и предметы, свойственные оседлому образу жизни».

В глубине материка жили многочисленные племена. О существовании у них городских поселений Страбон не упоминает, за исключением синдов, у которых он называет города Горгипию (нынешний город Анапа на берегу Черного моря) и Авораку.

По Страбону, одни племена кочуют и живут в повозках, другие — в шатрах (аорсы и сираки), некоторые, обитающие в предгорьях, живут в пещерах (троглодиты), часть же имела селения (исадики).

4

Характеристика четырех стран Закавказья: Колхиды, Иверии (нынешняя Грузия), Армении (сохранившей свое название) и Албании (Азербайджан) — сделана полнее чем описание Кавказа.

Несомненно, у Страбона, родившегося в Амазии в Понте и имевшего близкую связь с Закавказскими странами, были сведения об этих странах, тем более, что родственник его Моаферн был наместником Понтийского царя Митридата в Колхиде.

Колхида была хорошо известна грекам еще за 10—12 столетий до Страбона, когда сюда приходили греки за золотом (отсюда и известный миф о походе аргонавтов за золотым руном).

Страбон определяет местоположение Колхиды к югу от Диоскурии, по побережью Черного моря. В южной части ее пересекает река Фазис (ныне Рион), имеющая два притока: Главк и Гиппос. Страбон считает ее судоходной до огромного укрепленного пункта — Сарапанов (видимо, это современное Шарапани), находящегося вверх по этой реке на расстоянии 130 километров от моря.

Страна эта богата плодами, лесом, годным для кораблестроения, смолой, воском, пенькой и превосходным льном, который служил предметом вывоза благодаря его высоким качествам¹.

Из описания Колхиды создается представление о стране интенсивного земледелия и садоводства; можно даже

¹ Страбон говорит, что развитием здесь культуры льна и способом его обработки пользуются как доказательством теории родства колхов с египтянами.

предположить, что существовали отдельные отрасли промышленности, например кораблестроительная и ткацкая.

По соседству с колхами, в глубине материка, жил народ мосхи, который Гекатей Милетский (VI—V век до нашей эры) считал родственным с колхами.

Следующей за Колхидой страной Страбон называет Иверию или Иберию, т. е. современную Грузию, расположенную в котловине и окруженную Кавказскими горами. Равнина орошается рядом рек, из них главная — Кир, или Кор (нынешняя река Кура). Река эта средним своим течением находится в Иверии, истоки ее — в Армении, а из Иверии она по узкой речной долине переходит в Албанию. В Иверии Страбон называет ее приток Арагон (несомненно, имеется в виду нынешняя Арагва). Затем он перечисляет притоки Кира — Алазоний (нынешняя Алазань), Сандован, Ройтак и Хан. В Иверии много прекрасных городов и селений; дома в них покрыты черепицей и построены согласно архитектурным правилам. В городах имеются оборудованные площади и общественные здания.

Население делится на 2 группы: живущих в равнине и живущих в горах. Первые Страбон характеризует как людей мирных, занимающихся земледелием и подражающих в своем костюме и вооружении армянам и мидянам. Горные жители воинственны и по образу жизни напоминают соседних скифов и сарматов, с которыми их соединяют узы родства; занимались они скотоводством на горных пастбищах и охотой в лесах, а иногда и земледелием.

Интересно, наконец, отметить сообщаемые Страбоном сведения о социально-экономической структуре общества в Иверии, на которые буржуазная историческая литература не обратила внимания. Страбон, видимо, застаёт иверов в период процесса разложения родового быта и образования классового общества. Господствующим здесь способом производства, по его кратким сообщениям, является рабский труд. Рабы именуются у них «царскими рабами» и производят все

необходимое для жизни. На следующей ступени социальной лестницы Страбон помещает воинов и земледельцев.

Над ними стоят жрецы, которые в то же самое время решают спорные вопросы между соседними общинами.

Это положение прекрасно иллюстрируется следующими словами Ф. Энгельса: «Постепенно производительные силы растут; сгустившееся население создает в одном месте одинаковые, в другом — различные интересы между отдельными общинами; их группировка в более крупные целые вызывает в свою очередь новое разделение труда и образование органов для охраны общих и защиты спорных интересов»¹.

Наконец, над всем этим делением возвышается род, из которого избирают царя. Права первородства здесь нет еще. Царем избирается лицо, ближайшее по родству с прежним царем и старейшее по годам. Кроме царя имеется еще и другое лицо, исполняющее высокие государственные функции и ближайшее к нему, которое является и военачальником и верховным судьей.

Интересно сообщение Страбона о том, что у иверов существует общность родового имущества, которым

заведует и распоряжается старейший в роде.

Границами Албании, по Страбону, являются на севере Кавказские горы, на востоке — Каспийское море, на западе — Иверия и на юге — Армения (в основном границы современного Азербайджана).

Страбон сообщает, что страна эта орошается лучше чем долины Тигра, Евфрата и Нила, которые, как известно, в древнем мире считались образцом ирригации.

Здесь, говорит Страбон, «произрастают всевозможные плоды, даже самые нежные, а среди растений встречаются вечнозеленые. Почва дает урожаем почти без обработки; часто земля, засеянная однажды, приносит плод дважды или даже трижды, в первый раз даже сам-пятьдесят, притом не бывши под паром и будучи вспахана не железным, но грубым деревянным плугом. Вся равнина орошается лучше вавилонской и египетской реками и другими водами, так что всегда сохраняется зеленеющий вид, а вследствие этого изобилует и пастбищами. Виноградники здесь остаются совершенно незретыми и подрезываются через пятилетие, но тем не менее молодые лозы приносят плод уже через 2 года, а взрослые дают столько плодов, что большую часть оставляют на ветвях».

Албанцы описываются так: «Люди

¹ Ф. Энгельс «Анти-Дюринг», стр. 128. Партиздат. 1932.

здесь также отличаются красотой и высоким ростом, но простодушны и чужды торгашеских наклонностей, они, по большей части, не употребляют, даже и не знают счета дальше сотни, не знают ни точных мер, ни весов, а товары приобретают путем обмена».

По определению Страбона, албанцы — люди беспечные, видимо, избалованные дарами природы, они больше склонны к пастушескому образу жизни и близки к типу кочевников, но в то же время страстные охотники. Доминирующей формой хозяйства является, повидимому, скотоводство.

Что касается их военных способностей (о них Страбон всегда старается дать сведения), то они определяются как умеренные. «Войска они выставляют больше чем иверы; они вооружают 60 тысяч пехоты и 22 тысячи всадников, с каковыми силами вступили в борьбу с Помпеем».

В состав Албании, по словам Страбона, входила область Каспиана, которая была ранее населена каспиями, давшими свое имя и морю, но во времена Страбона этого народа уже не было. Албания была объединена под властью одного царя. Здесь, видимо, уже последовало образование союза племен. До этого же, как можно видеть из сообщений Страбона, на территории Албании было 26 отдельных племен, из которых каждое говорило на своем языке. Вспомним, что приблизительно в это же время такую же картину можно было видеть и в Западной Европе, где, как пишет Ф. Энгельс, «со времени Цезаря образовались союзы племен; у некоторых из них были уже короли...»¹

Страбон говорит о материальной обеспеченности жрецов, во главе которых стоял главный жрец, управлявший принадлежавшими им «обширными и хорошо населенными землями». Отмечает он и наличие здесь человеческих жертвоприношений.

Интересным является описание двух рек, протекающих через Албанию, Кира (Куры) и Аракса (это название сохранилось и доныне), впадающего в

море недалеко от Кира. Ранее Аракс, по дошедшим до Страбона рассказам, будто не имел выхода в море, а, выйдя из гор, разливался в низменностях и образовывал здесь болота. Затем был прорыт канал, по которому Аракс понес свои воды в Каспийское море², в силу чего болотистые районы Аракса превратились в долины.

Интересно отметить, что сообщения Страбона об Араксе довольно верны. Аракс покинул свою древнюю дельту и направил свои воды, как это можно видеть на картах, в Куру. Недавно, в 1896 году, он снова изменил течение в направлении своей древней дельты и теперь впадает непосредственно в Каспийское море, соединяясь с Курой около Джевата одним рукавом.

Название Армении Страбон производит от собственного имени — царя Армена. Границы Армении он обозначает такие: на юге горы Тавр отделяют ее от Месопотамии (т. е. земля между Тигром и Евфратом); на востоке она граничит с Мидией; на севере — Албания, Иверия, Мосхи, Колхида; на западе также — Мосхи, Колхида и долина реки Евфрата, который отделяет уходящую в глубь материка Армению от Каппадокии. Армения состоит из труднопроходимых гор, плоскогорий и долин. Самые непроходимые, по его мнению, северные горные области Армении — Хозрена и Камбизена, примыкающие к Кавказским горам Иверии и Колхиды, где снежными обвалами засыпаются целые караваны.

Рек в Армении много; из них основные — Фазис и Лик, впадающие в Черное море, Кир и Аракс — в Каспийское, Тигр и Евфрат — в Красное.

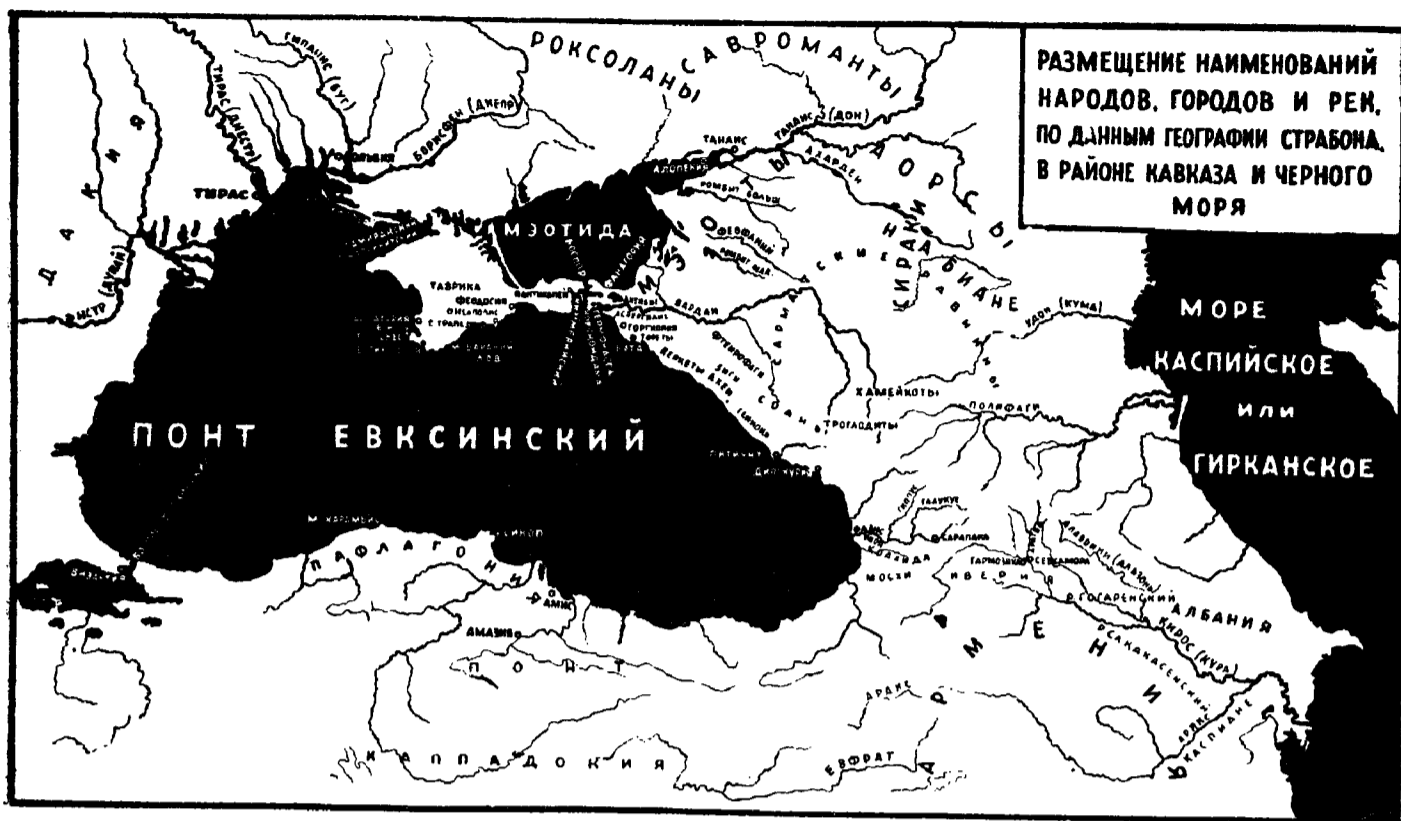
Описаний естественных богатств Армении Страбон почти не дает и только отмечает исключительное плодородие долины реки Аракс.

Вся эта полоса, по его словам, богата садовыми насаждениями и вечнозелеными растениями.

Фавена, Комиссена и Архистена являлись районами коневодства; они составляли лошадей для армянской армии.

¹ Ф. Энгельс «Происхождение семьи, частной собственности и государства», стр. 171. Партиздат. 1933.

² Страбон приписывает устройство этого канала Язону, герою мифического похода аргонавтов в Колхиду.

По словам Страбона, Армения имела сначала небольшую территорию, но затем значительно увеличилась за счет земель, завоеванных у соседей: мидян, иверов, халибов, сирийцев и других. Из городов в этом районе Страбон называет два: Азара и Артаксата, находящиеся близ долины реки Аракса.

5

В Среднюю Азию греки проникли при Александре Македонском. Сведений, которые дошли до Страбона, было недостаточно, чтобы дать характеристику этих мест. Страбон сам понимал это, когда писал: «Древние эллинские писатели называли все вообще северные народы скифами и кельтоскифами, а еще более древние называли гиперборейями, савроматами и аримаснами, живущих выше Евксина, Истра и Адрия, а живущих по ту сторону Каспийского моря называли одних саками, других массагетами, не имея основания сказать о них ничего достоверного, да и вообще об этих народах не добыто исследованиями ничего точного».

Если мы взглянем на Каспийское море по карте Страбона, то увидим, как далеки были представления Страбона от реального очертания берегов этого моря. Он пишет: «Это залив, вдающийся из океана к югу, сначала

довольно узкий, но потом расширяющийся по мере углубления в материк». Но в то же время Страбон указывает, что Каспийское море считают озером, имеющим даже пресную воду.

Северная часть Каспийского моря Страбону была неизвестна, и лишь в XVII веке германский ученый Олеарий, ездивший послом в Москву и Персию, первый изобразил Каспийское море фигурой, вытянутой по меридиану.

Об Аральском озере Страбон как будто совсем не упоминает.

Из рек Страбон называет здесь Оксус (Аму-Дарья), Ох и Яксарт (Сыр-Дарья), которые, по его словам, впадают в Каспийское море.

Интересно отметить, что предположение о том, что Аму-Дарья впадала в Каспийское море, служило предметом изучения географов конца XIX века, которые пришли к заключению, что Аму-Дарья не несла свои воды в Каспийское море. Однако дальнейшее изучение этого вопроса дает основание считать, что все-таки связь Аму-Дарьи с Каспийским морем существовала, а потому возможно, что и страбоновские утверждения имели свои основания.

Из народов, живших за Каспием, Страбон называет, кроме массагетов и саков, еще даев.

Образ жизни всех этих народов довольно примитивен: «Живущие на ост-

ровах питаются кореньями и дикими плодами, носят одежды из древесного лыка и пьют сок древесных плодов. Живущие в болотах питаются рыбой и одеваются в шкуры тюленей. Жители гор питаются дикими плодами и молоком овец, которых в небольшом количестве разводят ради шерсти. Одежду они красят красящими растительными соками, которые долго не линяют. Жители равнин землю не обрабатывают, а живут овцеводством и рыбной ловлей подобно кочевникам и скифам».

Об этом пастушеском образе жизни на равнинах Оксуса и Яксарта, как следствии образования здесь стад, писал Энгельс¹. Страбон отмечает отношение к старикам и покойникам у различных племен Средней Азии: стариков или безнадежно больных выбрасывают на с'едение собакам, или умерщвляют голодом, или убивают и едят их мясо вместе с бараниной.

Интересны сообщения Страбона и о брачных отношениях: «Каждый берет одну жену, но пользуется он также и чужими женами и при этом не тайком: сообщающийся с чужой женой вешает свой колчан на повозке и сообщается явно».

Это сообщение Страбона, воспроизводящее начало группового брака, видимо, тождественно с сообщением Геродота, который говорит о массагетах, что «хотя каждый из них женится на одной женщине, но женами они пользуются сообща». Эти сведения

¹ Ф. Энгельс «Происхождение семьи, частной собственности и государства», стр. 46. Партиздат. 1933.

обратили на себя внимание Моргана², который, по словам Ф. Энгельса³, восстановил в главных чертах доисторическую основу нашей писанной истории.

О массагетах Страбон пишет, что у них медь и золото в изобилии, они носят золотые пояса и повязки, имеют медное оружие, но железа мало, а серебра нет. В указанном выше месте К. Маркс говорит, что получение серебра требует относительно высокой техники:

«От человека требуется, таким образом, только самый простой труд как для добывания золота из рек, так и для добывания его из наносной земли, тогда как добывание серебра предполагает рудокопные работы и вообще относительно высокое развитие техники»⁴.

Ясно, что высокой техникой массагеты не обладали и поэтому получать серебро и железо не могли. Что касается меди, то, очевидно, месторождения этого известного в глубокой древности металла, в виде самородной меди, были здесь достаточны. И созданная недавно в Казахстане советская мощная медная промышленность подтверждает сообщения Страбона о наличии обильного количества меди за Каспийским морем.

² Л. Морган «Древнее общество», стр. 248. Изд. 1934 года.

³ Ф. Энгельс. Предисловие к первому изданию (1884 г.). «Происхождение семьи, частной собственности и государства», стр. 26. Партиздат. 1933.

⁴ К. Маркс «К критике политической экономии», стр. 174. Партиздат. 1932.

И. Арский

ВОССТАНИЕ

„КУРУЦЕВ“*
В ВЕНГРИИ
в 1514 году

1

В 1514 году феодальную Венгрию потрясла мощная крестьянская война, так называемое восстание «куруцев», которое послужило прелюдией к великой крестьянской войне в Германии, поставившей под угрозу всю систему феодальной эксплуатации в Центральной Европе. Эти события в Венгрии нельзя понять, не проследив основные черты истории образования феодальной Венгрии и пути, пройденного мадьярским народом в X—XV веках.

Семь кочевых племен, объединившихся под общим именем мадьяр, пришли в равнины древней Паннонии (теперешней Венгрии) в самом конце IX века. Отряды храбрых, исключительно выносливых, крепких, точно выросших на конях варваров быстро завоевали всю степную территорию, по рекам Тиссе и среднему Дунаю, разрушив в союзе с немецкими феодалами славянскую, так называемую «моравскую державу».

Постепенно народные собрания, коллективное владение пастбищем, военная демократия — все эти институты уже разлагавшегося родового строя (у них в ту пору насчитывалось около 100 родов) стали исчезать, уступая место быстро развивавшимся феодальным порядкам. Обогащению и быстрейшему выделению господствующей феодальной эксплуататорской

верхушки среди мадьяр (соседи называли их венграми) способствовали также почти регулярные грабительские набеги, совершавшиеся ими в X веке на Италию, Германию, Чехию и Византию. Мадьярские дружины так же внезапно и быстро появлялись в соседних землях, как и исчезали, разорив и ограбив все кругом. После этих походов они возвращались в Венгрию с огромной добычей.

Социальный строй мадьярского народа постепенно переживал коренные изменения. Уже при приходе в долину Дуная у венгров было немало рабов, частично пленников, частично соплеменников. Мало-помалу число свободных людей уменьшалось: они попадали во все более возрастающую зависимость от могучей и богатой знати. Сформировался и орган классового насилия создающегося класса феодалов—государство, королевская власть. Еще Арпад — вождь мадьяр во время занятия Венгрии — в результате завоевания страны необычайно усилил свою власть, которая еще больше возросла при его сыне и преемнике Гейзе (умер в 997 году), а затем при внуке — Стефане (997—1038). Стефан, провозглашенный католической церковью «святым», окончательно оформил феодальный строй в Венгрии. При нем была завершена начатая уже при Гейзе христианизация мадьяр как идеологическая форма закрепления феодальных отношений в стране. От того времени до нас дошли две книги первых письменных венгерских законов (от 1016 года), которые ярко рисуют быт феодализирующейся Венгрии.

Первой заботой «благочестивого» короля было укрепление христианской веры, этой надежнейшей опоры феодальной эксплуатации. На каждые десять деревень была воздвигнута церковь, расходы же по построению были возложены на крестьян. На все трудовое население страны налагалась десятина. Вводилось обязательное соблюдение всех церковных праздников и постов. За пропуск церковных церемоний и невнимательность во время службы секли.

Частная собственность, институт

* «Куруцы» — по-венгерски крестоносцы.

еще малопривычный для мадьярского народа, была объявлена неприкосновенной. Владение землями, пожалованными королем, ранее по обычаю бывшее пожизненным, превращалось в наследственное, и владелец волен был распоряжаться ими по своему усмотрению.

В XI веке мадьяры уже делились на следующие социальные прослойки: высшая знать — королевские вассалы, так называемые королевские слуги (*servientes regis*), лично-свободные люди (*jobagiones*), свободные мадьярские крестьяне и колонисты из переселенцев с соседних земель. Среди свободных было немало людей, несших военную службу; часть их превращалась в мелких феодалов, рыцарей; часть постепенно опускалась до уровня простых крестьян.

К этому времени существовали уже официально крепостные крестьяне, так называемые «удворники», и вольноотпущенники, так называемые «душенники». Рабство в XI веке уже теряет серьезное экономическое и социальное значение.

Вся страна делилась на ряд комитатов (графств), во главе которых стояли королевские наместники — «испаны». Каждый наместник комитата имел дружины, состоявшие из воинов-земледельцев.

Многое еще в венгерском общественном строе оставалось от старых, исконных обычаев и порядков (дворянское сословие окончательно оформилось в замкнутую касту только к XIV веку), но ярмо феодальной эксплуатации уже всей своей тяжестью давило на крестьянские спины. Обширные земли, принадлежавшие раньше всему народу, раздаривались королями светской и духовной знати, которая выжимала из крестьян феодальную ренту в отработочной и натуральной формах. Могущественные вельможи в свою очередь одаряли церковь из своих огромных земельных богатств. Так, когда герцог Альмош основал монастырь Демеш, он подарил ему 59 поселков с 761 крестьянином, которые должны были уплачивать аббату ежегодно 1522 гарнца пшеничной муки, 4 быка, 1522 овцы, 300 жирных баранов, 50 свиней, 70 гусей, 120 кур, 81 кусок каменной соли, 1522 ведра пива, 175 ведер меду. Десятина в пользу

попов так усердно выколачивалась из крестьян, что, когда король Стефан подарил монастырю св. Мартина район Куппа, то распространил сбор десятины даже... на каждого десятого крестьянского ребенка.

Денежное обращение играло в Венгрии уже в XI—XII веках сравнительно большую, по тогдашним масштабам, роль. Этому способствовало огромное накопление в стране драгоценных металлов, награбленных во время прежних набегов. В конце XII века венгерский король Бела III (1172—1196) получал около 165 тысяч марок серебра одних денежных доходов. В XIV же веке, когда в Венгрии стало развиваться горное дело и добыча серебра, венгерские короли считались одними из богатейших монархов Европы.

В XI—XII веках в Венгрию широким потоком влились колонисты — поселенцы из западноевропейских стран, гонимые в плодородную привольную мадьярскую «пушту» (степь) невыносимым гнетом феодальной эксплуатации. Их оседание на землях венгерских феодалов увеличило доходность этих земель, и поэтому магнаты пошли на некоторое смягчение форм феодальной эксплуатации.

Замедлению процесса исчезновения лично-свободных людей среди мелких земледельцев-крестьян способствовали также внутриклассовые распри венгерских феодалов в XIII веке. Столкновения высшей знати, могучих магнатов, с рядовой массой мелких феодалов — рыцарей, привело к обнародованию в 1222 году так называемой «Золотой буллы» короля Андрея II, установившей основы правового положения всех групп класса феодалов. Борющиеся группировки, а особенно низшее дворянство, были заинтересованы в поддержке со стороны той части крестьянства, которая еще не успела полностью лишиться остатков личной свободы.

Хозяйственная разруха, следствие разгрома Венгрии монголами в 1241 году, увеличила нажим феодалов на крестьян. В течение XIV—XV веков мы видим непрекращающийся натиск помещиков на крестьянство с целью полного и формального закрепощения его. В это время внешнее могущество

Схема Венгрии в эпоху восстания «куруцев».

1514 год.

феодалного венгерского королевства быстро возросло. Венгрия становится этнически разнородным государством, где мадьярская или мадьяризованная феодальная верхушка эксплуатирует крестьян мадьярских, секлерских (семиградские мадьяры), саксонских, румынских, украинских, словацких, хорватских, сербских. К этому времени Венгрия охватывает огромную территорию по среднему течению реки Дунай и его притоков и получает выход к Адриатическому морю. Венгерские короли попеременно правили то Неаполем, то Польшей, то другими государствами. Внутри же страны, все усиливаясь и ускоряясь, шел процесс закрепощения крестьянства, стимулировавшийся развитием товарно-рыночных отношений, увеличивавших эксплуататорские аппетиты помещиков до беспредельности.

Процесс этот представлял собой палку о двух концах для знати, так как грозил довести свободолюбивых мадьярских крестьян до восстания. Правительство это сознавало и пыталось избежать этой опасности.

Уже в 1298 году, при Андрее III, был издан закон, подтверждающий свободу перехода лично-свободных крестьян от одного помещика к другому. Как плохо соблюдалась эта

«свобода», показывает то обстоятельство, что в 1351 году опять понадобилось подтверждение ее. В 1405 году опять был объявлен закон, по которому крестьяне, рассчитавшиеся по своим обязательствам и долгам с прежними господами, могли уходить из поместий. Но очень скоро правительство перестало заботиться о соблюдении осторожности, и на протяжении XV века уже очень многочисленны случаи официальных приостановлений действия этого права. Под предлогом сбора новой поголовной подати с крестьян в 1459, 1463, 1468 и 1474 годах было на некоторый срок приостановлено право перехода крестьян. С другой стороны, на крестьянство сыпались все новые оброки, сборы, барщины, подати. И короли, и знать, и церковь выжимали из крестьян максимум возможных доходов. Так например в 1481 году и без того тяжелая десятина еще более увеличилась и распространилась на все решительно продукты сельского хозяйства. Однако приближение турецкой опасности и рост крестьянского недовольства заставили правительство попытаться смягчить остроту классовых противоречий. Законы 1492 и 1504 годов снова объявляют нерушимой свободу крестьянских переходов.

Но уже было поздно, тем более, что помещики вовсе не желали хоть сколько-нибудь умерять свой эксплуататорский пыл, даже рискуя вызвать всеобщее крестьянское восстание. И оно вспыхнуло в конце концов, вспыхнуло с невиданной силой и энергией народного отчаяния. Это было славное восстание «куруцев» в 1514 году.

Оно не было первой попыткой широкого крестьянского восстания в Венгрии. В течение XV века неоднократно вспыхивали отдельные крестьянские восстания и волнения, и, как ни скрывает их буржуазная историография, мы можем установить эпизоды многих из них. Так например известно, что в начале XV века в окрестностях города Надьсомбата восстали крестьяне во главе со старостой Блашко. Подробности событий не сохранились. Мы знаем только, что восстание было подавлено и предводители крестьян были казнены. В 1437 году широко распространилось восстание семиградских крестьян, доведенных до отчаяния стремлением епископа Лепеша взимать с них десятину в денежной форме. Восставшие хотели обратно отвоевать, восстановить свою свободу, ту свободу, которую короли Венгрии даровали каждому жителю страны, и по общему хорошо обдуманному плану сбросить с себя свое тяжелое бремя.

Крестьянам удалось на первых порах одержать верх. В июле 1437 года они заключили соглашение с помещиками, состоявшее из 18 статей, по которым отменялись церковная десятина и ряд оброков в пользу помещиков и подтверждалось право свободного перехода крестьян из поместья в поместье. Раз в год от всех окрестных сел должны были собираться представители для проверки того, соблюдают ли помещики условия договора. Участники восстания были признаны свободными от какого бы то ни было наказания.

Но уступчивость дворян была только тактическим ходом. Собравшись с силами и обеспечив себя содействием городской буржуазии, дворяне стали одолевать крестьян. В 1438 году восстание было подавлено, много крестьян погибло, а 9 их предводителей были посажены на кол.

Однако энергия семиградских крестьян не была сломлена этим поражением. В 1470 году по всей области прокатилась волна убийств помещиков крестьянами. В 1492 году вспыхнуло крестьянское восстание против воеводы Батори, построившего себе замок на секлерской земле и беспощадно выколачивавшего оброки из крестьян на устройство и снабжение этого замка. Секлерские и саксонские крестьяне (потомки северонемецких колонистов) сообща двинулись на классового врага. Но и это восстание было подавлено.

2

В конце XV, начале XVI века феодальная Венгрия переживала критический момент. Турецкие войска, подчинив себе земли Балканского полуострова, вплотную подошли к венгерским границам. Между венгерскими и турецкими феодалами разгорелась ожесточенная борьба за господство над Дунайскими землями. Венгерские войска предпринимали походы и в глубь турецких владений, но в общем перевес склонялся на сторону турок. Особенно это стало заметно после разгрома в 1444 году при Варне венгерского войска, шедшего под лозунгом крестового похода. В этом сражении погиб сам венгерский король Владислав I.

Остатки венгерского войска были уведены домой талантливым воеводой Яном Гуниади, румыном по происхождению, ставшим затем правителем Венгрии. Усилиями его и его сына Матвея Корвина, избранного королем страны (1458—1490), венгерским феодалам удалось остановить турецкий натиск, тем более опасный для помещиков Венгрии, что турецкое господство несло значительное смягчение феодального гнета и потому во многих местностях привлекало к себе сочувствие крестьян-христиан. В своей борьбе Матвей Корвин опирался в первую очередь на мелкое дворянство, на мелких помещиков Венгрии, нередко сталкивавшихся с богатыми магнатами на почве междоусобной конкуренции из-за эксплуатации крестьянства.

Король Владислав II (1490—1526), не отличавшийся личными дарованиями и не пользовавшийся особенными

Средневековые венгерские рыцари.

Со старинной гравюры.

симпатиями мелкого дворянства, с гораздо меньшим успехом боролся с турецким наступлением. Для того чтобы втянуть широкие массы как мадьяр, так и жителей соседних христианских земель в борьбу против турок, была выдвинута идея крестового похода. Инициатива этого похода принадлежала кардиналу — архиепископу Бакачу, назначенному папским легатом в Венгрии, который перед тем неудачно претендовал даже на папскую тиару. Получив от папы соответствующие полномочия по организации крестового похода, Бакач отправился в Венгрию. Но когда он в 1514 году торжественно прибыл на родину с папской буллой, то был встречен королем Владиславом и венгерской знатью не особенно радостно, так как в это время как раз был заключен с султаном мирный договор на три года. Таким образом, реальной, неотложной необходимости в вооруженном выступлении против Турции уже не было. Тем не менее Бакач, стремившийся во что бы то ни стало стяжать лавры вождя крестоносцев, настаивал на походе.

Король, не скрывая своей неприязни к «святому делу», все же созвал государственный совет, значительная

часть которого высказалась за поход. Буйная, драчливая венгерская знать готова была воспользоваться любым поводом, лишь бы поживиться добычей на войне. Такая пустая формальность, как подписанное перемирие, ее мало смущала. Однако значительная часть членов совета придерживалась более осторожного и дальновидного взгляда. Многие из них прекрасно сознавали, что венгерское дворянство в случае войны с турками наверняка не будет иметь надежного тыла. Нетрудно было предвидеть, что долголетняя беззастенчивая эксплуатация крестьян помещиками создала в стране накаленную атмосферу. Особенно ярко страх перед крестьянским восстанием проявился в речи королевского казначея Стефана Телегди на совете. «Нет сомнения, — говорил он, — что булла, призывающая к крестовому походу, соберет многочисленную толпу, но из кого будет состоять этот народ? Это будут большей частью нищие, бездомные бродяги, беглые преступники, которые под видом крестоносцев станут учинять новые злодеяния. Я не сомневаюсь также, что под знамя креста стекутся крестьяне и сельские жители в большом количестве, но это опять-таки будут те, кто уклоняется

Средневековый венгерский воин.
Со старинной гравюры.

от работы, кто избегает наказания и стремится из недовольства своими хозяевами отомстить им. Ну, а что, если дворянство вследствие неисполнения крестьянами барщины, будет жаловаться на уменьшение доходности со своих поместий, потребует назад этих ушедших крестьян, или насильно удержит их у себя? Что, если для того, чтобы принудить их вернуться в поместья, дворяне бросят в темницы их жен и детей? Думаете ли вы, что эта вооруженная толпа крестоносцев будет терпеть все это и не нападет из мести на дворян? Думаете ли вы, что они послушаются вас или какого-нибудь вашего начальника? Соединившись с пришельцами из Чехии и Польши, они обрушатся на нас, и тогда наступит гибель для всего нашего дворянского сословия. Дай бог, чтобы я оказался плохим пророком!

И уже если проповедывать крестовый поход, то лишь с тем, чтобы привлекать в войска только зажиточных людей, могущих снарядить себя на собственные средства. Но во всяком

случае опасности королевству ведь никакой не угрожает. Султаном подписано перемирие и его силы заняты в Азии»¹.

Однако слова Телегди, оказавшиеся поистине пророческими, не охладили воинственного пыла венгерских дворян. 16 апреля 1514 года Бакач обнародовал палскую буллу, обещая отпущение грехов всем крестоносцам и угрожая изгнанием и карами тем, кто станет мешать сборам в поход. Проповедники крестового похода разошлись по стране. В короткое время по всей Венгрии стали собираться толпы «куруцев», состоявшие большей частью из обнищавших и измученных крестьян. Особенно много их собралось около городов Пешта, Весприма, Калоча, Секешфейервара (Штульвейсенбург) и Наги-Варада (Гроссвардейн).

Уже первые шаги крестоносцев сопровождались столкновениями с дворянами, и поэтому среди последних не оказалось желающих принять командование над этими войсками.

Наконец вождь для войска крестоносцев был найден, и 30 апреля в торжественной обстановке кардинал Бакач вручил ему присланное папой белое знамя с красным крестом. Этим вождем был Георгий Дожа, родом секлер, служивший рядовым воином в пограничных войсках у турецкого рубежа, но за храбрость, проявленную им во время одного из пограничных набегов, награжденный дворянским званием, гербом, почетным кафтаном, саблей, шпорами, золотой цепью, двойным жалованьем и имением с 40 крестьянскими дворами. Известие о назначении Георгия Дожи начальником нестройного и разношерстного войска еще более увеличило приток добровольцев в крестоносные войска, ибо слава о его легендарной храбрости уже облетела всю Венгрию.

К нему стали стекаться недовольные изо всех слоев населения. Больше всего, конечно, приходило измученных помещичьей эксплуатацией крестьян, но присоединялись и обедневшие мелкие дворяне, разоренные и обиженные своими более могущественными собратиями, приходили полунин-

¹ Istvanffy «Regni hungarici historia». V. V p. 40. Wien. 1758.

щие сельские попы, притесняемые епископами, наконец, присоединилось немало подмастерьев, обедневших ремесленников, чернорабочих и вообще городской бедноты. Скоро в одном только центральном лагере, под столицей Пештом, собралось около 40 тысяч человек; в остальных сборных пунктах было тоже примерно столько же.

Кроме Дожи виднейшими предводителями «куруцев» были: его брат Григорий, два сельских священника — Лаврентий Месарош и Барабаш, Фома Кечкеш, Франц Бачош, Антон Наги, Бенедикт Поганьи и уроженец Пешта Амвросий Салереши. Чем больше росли ряды войска, тем ярче обнаруживались в стране классовые противоречия. Между «куруцами» и помещиками происходили непрерывные столкновения, так как помещики, испуганные отливом рабочих рук из деревень, пытались насильственно удерживать крестьян и усиливали эксплуатацию тех, которые еще оставались. Однако эти меры не только не уменьшали числа «куруцев», но, наоборот, еще более раздражали крестьян и увеличивали приток добровольцев в крестоносное войско.

Среди самих вождей «куруцев» также намечались значительные расхождения. Если Лаврентий Месарош убеждал Дожу немедленно расправиться с дворянством и освободить крестьян от невыносимого гнета, истребив кровопийц, то брат Дожи, Григорий, старался, наоборот, удержать его от открытого разрыва с помещиками. Но когда в середине мая пришел королевский приказ не принимать больше добровольцев и немедленно выступать в Боснию против турок, причем королевские дворянские войска не присоединились к «куруцам», что фактически означало посылку крестьян на убой и голодную смерть, буря классовой ненависти прорвалась. Крестьянские отряды хлынули на пригороды столицы и принялись громить дворцы венгерской знати, перебив многих из их владельцев.

Крестьянская война началась!

3

Напрасно кардинал Бакач грозил крестьянам всеми карами за отказ ид-

Средневековый венгерский воин.
Со старинной гравюры.

ти на турок. Он слишком поздно понял, какую угрозу для его класса представляют собранные им «крестоносцы». Дожа и «куруцы» не слушали честолюбивого папского легата. Дожа приказал Салереши укрепиться на Ракошском поле, под столицей, и перенять все подступы к ней. Лаврентия Месароша он отправил в Бач, а Барабаша — на Эгер (Эрлау) с приказом вести собранные там отряды к Сегеду (Сегедин), куда двинулся и сам, разделив войска на две части. Это было ошибкой Дожи. Ему следовало воспользоваться растерянностью, которая охватила дворян и правительство, и захватить Пешт вместе с королем и кардиналом Бакачем, что было делом нетрудным, так как войск у них в тот момент почти не было.

В Цегледе Дожа опубликовал воззвание к народу: «От Георгия секлера, могучего воина, вождя и капитана королевских венгерских крестоносцев, но не подданного вельмож, привет всем городам, местечкам и дерев-

ням Венгрии, а особенно комитатам Пештскому и Сольнокскому. Да будет вам известно, что коварная знать поднялась на собравшиеся крестоносные войска, чтобы снова нас преследовать и истреблять, а потому приказываю вам под страхом кары и вечного проклятия, а также потери имущества и жизни тотчас же по получении этого послания, без отговорок и промедления, спешить к нам в Цеглед, чтобы крестоносное войско, усилившись вами, смогло одолеть, уничтожить и с корнем истребить силу и могущество коварной и проклятой знати. Привет вам, если так сделаете, если же нет, то не избежать вам кары. Мы переведем вас у ворот ваших поселений или посадим на колья у ваших жилищ, мы разорим ваше имущество, снесем дома и замучаем ваши семьи»¹.

Дожа действовал энергично и решительно: поместья пылали, более 400 дворян было перебито, многие дворянские семьи были уничтожены полностью. Жестокость крестьянской войны соответствовала беспощадной жестокости векового дворянского гнета и издевательству над храбрыми и свободолюбивыми мадьярскими крестьянами. Правительство растерялось. Знать обвиняла во всех бедах короля и кардинала Бакача. Последние в страхе и бездействии отсиживались в Пештском замке. Палатин² королевства Петр Переньи заболел от страха. Члены государственного совета в панике предлагали просить помощи у императора Максимилиана и у польского короля Сигизмунда, зарившихся на венгерский трон. Чешские феодалы обещали прислать войска на выручку своих венгерских братьев по классу. Капитан нижнедунайских земель Стефан Батори был назначен начальником собранных королевских войск. Один из дворян — Ян Борнемиша — получил приказ — очистить окрестности столицы от «куруцев». Королевский камергер доставил в начале июня северовенгерским дворянам приказ короля — спешить под Пешт и в войска Стефана Батори, не отвлекаясь борь-

бой с мелкими местными крестьянскими отрядами, рассыпавшимися по всей стране, ибо, если войска Дожи будут уничтожены, писал король, то нетрудно будет справиться и с остальными. Города должны были предоставлять дворянам свое оружие и отряды.

Приняв команду над королевскими войсками, собранными спешно из всех соседних комитатов, и присоединив к ним пеших стрелков, присланных городом Пештом, Ян Борнемиша принялся за очищение от крестьянских отрядов левого берега Дуная. Столкнувшись с конным авангардом крестьянских войск, он обещал от королевского имени помилование всем, кто сложит оружие. Изменник Салереши повиновался и сдался с частью людей, но большая часть крестьян, пылая ненавистью к знати, вступила в неравный бой. Под натиском многочисленной дворянской конницы, кое-как вооруженные и лишённые предводителя, крестьяне были разбиты и загнаны в леса. Часть пленников была посажена на кол или четвертована, части — отрубили головы, а остальные — чтобы не лишать помещиков необходимых рабочих рук — с отрезанными носами или ушами (некоторых оскопили) были отпущены домой.

Но еще рано было знати торжествовать победу над крестьянами: весть о гибели одного из отрядов и зверской расправе победителей не только не запугала крестьян, как ожидали помещики, но еще более возбудила их классовую ненависть и подняла боевой пыл: всюду возникали новые отряды повстанцев.

В комитатах Берег, Унг и Марамарош, где особенно сильно было засилье кучки богатейших вельмож, к «куруцам» присоединялись отряды мелких дворян, большей частью румынского происхождения. Замки и местечки, где запирались помещики, пылали. Однако победа Борнемиши подняла энергию дворянства и городских богачей, совсем уже было павших духом. В комитатах Земплин, Шопрон (Эдинбург) и Хевеш их отряды сумели одолеть небольшие, разрозненные группы крестьянских партизан. При Наги-Вараде помещичьи войска вновь разбили крестьянский отряд, со-

¹ P r a y «Epistolae procerum regni Hungariae». V. 1, p. 8. Wien. 1806.

² Одно из высших феодально-чиновничьих званий средневековой Венгрии.

стоявший преимущественно из крестьян-румын. Часть их спаслась в Молдавию и Польшу, часть добралась до лагеря Дожи. По всей Венгрии кипела беспощадная гражданская война.

Между тем Дожа после ряда неудачных попыток овладеть Сегедом, который укрепила городская буржуазия, перевел свое войско через реку Тиссу и двинулся на юг, в Чанадский комитат. Там, на берегу Мароша, уже расположился с войском Стефан Батори и присоединивший к нему свои отряды молодой чанадский епископ Николай Чаки.

С утра до вечера длился бой, не давая перевеса ни той, ни другой стороне. Ночью крестьянские отряды снова атаквали дворян. Отлично вооруженные, королевские войска прорвали ряды «куруцев» и погнали их в поле, близ местечка Ападфальва, на берегу Мароша, заросшее кустарником и тростником. Тут положение сразу переменялось: кусты скрывали крестьян и помогали в бою с всадниками, а дворянская конница с трудом продиралась сквозь заросли, теряя связь друг с другом и единство действий. Дожа двинул в бой свежие отряды, окружил врагов и почти всех их уничтожил. Епископ Чаки убежал в свой замок, на берегу Мароша, который крестьяне немедленно осадили и начали бомбардировать из пушек, захваченных в бою у врагов. Ночью он попытался спастись бегством в лодке, но был узан, схвачен и с триумфом приведен к Доже, по приказу которого был в парадном епископском облачении посажен на кол.

В это время в лагерь Дожи прибыли подкрепления, явился и Лаврентий Месарош. Это усилило войско «куруцев», воодушевленное славной победой. Их отряды рассыпались кругом, истребляя дворян, в числе которых оказался и предусмотрительный казначей Телегди, спешивший присоединиться к уже разгромленному войску Батори.

В это время Дожа открыто порвал с королем, провозгласил республику, отмену дворянства, всеобщее равенство и верховную власть народа.

Дожа составил план коренного переустройства страны, намереваясь истребить дворянство, уничтожить условия, разделить поровну всю землю,

Георгий Дожа. Современная скульптура.

ликвидировать епископства и аббатства. Сначала он хотел направиться в Семиградье, к своим соплеменникам—воинственным секлерам, надеясь присоединением их отрядов во много раз увеличить мощь крестьянского войска. Но Лаврентий Месарош уговорил его двинуться к Темешвару, чтобы, захватив его, обеспечить себе надежный опорный пункт для дальнейших боевых действий. По пути на Темешвар «куруцы» захватили Нагилак, Солимош, Липпу и Вилагош и в середине июня осадили хорошо укрепленный Темешвар. Штурм укреплений города не удался, но ясно было, что если не придут на выручку королевские войска, то приступом ли, измором ли, но крестьяне возьмут Темешвар.

Стефан Батори тщетно просил помощи у короля, чтобы удержать Темешвар. Убедившись, что этим путем он ничего не добьется, он обратился к своему заклятому личному врагу семиградскому воеводе Яну Заполья, который, по совету своего родственника

законоведа Стефана Вербечи (автора будущего свода законов Венгрии, ярко отобразившего победу дворян над крестьянами), забыл перед лицом общего классового врага свою распрю с Батори и стал собирать близ Железных ворот на Дунае дворянские ополчения Семиградья.

Через Карансебеш на Темеше он повел свое войско к лагерю Дожи, и в конце июля дворянская армия подошла к Темешвару. Дожа не использовал возможности захватить врагов врасплох, при переправе через Темеш, и, только увидев врага около своего лагеря, он двинул крестьянские отряды в бой. Пешие ряды крестьян, как стена, встретили атаки дворянской кавалерии. Пыль и пороховой дым застилала место боя словно завеса тумана, в котором сверкали сабли и доспехи дворян, копья и топоры крестьян, раздавались ржанье лошадей, крики сражающихся, гром барабанов и труб, мелькали знамена и значки. Но в конце концов свежий арьергард дворянской конницы одолел рассеявшихся по полю во время сражения крестьян. Дворяне ворвались в крестьянский лагерь, убивая всех, кто попадался, не щадя ни детей, ни женщин. Много «куруцев» погибло в волнах Темеша и Беги, многие попали в плен, часть спаслась бегством. Дожа, все время находившийся в передних рядах своих бойцов, тщетно пытался восстановить боевой порядок и остановить дворянскую конницу. Раненый, после отчаянного сопротивления, он попал в руки врагов, так же как его брат и многие крестьянские вожди.

Бой под Темешваром решил судьбу войны. Крестьянская сила была сломлена. Дворяне предались гнуснейшим зверствам над пленными и вернувшимися в свои села повстанцами. Их калечили, пытали, сжигали. Десятки тысяч крестьян заплатились своей жизнью за пережитый дворянами страх. Но самое ужасное творилось в лагере самого Яна Заполья. Георгия Дожу с сорока крестьянскими предводителями посадили в тюрьму, где долго морили голодом. Большая часть заключенных умерла в тюрьме. Оставшихся в живых и самого Дожу, еле держащихся на ногах от истощения, вывели, наконец, из тюрьмы. Раздето-

го Дожу посадили на раскаленный железный стул и надели ему на голову раскаленную железную корону, глумясь над побежденным, когда-то грозным, а теперь уже не страшным «куролем «куруцев». Под железным стулом пылал огонь. Дожу заживо жарили, вырывали щипцами куски мяса из его тела и заставляли есть их полубезумных от голода товарищей Дожи, обещая им за это прощение и свободу. Большая часть из них нашла в себе силы отказаться и немедленно погибла в пытках. Когда-то могучий воин Дожа, от голода походивший на скелет, все же сохранил мужество. Как это ни невероятно, но все современники-дворяне единогласно утверждали, что Дожа не издал ни одного стога, и озверелые палачи не услышали от него ничего кроме возгласа «Собаки!»

Так погиб народный мадьярский герой, храбрый Георгий Дожа, вождь «куруцев». Труп его был четвертован, и части его выставлены на страх народу в Буде, Пеште, Секеш-Фейерваре и Наги-Вараде.

Его брат Григорий «в награду» за снисходительность к пленным дворянам и стремление удержать брата от расправы со знатью был «только обезглавлен». Дикая расправа победителей над побежденными крестьянами ужаснула и возбудила отвращение даже у ряда современников-дворян, настолько безумной была кровавая вакханалия помещиков. По народной легенде, Яна Заполья в виде кары за его зверскую расправу над «куруцами» постигла слепота.

Хотя поражение крестьянской войны было решено битвой при Темешваре, но крестьяне не складывали оружия. В Семиградье еще долго сопротивлялся крестьянский отряд Яна Торная. В Бачском комитате боролись отряды Лаврентия Месароша и Барабаша, пока не были окружены и уничтожены. Барабаш, не желая сдаваться врагам, бросился вниз с высокой башни. Месарош же бесследно исчез. На правом берегу Дуная королевские войска с помощью артиллерии одолели разрозненные крестьянские отряды. Только к концу сентября крестьянство по всей Венгрии снова было загнано под помещичье ярмо.

Разъяренные пережитым страхом, дворяне не только отводили душу расправой над побежденным народом, но обрушились с гневом и на невольного виновника их бед кардинала Бакача и даже самого короля, обвиняя его в нерешительности и нераспорядительности. Часть дворян хотела посадить на трон своего спасителя Яна Заполя, но прибытие чешского войска, шедшего для расправы над крестьянами, помогло королю удержать власть и влияние на знать.

4

Социальный состав восставших не был однородным. Подавляющее большинство повстанцев состояло из крестьян, но так же, как и в одновременных крестьянских движениях в Германии, к движению присоединялись и выходцы из низшего сельского дворянства, сельские попы и даже монахи, ремесленники и, вообще, городская беднота. Присоединение мелких дворян к восстанию не столько помогло восставшим, сколько помешало, так как эти люди вносили в ряды «куруцев» лояльно-верноподданнические чувства к королю, от которых несвободен был и сам Дожа. Это видно из всего хода восстания и из того, что, взятый в плен, он просил судить его в столице, надеясь, очевидно, на заступничество короля. Это же явилось причиной первой, основной ошибки Дожи: его ухода от Пешта вместо взятия столицы. Отступление Дожи дало дворянству и королю время собраться с силами и организовать. Раздробленность и разъединенность действий крестьянства сказывались во все время гражданской войны несмотря на поистине героические усилия Дожи укрепить дисциплину и крепко спаять свой войска. Он их обучал, создал кавалерию и даже кое-какую артиллерию. Но в общем далеко не все очаги крестьянской войны слились в единое войска. Наконец, вооружение крестьян было из рук вон плохо. Большая часть их шла в бой с дубинами, косами, вилами, копьями. Редкие из повстанцев имели мушкеты и даже сабли, между тем как дворяне располагали и прекрасно вооруженной опытной кавалерией, и наемными пешими стрелками, и отличной артилле-

Казнь Дожа. Старинная гравюра.

рией, и, наконец, сильно укрепленными замками с большими запасами продовольствия и денег.

Отсутствие поддержки со стороны городов, в которых беднота, «городской плебс», играла еще совсем ничтожную роль, значительно уменьшало шансы «куруцев» на победу. Города поддерживали дворян. Правда, семиградский город Торда присоединился к повстанцам, но по подавлении восстания он был оправдан дворянским судом как присоединившийся благодаря принуждению со стороны «куруцев».

Только зародыш венгерского рабочего класса, шахтеры — горнорабочие, как и в Германии в 1525 году, бросили работу в шахтах и отозвались на призыв крестьян. В районе Кермэцбанья они с оружием в руках вступили в бой. Но городская буржуазия и королевские войска подавили восстание рабочих, не дав ему слиться с потоком крестьянской войны.

Таким образом, на примере восстания «куруцев», как и на истории всех средневековых крестьянских восста-

ний, полностью оправдываются слова товарища Сталина, что «отдельные крестьянские восстания даже в том случае, если они не являются такими разбойными и неорганизованными, как у Стеньки Разина, ни к чему серьезному не могут привести. Крестьянские восстания могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями, и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями. Только комбинированное восстание во главе с рабочим классом может привести к цели»¹.

В октябре собрался государственный сейм для упорядочения дворянской победы, которая стоила крестьянской Венгрии около 60—70 тысяч убитых и замученных, тогда как дворян было убито всего около 400. Решения этого сейма представляли собой сплошной террористический акт против крестьянства. Настолько бешена и свирепа была ярость с'ехавшихся помещиков, что этот сейм даже у современников-дворян получил прозвище «дикого». Для вознаграждения дворянского «героя» Яна Заполя на крестьянство был наложен специальный налог. В постановлении о крестьянах говорилось: «Все крестьяне, восставшие против своих господ, заслужили смертную казнь. Но чтобы не проливать чересчур много крови и не разорять дворянство истреблением крестьян (сказано довольно откровенно! — И. А.), только зачинщики, вожаки, убийцы и насильники приговариваются к смерти. Остальные обязаны возместить убытки и уплатить штрафы за убитых и оскорбленных ими дворян, на что следует брать их имущество силой. Но чтоб на вечные времена помнили они это восстание, наказание распространяется на их потомков, дабы и внуки их знали, что за отвратительное преступление восстание подданных против своих господ. И для этого теряют крестьяне всякое право перехода и становятся полными крепостными своих господ. Крестьянину, у которого будет найдено ружье, будет отрублена правая рука. Дворяне, присоединившиеся к «куруцам» и принимавшие участие в пре-

ступлениях, подвергнутся тем же наказаниям и конфискации имущества, которое перейдет к вдовам и детям убитых королевских воинов. Священники, виновные в том же, будут переданы для суда епископам»². Далее следовали указания на обязательные нормы барщины и оброков, налагавшихся на раздавленное крестьянство. Специальный параграф запрещал впредь выходцам из низших сословий занимать епископские должности. Это был намек на неудачливого кардинала Бакача, крестьянина по происхождению, только в 1483 году получившего дворянское звание, которого озлобленное дворянство обвиняло в том, чего он вовсе не хотел делать. 14 ноября 1514 года все эти зверские статьи указа были утверждены Владиславом II, и дворянство принялось, окончив первую кровавую расправу, планомерно и в массовом масштабе закабалить крестьян, истребляя «опасные элементы» в народе.

5

Но очень скоро дворянам пришлось поплатиться за свою победу. В 1526 году турки, вступив в Венгрию, в битве при Мохаче наголову разбили венгерские войска. В короткое время большая часть Венгрии оказалась под властью Турции. Крестьянство и не думало сражаться за своих эксплуататоров — дворян, тем более, что условия жизни под турецким владычеством, особенно в султанских поместьях, были гораздо легче чем жизнь под гнетом венгерских феодалов. Еще после 1514 года много крестьянских семейств бежало из Венгрии в турецкие пределы. С этих пор Венгрия теряет свою государственную независимость, и XVI—XVII века полны войнами австрийских Габсбургов за отвоевание у Турции венгерских земель, которые в конце концов вошли в состав феодально-католической Габсбургской монархии.

Выступления венгерского крестьянства продолжались и после ужасного разгрома в 1514 году, но обстановка постоянных войн, а особенно борьбы

¹ Сталин «Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом», стр. 9. Партиздат. 1933.

² Wladislaw II. Decret VII в corpus juris Hungariae. V. I, p. 325—336.

венгров с австрийским господством приводила к тому, что восстания венгерских крестьян лишались своего чисто классового характера и приобретали оттенок борьбы против чужеземного ига. Во главе этих восстаний становились большей частью мелкие дворяне, стремившиеся отвести боевой пыл крестьян от русла классовой борьбы. Это приводило к неразрешимым противоречиям и напряженной борьбе внутри самого лагеря восставших и являлось одной из важнейших причин поражения этих многочисленных восстаний.

В 1569 году семиградские крестьяне разрушили крепость Олчвар и перебили немало помещиков. Восстание было подавлено, и крестьяне заплатили за него казнями, пытками и тюрьмой. В том же году восстали крестьяне долины реки Тиссы под руководством Габора Карачон «Черного человека», как его называли крестьяне, оно было также подавлено, но после еще более долгой борьбы чем в Семиградье.

В 1573 году в Хорватии, входившей в состав Венгерского королевства, вспыхнуло огромное крестьянское восстание, во многом напоминавшее славное движение «куруцев». Оно охватило не только Хорватию, но и Славонию, Крайну и Южную Венгрию и было с большим трудом подавлено помещиками. Вождь его Матвей Губец был подвергнут той же казни, что и Георгий Дожа.

В 1631 году поднялись крестьяне долины реки Тиссы, измученные грабежами и насилиями и императорских и турецких войск. Дворяне пригласили вождя доверчивых крестьян Петра Часара для переговоров и, предательски захватив врасплох его с товарищами, казнили. Но гибель вождя не остановила крестьян, и борьба продолжалась. Однако вскоре все же крестьяне были усмирены. Таков же был исход восстания 1643 года в комитате Новоград (в Северной Венгрии), где большая часть повстанцев состояла из крестьян-словаков.

Сильнейшее восстание против габсбургского владычества произошло в 1703—1711 годах. Окончилось оно также поражением крестьян благодаря сопротивлению участников-дворян

крестьянским требованиям. Вожди крестьян Фома Эсе и Альберт Киш напрасно старались вразумить дворянских вожakov. Императорские войска справились с восстанием.

В 1735 году вспыхнуло крестьянское движение в комитате Бекеш (Центральная Венгрия). В том же году поднялись крестьяне-сербы в Южной Венгрии. Бекешские крестьяне установили связь с сербами, «чтобы освободиться от тех, кто угнетает бедноту». Императорские войска подавили восстание, казнив многих крестьян, в том числе и вождя крестьян-сербов Петра Сегединаца.

Летом 1753 года двое крестьян, Павел Тэрек и Франц Петэ, пытались поднять крестьян против помещиков, говоря, что в Венгрию из Польши и румынских земель движутся войска «куруцев». Правительственные агенты арестовали их обоих и еще 15 других крестьян и казнили в столице.

Интересно то, что еще и в XVIII веке «куруцами» называли восставших крестьян: не исчезла память о славной войне «куруцев» 1514 года!

В 1755 году в Хорватии восстало до 20 тысяч крестьян, разорив около 30 замков и имений. С крестьянами расправились так, что целые районы совсем обезлюдели.

Осенью 1784 года поднялись 10 тысяч румынских крестьян под руководством крепостного Гора, избивая помещиков и попов. Их разбили императорские войска. Гора и его помощник Клошка со многими другими крестьянами были казнены.

Даже в XIX веке крепостное право все еще процветало в Венгрии. На долю крестьянина падало до 100—150 дней одной только барщины.

Только под влиянием страха, вызванного так называемой «галицийской резней» 1846 года (восстание польских и украинских крестьян в соседней Галиции), и событий революции 1848—1849 годов венгерские помещики пошли на уступки и постепенную ликвидацию за выкуп зверских форм крепостнических отношений. Но помещичья эксплуатация и гнет и по сие время давят многострадальное венгерское крестьянство.

Г. Быков

БОРЬБА СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОЛЕТАРИАТА В АНГЛИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX СТОЛЕТИЯ

I

Вопросу о положении английского крестьянства и сельскохозяйственного пролетариата К. Маркс и Ф. Энгельс уделяли много внимания. Достаточно вспомнить I том «Капитала» К. Маркса и «Положение рабочего класса в Англии» Ф. Энгельса, чтобы убедиться в этом.

Описывая тяжелые условия существования сельскохозяйственных рабочих в Ирландии и Шотландии и их непомерно длинный 14-часовой рабочий день, Маркс в специальном обширном подстрочном примечании пишет о движении сельскохозяйственного пролетариата с 1866 года.

К. Маркс придавал большое значение движению английского батрачества. Он горячо приветствовал первый митинг сельскохозяйственных рабочих в Лассуйд, близ Глазго, 5 января 1866 года и создание союза сельских рабочих. «Образование в конце 1865 года тред-юнионов сельскохозяйственных рабочих, — писал он, — прежде всего в Шотландии, является историческим событием. В одном из наиболее угнетенных земледельческих округов Англии в Buckinghamshire, наемные рабочие устроили в марте 1867 г. большую стачку с целью повышения недельной заработной платы с 9 — 10 до 12 шил. Из предыдущего

видно, что движение английского сельскохозяйственного пролетариата, совершенно сломленное со времени подавления его энергичных демонстраций после 1830 г. и особенно после введения нового закона о бедных, снова начинается в 60-х годах, пока, наконец, в 1872 г. не открывает новую эпоху...»¹.

В первом томе «Капитала» К. Маркс дает историю развития движения сельскохозяйственных рабочих с 1771 года вплоть до 1867—1872 годов и исторический процесс развития капиталистического накопления и его влияния на крестьянство и пролетариат. «Антагонистический характер капиталистического производства и накопления нигде не проявляется в более грубой форме, чем в прогрессе английского земледелия (включая сюда и скотоводство) и в регрессе английского сельскохозяйственного рабочего»².

В своей работе К. Маркс использовал материалы Синей книги, рисующие безотрадную картину вырождения и хронической пауперизации английского батрака-поденщика, вынужденного заниматься отходничеством. Так например приводятся показания Джона Смита, директора Эдинбургской тюрьмы, говорившего, что «пища в английских тюрьмах много лучше чем пища обыкновенных сельских рабочих». Дается также потрясающая картина ужасных бытовых условий английского сельскохозяйственного рабочего в Уэльсе по отчету инспектора д-ра Хэнтера, опубликованному в седьмом и восьмом отчетах «Народного здоровья». «Дневное содержание рабочего, — пишет д-р Хэнтер, — определяется там в 5 п.» (пенсов.—Г. Б.), во многих случаях фермер (который и сам бедствует) платит еще меньше. Кусок солонины, иссушенный до твердости красного дерева и едва ли окупающий тяжелый процесс пищеварения, или кусок сала служит приправой к большому количеству похлебки

¹ К. Маркс «Капитал». Т. I, стр. 180. Партиздат. 1932.

² Там же, стр. 537.

из муки и лука или к овсянке, и это изо дня в день составляет весь обед сельского рабочего... Прогресс промышленности имел для него то последствие, что солидное домотканое сукно вытеснено в этом суровом и сыром климате дешевыми хлопчатобумажными тканями, а более крепкие напитки — «номинальным» чаем... После многочасовой работы под ветром и дождем земледелец возвращается в свою хижину, чтобы присесть перед огнем из торфа или комьев, составленных из глины и отбросов каменного угля и дающих при горении тучи угольной и серной кислоты. Стены хижины сделаны из глины и камней, пол — голая земля, которая была здесь и перед постройкой хижины, крыша — масса растрепанной, ничем не скрепленной соломы. Всякая щель законопачена для сохранения тепла, и в этой атмосфере адского зловония, на грязной земле, часто вынужденный просушивать на своем теле свою единственную одежду, он принимается за ужин с женой и детьми. Акушеры, вынужденные проводить часть ночи в этих хижинах, описывали, как их ноги тонули в грязном земляном полу и как им приходилось — дело не из трудных — пробуривать отверстие в стене, чтобы хоть немного передохнуть свежим воздухом»¹.

Доклад доктора Хэнтера вскрыт перед английским обществом условия полупещерного существования английского батрачества в 1867—1872 годах.

Тяжелое материальное положение сельскохозяйственных рабочих усугублялось существованием так называемой «ганг-системы» — системы артелей или банд, о которой подробно говорит Маркс в первом томе «Капитала» (глава о «Всеобщем законе капиталистического накопления»).

На временные и более легкие полевые работы фермеры и даже лэндлорды привлекали «ганги» — артели, состоявшие из женщин и подростков во главе с «ганг-мастером» (старостой). Эти артели набирались не из «закранных деревень», т. е. связанных с данной фермой или помещьем, а из от-

даленных «открытых селений». Артель состояла из 10—50 человек. Нанималась она через своего «ганг-мастера», который запродавал труд артели по дешовке, получая за это соответствующую мзду от фермера. По окончании работы артель возвращалась домой или шла дальше по округам в поисках новой работы.

Подобная система организации полевых работ вела к снижению заработной платы мужчин как на постоянных, так и на сезонных работах и держала сельских рабочих под постоянной угрозой выселения из хозяйских «коттэджей» и барачков, ибо артельные рабочие в жилищах не нуждались и жили, где и как попало. Система артелей была почти господствующей в Линкольншире, Хэнтингдоншире, Кэмбриджшире, Норфольке, Суффольке, Ноттингамшире и «спорадически» применялась в Нортгэмптоне, Бедфорде и Рутланде.

Возраст в «бандах» все время снижался; постепенно в «банды» стали вербовать главным образом детей, и таким образом падала заработная плата и самих членов этих бродячих артелей.

К. Маркс писал по поводу «ганг-системы»: «Система артели, которая за последние годы распространяется все больше, существует, конечно, не для артельного старосты. Она существует для обогащения крупных фермеров или лэндлордов. Для фермера нет более остроумного метода поддерживать свой рабочий персонал ниже нормального уровня и в то же время постоянно располагать на случай добавочной работы добавочными руками, при помощи возможно меньшей суммы денег выколачивать возможно больше труда и делать взрослых рабочих-мужчин «избыточными»².

Указания Маркса на неизбежность наступления «новой эпохи» в классовой борьбе английского сельскохозяйственного рабочего и должны быть положены в основу данной статьи, посвященной политическому и экономическому движению английских сельскохозяйственных батраков в 1867—1892 годах — вопросу, которому русская буржуазная историография (Каб-

¹ К. Маркс «Капитал». Т. I, стр. 545.

² Там же, стр. 557—558.

Типы сельских жителей. Ирландия. 80-е годы.

луков, Туган-Барановский) посвятила лишь несколько страниц и который еще совершенно не освещался в нашей советской марксистско-ленинской литературе.

2

Положение сельскохозяйственного пролетариата после поражения восстания «Свинга»¹ в 1830 году и чартизма в 1838—1854 годах еще более ухудшилось. Реакция пожинала обильную жатву. Лэндлорды торжествовали. Заработная плата в земледелии за целые столетия почти не поднималась. В 1867 году деревенский батрак все еще боролся за 9 и 12 шиллингов в неделю.

Деревенские рабочие и во второй половине XIX века оставались рабами лэндлордов и фермеров-арендаторов. Жгучая ненависть к земельной аристократии, к монополистам земельной собственности становилась всеобщей среди сельских пролетариев.

В 1867 году забастовали сельскохозяйственные рабочие в Букингемшире, требуя увеличения заработной платы с 9 до 12 шиллингов в неделю. Заба-

¹ Движение «Свинга» (легендарный вождь крестьянства) вспыхнуло в 1830—1831 годах, главным образом на юге Англии. Участники этого движения отказывались работать, ломали сельскохозяйственный инвентарь и жгли хлеб и сено.

ставка распространилась на Гертфордшир и там оборвалась.

Даже те, кто считал себя друзьями сельскохозяйственных рабочих, не решились их поддержать, так сильно было еще всемогущество земельных магнатов.

Необходимость в объединении чувствовалась деревенскими рабочими все сильнее. Движение в пользу объединения началось в Гертфордшире в 1871 году, где положение сельскохозяйственных рабочих было особенно тяжелым после поражения стачки 1867 года. Среди рабочих господствовало ликвидаторское настроение. Вместо борьбы был выдвинут лозунг «эмиграция, но не стачка». Но жизнь быстро опрокинула эти мелкобуржуазные иллюзии. В 1872 году в результате неурожая наступили голод и нищета среди сельскохозяйственных рабочих и бедноты. Группа сельскохозяйственных рабочих из деревни, лежащей в нескольких милях от Лимингтона—Вестертон на Витсерло, послала в местную газету письмо со своими жалобами; рабочие из Чарл Кота, поблизости Велльсборна, откликнулись на него. В возникшем по этому вопросу обмене мнениями и было выдвинуто предложение о создании трэд-юниона сельскохозяйственных рабочих. Был основан рабочий клуб из 11 человек, во главе которого стал батрак из Бардфорда—Джозеф Арч². Он сразу повел усиленную пропаганду в пользу образования союза. 13 февраля 1872 года на двухтысячном митинге батраков в Велльсборне

² Джозеф Арч — батрак с 9-летнего возраста. Родился в 1826 году в Варвикшире, умер в 1919 году. Был сторонником аграрной реформы («Алотмент билль»), предоставлявшей (за выкуп) небольшие земельные наделы — парцеллы — батракам и пастбище для коров. Эта аграрная программа Арча получила название «Три акра и корова». В 1885 году эта программа стала законом, но сельских рабочих он, конечно, не удовлетворил. По мнению самого Джозефа Арча, этот закон не оправдал ожиданий рабочих и сильно уронил его авторитет среди них. Джозеф Арч был членом парламента от либералов в 1885, 1886, 1892 годах и в 1895—1900 годах Арч примыкал к либеральной партии.

он обратился к ним с исторической речью о необходимости организации союза.

Так был основан боевой экономический союз лимингтонских сельскохозяйственных рабочих, очень скоро выдвинувший свою социально-политическую программу и основавший свой печатный орган «Лейборс юнион кроникл» («Хроника рабочего союза»). В последнем выдвигались не только экономические требования (союз выставил требование о выплате 16 шиллингов в неделю фермерским рабочим и одного фунта стерлингов—возчикам и пастухам), но ставился и вопрос о национализации земли, о политических избирательных правах деревенского батрака, поденщика. «Парламент в течение 50 лет противился рабочему, борвавшемуся за свои политические права, — писала «Лейбор юнион кроникл»,—но теперь настало время, когда рабочий должен быть уравнен в правах с лэндлордом, со своим старым угнетателем. Налог без представительства есть тирания»¹.

Каково было положение сельскохозяйственного пролетариата в то время, видно из одной речи Арча: «Человек работает 100 часов в 7 дней за 12 шиллингов 6 пенсов, или за 1½ пенса в день с 4—5 детьми. Пастух работает с 5 часов утра до 7—8 часов вечера за 5 шиллингов в неделю и за 2 хлеба»².

Аграрные идеи чартистов, без сомнения, нашли свое отражение и в аграрной программе Джозефа Арча и созданного им союза. Так например по программе союза фермерские рабочие должны иметь преимущества на получение земли по сравнению с другими сельскохозяйственными рабочими. Земельная монополия должна быть разрушена и уничтожена, а земля — национализирована. Перемены должны начаться не сразу: вся пустующая земля будет постепенно разделена на участки в 4, 8, 10 и 20 акров, на которых будут отстроены дома для рабочих. Все правительственные леса должны поступить в общее пользование. От каждого дарящего или заве-

¹ Цит. по книге Arthur Claydon «The Revolt of the Field». London.

² Там же.

Типы сельских жителей. Ирландия. 80-е годы.

щающего, а равно и получающего более 100 акров одна десятая часть должна быть отрезана и национализирована.

Таковы были аграрные идеалы Лимингтонского союза сельскохозяйственных рабочих. «Лэйборс юнион кроникл» простодушно, как и все социально-экономические утописты, полагала, что «это простое и умеренное средство действительно убьет земельную монополию»³. Союз также выставил требование о сокращении рабочего дня, установив продолжительность его с 6 часов утра до 5 часов вечера.

Фермеры не согласились удовлетворить предъявленные требования. В ответ на это сельскохозяйственные рабочие объявили стачку, которая быстро разрасталась и охватила другие районы. По всему Варвикширскому графству вырастали местные союзы. Уже 29 марта 1872 года организации союза охватывали все графство. Вскоре союз насчитывал 64 отделения с 5 тысячами членов. Движение варвикширских сельскохозяйственных рабочих распространилось из Дэвона в Йоркшир. Через 2 месяца в Лимингтоне уже заседал национальный конгресс сельскохозяйственных рабочих, состоявший из делегатов союзов деревенских рабочих почти со всей страны.

Так был организован Национальный

³ Там же.

Типы сельских жителей. Ирландия. 80-е годы.

союз сельскохозяйственных рабочих с целым рядом окружных отделений и единым центральным комитетом в Лимингтоне. Это было крупное историческое событие, радостно встреченное трудящимися всей Англии. Джозеф Арч был избран президентом, а Генри Тэйлор — генеральным секретарем Национального союза.

Среди членов конгресса преобладали «христианские демократы». Ораторы обращались к участникам конгресса как к «христианским братьям», «возлюбленным братьям», «дорогим друзьям христианам» и т. д. Это придавало работе конгресса религиозный оттенок, что объясняется политической и культурной отсталостью сельскохозяйственного пролетариата Англии, недавно лишь пробудившегося к новой жизни.

Резолюция конгресса требовала обязательного образования как средства улучшения социального положения рабочих.

Вечером, после конгресса, состоялся 3-тысячный митинг.

Вскоре к движению присоединились приходские священники, члены парламента из городской буржуазии, ненавидевшей лэндлордизм, и буржуазные интеллигенты. Они стремились подчинить своему влиянию пролетар-

ское движение и вытравить из него чисто классовое, политическое содержание. В результате образовалось два крыла: буржуазное, преследовавшее узко экономические цели, и пролетарское, стоявшее за политическую борьбу. Последнее возглавлялось Джозефом Арчем. Начав с обсуждения вопроса о заработной плате, конгресс Национального союза сельскохозяйственных рабочих перешел к выработке социально-экономической программы. При ее обсуждении в первые же дни конгресса выявилось обилие буржуазных прихвостней массового рабочего движения. В то время как генеральный секретарь союза Генри Тэйлор говорил о больших преобразовательных задачах союза, сэр Вальдвин Аэйтон, баронет, сводил все преобразования к «аллотментам», т. е. наделению рабочих убогими парцеллами («куриный надел») с коровьим пастбищем как единственной панацеей от нищеты сельскохозяйственного пролетариата. Мистер Ожесс Колинг хотел видеть в союзе лишь культурное общество по образованию сельскохозяйственных рабочих. «Его преподобие» поп Улэйх развивал идею кооперативного фермерства, а мистер Брукс — артельной обработки пустошей. Словом, опромное классовое движение политически пробудившегося сельскохозяйственного пролетариата многочисленные «друзья народа» хотели втиснуть в прокрустово ложе мелкобуржуазных реакционных аграрных утопий.

Тэйлор и Арч решительно боролись против политики малых дел и настаивали на выработке основных, главных целей союза. Арч открыто выражал свое недоверие и презрение к «карте сельскохозяйственных реформ, прибитой перед юнионистской лошастью».

Таким образом, с момента своего возникновения Национальному союзу пришлось бороться как против срыва движения буржуазией, так и против мелкобуржуазных аграрных реформаторов, своеобразных английских народников.

В ответ на объединение сельскохозяйственного пролетариата капиталистические фермеры при поддержке

лэндлордов вроде герцога Мальборо, герцога Рутлэнда и лорда Дартаутса, приступили к самоорганизации для борьбы с батраками.

Ряд мелких конфликтов был решен мировыми судьями не в пользу рабочих. Однако в большинстве случаев союзы выходили победителями, и им удалось поднять заработную плату, освободиться от возмутительной системы выплаты продуктами, а также добиться ограничения рабочего времени, удовлетворения требований в области школьного образования и парламентского акта о детском труде в сельском хозяйстве.

Все же лозунг «эмиграции и иммиграции» был еще силен, и союзы тратили на это дело большие средства. В 1874 году было истрачено 2630 фунтов стерлингов на эмиграцию. Перед королевской комиссией по земледелию в 1881 году Арч заявил, что союзы помогли эмигрировать около 700 тысячам членов. Всего с 1871 по 1881 год эмигрировало 996 038 сельскохозяйственных рабочих¹.

Лично Джозеф Арч был против расширенной эмиграции, считая ее последним средством борьбы.

¹ По заданию Национального союза Джозеф Арч в 1873 году ездил в Канаду, где ему правительство обещало льготные условия переселения сельскохозяйственных рабочих на свободные земли Канады. В Канаду переселилось несколько тысяч членов союза Арча.

В среднем заработная плата в Англии и Уэльсе в 1869—1870 годах была 12 шиллингов 3 пенса в неделю, в 1872 году — 14 шиллингов 8⁵/₇ пенса. В Велльсборне сельскохозяйственные рабочие потребовали в 1872 году 16 шиллингов в неделю. В конце 1874 года союзы сельскохозяйственных рабочих в Экспинге и Альдертене (Суффольк) предъявили требование увеличения заработной платы с 13 до 14 шиллингов и ограничения рабочего времени до 54 часов в неделю. Фермеры отказались удовлетворить требования союза и объявили локаут всем юнионистам.

Борьба становилась всеобщей. Уже 23 марта 1875 года 2 тысячи рабочих в Варвикшире, Хинте, Эссеке, Суффольке, Норфольке, Кэмбриджшире, Линкольншире, Бедфордшире и Глостершире также были локаутированы. К середине апреля число локаутированных рабочих достигло 7 тысяч человек. В начале мая к выброшенным юнионистам прибавилось еще 12 тысяч рабочих. Так боролись фермеры с Национальным союзом сельскохозяйственных рабочих.

Союз истратил в 1873—1874 годах 7500 фунтов стерлингов на стачки, а в 1874—1875 годах — 21 665 фунтов стерлингов на стачки и 5597 фунтов стерлингов на эмиграцию. Из всей этой суммы 5595 фунтов стерлингов было собрано чрезвычайным обложе-

Ирландский поселок. 80-е годы.

Типы сельских жителей.

Ирландия. 80-е годы

нием членов и 12 613 фунтов стерлингов—собрано среди других рабочих союзов.

В июле 1875 года союз потерпел поражение. Фермеры воспользовались огромным резервом безработных в городах, состоявшим главным образом из ирландцев и рабочих, занятых на случайных работах. Истощение фондов и увеличение обложения юнионистов в пользу локаутированных вызвали упадочное настроение среди рабочих.

Непосредственным результатом поражения явился раскол в рядах союза. Создался Федеративный союз сельскохозяйственных рабочих и чернорабочих, секретарь которого Сисмондс заявил королевской комиссии, что он несогласен с «зажигательной политической стачек», практиковавшейся Национальным союзом во главе с Джозефом Арчем. Реформистский союз Сисмондса, конечно, получил легализацию.

К 1878 году существовало уже три независимых друг от друга союза деревенских рабочих: 1) Национальный союз в Лимингтоне под руководством Арча и Тэйлора, 2) Федеративный союз сельскохозяйственных рабочих и чернорабочих в Конте и Суссексе с

центром в Майдстоне и 3) Линкольнская амальгамированная рабочая лига, то появляющаяся, то исчезающая, центр ее был сначала в Линкольншире, затем, в Суффольке и окончательно в Норфольке. Был еще Беотесдальский аграрный союз.

Так лэндлорды в союзе с фермерами сумели расколоть национальное объединение сельскохозяйственных рабочих Великобритании.

3

В самом Национальном союзе нарастал раскол, более опасный чем разногласия и взаимная оппозиция между Национальным союзом и Федеративным союзом.

Причиной этого раскола был вопрос о методах борьбы и задачах союза. Раскол в рядах Национального союза привел к упадку числа его членов. В 1874 году союз насчитывал 86 214 членов и 1480 отделений в 37 округах. Зимой 1874 — 1875 года союз потерял 28 тысяч членов, перестало существовать 112 отделений. В апреле 1875 года было 58 652 члена в 38 округах и 1368 отделений. Правда, частично на убыль членов влияла и эмиграция, но все же основную роль в разложении Национального союза

Готовление сидра.

80-е годы.

ало поражение 1875 года. Борьба руководства движением продолжалась. 28 сентября 1875 года на митинге в Лимингтоне профессор Нью-ман из Оксфорда предлагал рабочим сдать землю путем приобретения под подписку аллотментов (наделов) и других держаний. Генеральный секретарь Национального союза Генри Тэйлор выступил против этого предложения, явно ведущего к снижению заработной платы. Его речь прерывалась аплодисментами с одной стороны криками возмущения — с другой. За этим митингом последовал раскол, приведший к созданию «Национального союза фермерских рабочих», ставшего целью покупку земли и ее распределение между рабочими. Это был фактически не профессиональный союз экономической борьбы рабочего класса, а паевое товарищество по приобретению земельной собственности, казавшееся от всякой борьбы за заработную плату и поставившее себе политическую и реакционную цель — классировать и окрестьянивать сельскохозяйственный пролетариат. Старый Национальный союз продолжал вести свою классовую политическую линию, развертывая широкую агитацию и пропаганду. В 1875 года чувствовалось приближение сельскохозяйственного кризиса:

стачки и локауты чередовались между собою, истощая силы Союза и не давая решающих побед ни одной стороне. Разразившийся сельскохозяйственный кризис нанес сокрушительный удар боевому духу союза. В 1877 году заработная плата упала до размеров 1874 года, и это вызвало новый отлив членов Национального союза. В 1877 году еще было 50 тысяч членов; в 1878 году—24 тысячи; в 1879—1880 годах—20 тысяч; в 1881 году—15 тысяч и в 1889 году—только 4254 члена, в то время как «мирный» союз в Кенте и Суссексе насчитывал 10 тысяч членов. Необходимость помощи больным, безработным и эмигрирующим окончательно истощила денежные фонды Национального союза.

Между 1871 и 1881 годами число сельскохозяйственных рабочих упало с 962 348 членов до 870 098¹. Зато увеличилось количество чернорабочих с 506 273 до 559 769 человек. Площадь же пахотной земли уменьшилась с 14 446 176 до 13 977 662 акров. Постоянные пастбища увеличились с 11 736 298 до 13 471 662 акров. Число же собственников и рабочих, работающих на сельскохозяйственных машинах, возросло с 2160 до 4260 че-

¹ Цифры взяты из работы J. Hasbach «A. History of the English Agricultural Labourer». London. 1920.

люлек. Число фермеров упало с 249 907 до 223 943 человек, в то время как число управляющих и надсмотрщиков (фурманов) возросло с 16 476 до 19 377 человек. В сельском хозяйстве было занято 870 798 сельскохозяйственных рабочих; среди них было 40 347 женщин и 22 844 пастуха. Таковы были социальные перегруппировки в эпоху сельскохозяйственного кризиса.

С 1885 года началось оживление юнионизма. Стачка докеров, окончившаяся победой, дала могучий толчок к организации чернорабочих и сельскохозяйственных рабочих: образовалась федерация рабочих восточных графств с центром в Ипсвиче. Согласно отчету секретаря Федерации Робинсона, весной 1892 года организации союза охватили Эссекс, Суффолк и Кэمبرиджшир. Союз имел 10 074 члена в 174 отделениях. К концу 1892 года уже было 17 тысяч членов. Одновременно возник Амальгамированный союз рабочих в Норфолке и Норвиче.

Старый Национальный союз Арча вновь увеличил число своих членов на 10 тысяч, подняв его с 4254 членов в 1889 году до 14 тысяч в 1890 году. Агенты союза докеров развили активную деятельность в деле оживления

сельскохозяйственных союзов в Линкольншире и Оксфордшире. С 1892 года городской и неквалифицированный пролетариат, не поддерживаемый рабочей аристократией, протянул руку помощи своему брату — сельскохозяйственному батраку и поденщику, поняв, какую угрозу штрейкбрехерства во время стачек представляют неорганизованные рабочие деревни. Обилие мелких, самостоятельных крафт-юнионов ослабляло организованную силу деревенского пролетариата. Всего было 12 конкурирующих союзов сельскохозяйственных рабочих, без единого общенационального центра.

Все юнионы стремились к получению избирательных прав. Благодаря деятельности Национального союза Арча сельскохозяйственные рабочие подали петицию в парламент о предоставлении им избирательных прав. Так, еще в 1875 году в парламент был внесен билль о распространении избирательных прав на сельских домохозяек, не имевших недвижимой собственности.

В это время Арч передал в парламент петицию об избирательном праве, подписанную 80 тысячами сельских рабочих.

В этой петиции говорилось, между

Тяжелый труд сельских рабочих.

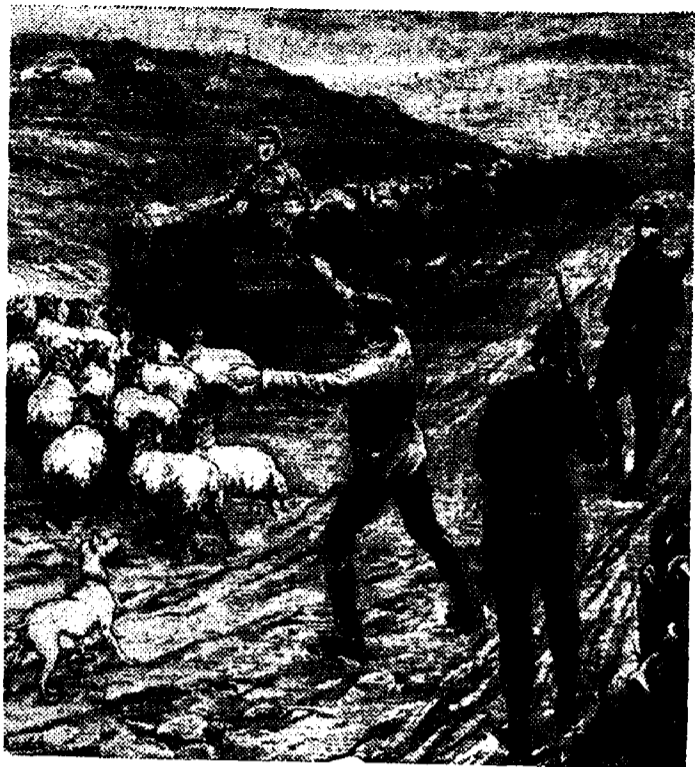
Графство Мойо. 80-е годы.

прочим, следующее: «Петиция нижеподписавшихся делегатов Национального союза сельскохозяйственных рабочих, свидетельствует о том, что петиционеры, являющиеся выразителями мнения неполноправных сельских рабочих, считают для себя большим несчастьем, что они, будучи производителями такой значительной доли национального богатства и будучи сообразно со своими средствами обложены такими тяжелыми налогами, не имеют голоса при обсуждении этих налогов и что от них требуют повиновения законам, в создании которых они не принимали участия,— законам, созданным другими классами, незнакомыми с их потребностями. Эти законы во многих случаях особенно тяжело ложатся именно на беднейшую часть населения. Нижеподписавшиеся петиционеры полагают, что избирательное право имеет огромное по своей важности значение именно для беднейших, а следовательно, и наиболее незащищенных граждан, и поэтому они призывают к палате общин с просьбой даровать им это право и принять билль, вносимый в палату мистером Тревилльяном»¹.

Несмотря на эту и подобные ей петиции билль Тревилльяна был отвергнут. Однако в конце 90-х годов сельскохозяйственные рабочие все же получили избирательные права.

Но подъем юнионистского движения длился недолго: с 1893—1894 годов число членов союза вновь начинает катастрофически падать. В 1892 году было 12 союзов сельскохозяйственных рабочих и рыболовов с 36 986 членами; в 1897 году насчитывалось только 6 союзов с 3879 членами; в 1899 году—2323 члена; в 1901 году 5 союзов с 1840 членами, в августе 1906 года остался один зарегистрированный союз в Норфольке и другой, незарегистрированный, в Дорсете. От мощного прироста осталась «одна пена и брызги». Социально-экономическая роль сельскохозяйственного пролетариата в Англии с 1795 по 1905 год значительно упала. Согласно Хасбаху и Кертлеру, в 1891 году было 780 777 сельскохозяйственных рабочих, а в 1901 году—

¹ Joseph Arch «The History of his life told by himself etc». 1898.

Принудительный труд сельских рабочих.

732 927. Проф. Леви насчитывал в 1901 году 691 102 сельскохозяйственных рабочих. За период с 1851 до 1901 года количество их уменьшилось почти на 50%.

Средняя заработная плата, по Хасбаху, с 1869 по 1892 год поднялась весьма незначительно.

Понадобилось 12 лет борьбы (с 1870 по 1892 год), чтобы осуществились требования Национального союза Арча о заработной плате в 16 шиллингов в неделю. Но после 1900 года заработная плата сельскохозяйственных батраков вновь упала и от экономических завоеваний ничего не осталось.

* * *

В. И. Ленин, говоря о росте рабочего движения в Англии и превращении экономических стачек в политические, писал: «И вот английский либерализм, теряя почву под ногами, выдумывает новый боевой клич («земельная реформа».—Г. Б.), чтобы призвать в массах избирателей снова на некоторое время доверие к либералам»².

Владимир Ильич дает блестящую политическую оценку «шарлатанству либералов». «В Англии,— пишет он,— земледелие ведется вполне капиталистически: фермеры-капиталисты арендуют землю участками средних размеров у лэндлордов (землевладельцев)

² Ленин. Т. XVI, стр. 107.

и обрабатывают землю при помощи наемных рабочих.

Никакая «земельная реформа» при таком положении вещей не может ничего изменить в положении сельских рабочих. Выкуп помещичьих земель в Англии мог бы превратиться даже в новое обирательство пролетариата, ибо помещики и капиталисты, сохраняя власть в государстве, продали бы свои земли втридорога. А платил бы плательщик налогов, т.-е. тот же рабочий.

Шум, поднятый либералами вокруг земельного вопроса, принес пользу в одном отношении: он пробудил интерес к организации сельских рабочих.

Вот когда сельские рабочие в Англии проснутся и объединятся в союзы, тогда либералы не отделаются шарлатанскими «посулами реформы» или наделов для батраков и поденщиков»¹.

В конце статьи Ленин напоминает о Джозефе Арче, старом вожде сельских рабочих, «который много потрудился над пробуждением их к сознательной жизни. Это дело не удалось сразу — наивен был и лозунг Арча «три акра (акр — немного более $\frac{1}{3}$ десятины) земли и корова» каждому сельскому рабочему, — погиб созданный им союз, — но его дело не погиб-

ло и организация сельских рабочих в Англии снова становится на очередь дня»². Во времена союза сельскохозяйственных рабочих, созданного Джозефом Арчем, сельскохозяйственные рабочие добились увеличения заработной платы до 15, 16 и 17 шиллингов в неделю. А к осени 1912 года, когда Джозефа Арча, 83-летнего старца, посетил сотрудник одной рабочей газеты, заработная плата сельских рабочих в Англии опять упала; в Норфольке, где жил Арч, она едва достигала 12—13 шиллингов в неделю.

Военный кризис империализма (1914—1919 годы), общий кризис капитализма и в особенности третий период всеобщего экономического кризиса капитализма создали кошмарные условия жизни для сельскохозяйственного пролетариата Англии. Заработок его был низведен до уровня, существовавшего больше чем полстолетия назад. Голод и нищета бродят по английской деревне, сжимая мертвой хваткой в первую очередь сельскохозяйственного рабочего и батрака.

Одной из задач, поставленных компартией Великобритании, является работа среди сельскохозяйственного пролетариата по объединению и сплочению его под знаменами коммунизма.

¹ Ленин. Т. XVI, стр. 107—108.

² Там же, стр. 108.

Е. Адамов

РАЙМОНД ПУАНКАРЕ. Воспоминания. 1914—1918 гг. (перевод с французского). М. Гиз. 1936. 527 стр.

1

Место, занимаемое Раймондом Пуанкаре в истории империалистической войны и послевоенной Европы, вполне оправдывает издание его мемуаров на русском языке. Читателя, избалованного остротой мемуаров М. Палеолога, воспоминания Пуанкаре могут разочаровать. Этот том в полтысячи страниц не является «легким чтением». В отличие от бульварного стиля Палеолога стиль Пуанкаре строг, сдержан, сух, академичен. Автор осмотрителен и осторожен. Его объемистое литературное произведение не рассчитано на успех у широкой публики. Эта работа является документированной историей его государственного «служения Франции».

Такого рода книги требуют хорошо подготовленного читателя, который умеет разбираться в горах фактического материала, в массе событий, планов, предположений, действующих лиц, а главное, намеков, умолчаний и искусно скомбинированных, а подчас умышленно искаженных фактов.

Краткое предисловие к книге Пуанкаре, к сожалению, несвободно от элементарной фактической неточности. Так например на странице 11 указывается, что «после мировой войны Пуанкаре еще два раза возвращался на пост президента республики, а с 1926 по 1929 год одновременно занимал пост министра финансов». Как известно, Пуанкаре после переизбрания никогда больше не возвращался на пост президента республики, а совмещать обязанности президента и министра финансов он уж никак не мог.

Зато интересно и содержательно составлены редакционные примечания. Примечания эти не ставят себе задачей пояснить значение каждого события, имени, названия и т. д., что потребовало бы слишком много места и утопило бы важное и крупное в мелочах, часто совершенно незначительных. Но они дают документированное, фактическое освещение моментов первостепенной важности, недостаточно ясно освещенных или же сознательно затемненных автором мемуаров.

Во всех этих примечаниях, занимающих 40 страниц мелкого шрифта, мы нашли лишь одно весьма спорное утверждение, что «штаб верховного главнокомандующего недооценивал значение балканского фронта, считая его «второстепенным» (стр. 515). Это утверждение спорно потому, что препятствия к посылке войск в помощь Сербии из России были иного, гораздо более основательного характера. Вопросы, касающиеся общей стратегии, деятельности военных судов во французской армии, ирландского кризиса в Англии, братания на французском фронте и др., прокомментированы документами, представляющими для читателя живейший интерес.

Обращаясь к самым мемуарам Пуанкаре, следует указать на их глубокое внутреннее сродство с мемуарами Палеолога несмотря на все их внешнее различие. Морально-политическую основу тех и других составляет приподнятый патристический пафос французского буржуа. Палеологовская смесь хлестаковщины, великосветской хлыщеватости и лакейской наглости заменяется у Пуанкаре ограниченностью и самодовольством выходца из «крепкой» буржуазной среды, сохранившего оптимизм благонамеренного гражданина третьей республики. В этом политическом оптимизме, в органической вере в прочность и разумность буржуазного строя — главная сила Пуанкаре. Эти качества Пуанкаре служили олигархии финансового капитала Франции как реклама «здоровья», организованности, крепости и прочности буржуазного общества в эпоху его разложения и гибели.

Мемуары Пуанкаре никак не могут служить подтверждением легенды о его сильном, волевом характере, каким, бесспорно, обладал являвшийся его полной противоположностью Ж. Клемансо. Но он был гораздо более удобным министром (а тем более президентом) чем «Тигр», презиравший одинаково и тех, кем он командовал, и тех, кто им командовал. Клемансо в своей «неистовой» решительности и напористости отбрасывал прочь все компромиссы, условности, декорации. Пуанкаре, напротив, всегда готов был отложить любое решение, отказаться от него в самый критический момент, лишь бы не нарушить существующего равновесия, не задеть «законного самолюбия» Жоффра, Галлиени, Мильерана. Со страниц своих мемуаров знаменитый «Пуанкаре-война» предстает развенчанным «демоном», за мрачной репутацией которого скрывается весьма некрупная фигура «среднего француза», абсолютно неспособная прикрыть собой подлинных вершителей судеб Франции — банкиров и крупных промышленников. С полным основанием его парижские враги презрительно называли его «провинциальным адвокатом». Но его привязанность к «малой родине», к своему

избирательному округу способствовала той высокомерной отчужденности от тревожных волнений и традиций парижской жизни, благодаря которой он заслужил репутацию человека сухого и равнодушного ко всему кроме своего успеха. «Клемансо, — пишет он, — упрекал меня в том, что я приношу судьбы Франции в жертву эгоистическим целям... Он говорил со мной с таким злобным неистовством и так бесвязно, как человек, совершенно потерявший самообладание; он говорил с бешеным обманутого патриота, который считает, что только он один может обеспечить победу... Уходя он поднялся, весь затрясся от гнева и бросил мне в лицо следующую фразу:

«Впрочем, о чем вы думаете в такой момент, как этот? (отступления на фронте в августе 1914 года. — Е. А.). О том, чтобы воскуривать себе фимиам через «Фигаро» и Альфреда Капюса!» (стр. 103).

Пуанкаре, посылавший в кровавую мясорубку миллионы солдат, на страницах своих мемуаров стремится показать, как нежна и чувствительна его душа, расточая нежности по адресу своего кота, своей болонки, раненых «солдатиков» и по своему собственному адресу, по поводу несправедливости своих врагов. Но эта душевная мягкость не мешала ему, конечно, быть «непреклонным», когда дело шло о «нарушающих дисциплину» рабочих или солдатах. Неумолимо, непримиримо жестокий в этих случаях, он полон деликатности, уступчивости, предупредительности и дружеской заботливости в отношении генералов, истребляющих десятки тысяч собственных солдат из самых мелких побуждений: взаимной грызни, желания подсадить соперника, отличиться самому и т. д. Пуанкаре был самым терпеливым и терпимым из людей для окружающей его банды карьеристов, интриганов, честолюбцев и корыстолюбцев.

Историк Э. Лависс, дружбой с которым Пуанкаре подчеркнута щеголяет в своих мемуарах, имел мужество сказать о нем, что «это человек, который никогда не чувствовал ни к чему призвания, но всегда преуспевал на всех поприщах, на которые вступал».

2

В молодости Пуанкаре, как и полагается, занимался литературой, писанием лирических стихов, но, быстро поняв, что это не способ «создать себе положение», перешел от стихов к занятиям адвокатурой. Благодаря связям с правительственными кругами он быстро выдвигается.

Пуанкаре был одним из тех ловких «молодых людей», о которых Жорес 3 июля 1897 года говорил в заседании палаты депутатов:

«Можно было бы ожидать, что все эти новые и молодые люди, все эти Тюррели, Пуанкаре, Барту и Бюро, а вместе с ними Дешанель и Дюпюи, будут ве-

сти новую, более смелую политику и попытаются оправдать перед демократией свое внезапное появление на вершинах политической жизни смелостью своей мысли и решительностью своих действий. Но нет! Ведь это были счастливики. Их старшие предшественники были сметены ураганом. Мы же, мы принимали участие в этом деле, которое называлось ликвидацией скандала. И если мы ожидали от разоблачения продажности во всех ячейках современного общества выгод для наших идей, для нашего дела, для торжества идеи социализма, то для себя мы не искали непосредственных и личных выгод власти. С поднятым челом вели мы эту тяжелую, ожесточенную, но бескорыстную борьбу. Но рядом с нами оказались другие люди, молодежь из умеренного лагеря. Они-то не вмешивались в эту борьбу, не портили своих шансов, но втихомолку, украдкой, затаенными улыбками приветствовали нашу разрушительную работу, очищавшую почву, на которой они рассчитывали построить свое собственное благополучие. Да, они не знали бремени этой борьбы, не несли ответственности, не наносили удары и не получали их. Они шествовали за сражающейся армией, чтобы поживиться добычей. Они торопили и подбодряли нас, — им не терпелось скорее и полнее завладеть властью»¹.

Во время скандального процесса Дрейфуса Пуанкаре занимал весьма двусмысленную позицию, лавируя между двумя лагерями, и лишь в конце процесса он порывает с так называемой прогрессистской партией, становится во главе «левых» республиканцев и образует новый кабинет министров.

Предсказание Жореса о скором и полном овладении властью оправдалось полностью.

Известно, с каким удовлетворением приняла царская дипломатия избрание Пуанкаре президентом республики. Царский посол во Франции, Извольский, совершенно правильно заключил, что этим избранием можно и должно воспользоваться, для того чтобы активизировать русскую политику на Ближнем Востоке, так как французскую поддержку ей можно считать обеспеченной. Осенью 1912 года Пуанкаре и Мильеран требовали от русского правительства активизации его балканской политики и выступления России в защиту Сербии против австрийских угроз, причем Пуанкаре гарантировал России помощь со стороны Франции, если ей придется воевать не только с Австрией, но и с Германией из-за австро-сербского конфликта. Значит ли это, что Пуанкаре вместе с Извольским вынудил Германию к войне, как утверждают апологеты германского империализма? Нет. Это значит лишь, что Пуанкаре, так же как и Вильгельм, готовился к войне, предпринятой всей политикой империа-

¹ Заваэс «История третьей республики».

листических правительственных центров Европы. В руководящих центрах обеих коалиций шансы на победу в европейской войне оценивались максимально оптимистически. Поэтому обе стороны готовы были принять и приняли вызов на борьбу, поэтому люди, составлявшие помеху на пути к этой решающей борьбе, отодвигались на задний план, а на передний выдвигались Тирпицы, Конрады, Черчилли, Пуанкаре. Оба лагеря соперничали в подборе людей, соответствующих назревающим событиям, — людей «твердой» внутренней и внешней политики.

3

В чем заключалась задача Пуанкаре в 1914 году? В том, чтобы обеспечить участие России в европейской войне. Участие Англии было еще важнее, но оно было обусловлено участием той же России. И если английскую политику Парижу было непод силу направлять, то с Россией дело обстоит значительно легче и проще: надо было только убедить царское правительство в том, что вне участия в европейской войне для России не может быть никаких успехов во внешней политике, что война даст царю Константинополь и проливы, а уклонение от войны грозит России изоляцией, потерей союзников и «друзей». Провал дипломатической кампании Извольского в пользу открытия проливов для русского военного флота, провал чарыковской балкано-турецкой федерации, провал сазоновской кампании по адрианопольскому вопросу в пользу Болгарии, провал сазоновской же попытки разрешить вопрос о миссии Лимана фон Сандерса в Константинополе путем нажима на Турцию — все это были «предметные уроки», из которых Сазонов и вывел свое заключение о том, что путь к проливам и Константинополю лежит через Берлин, т. е. через участие России в европейской войне.

Мемуары Пуанкаре вскрывают цели, которые он преследовал в отношении России: во-первых, не допустить Россию к овладению проливами вообще, если это возможно; во-вторых, не допустить ни в каком случае овладения ею проливами преждевременно, т. е. до окончания войны; в-третьих, не допустить «насыщения» России до конца войны за счет Австрии, и, главное, Россия должна во что бы то ни стало и при всех обстоятельствах ускорить свое наступление на Германию и непрерывно бросать против нее новые армии.

Между тем французское правительство получило сведения, будто «Россия оставляет значительную часть своих войск для эвентуальных операций против Турции. Сэру Д. Бьюкенену поручено войти к Сазонову с представлениями, что прежде всего срочно необходимо помогать нам в борьбе против немцев. Думерг и наш генштаб настаивают в Пе-

тербурге в том же смысле» (стр. 50). Уже в самом начале войны при прямом попустительстве со стороны англо-французского флота германские военные суда «Гебен» и «Бреслау» были не только пропущены, но и загнаны из Средиземного моря в Черное, что и обеспечило за немцами господство в проливах и в Турции. Об этой загадочной истории, послужившей поводом к назначению следственной комиссии в Англии, Пуанкаре безмолвствует. Его возмущают даже и начальные успехи союзных русских войск в Австрии: «Россия, вопреки нашим неоднократным требованиям, направляет свой главный удар против Австрии» (стр. 155). Он негодует по поводу того, что Сухомлинов «дал понять нашему послу, что русские не будут продвигать свои армии дальше в Восточную Пруссию с направлением на Берлин, а предпочтут действовать в Силезии и Познани». Сухомлинов, «который всегда производил на меня плохое впечатление, осмелился прибавить: «Чтобы придти на помощь французской армии, мы в конце августа потеряли сто тысяч человек при Сольдау» (стр. 159).

После победы на Марне, плоды которой были совершенно уничтожены бездарностью французского командования (этого не может скрыть и Пуанкаре), «мы, — пишет Пуанкаре, — желали бы, по крайней мере, чтобы Россия облегчила давление, оказываемое на нас неприятелем» (стр. 162). Вся бездарность французской реакции, ее политической и военной верхушки разоблачается, в сущности, самим Пуанкаре: в решающий момент, когда инициатива была в руках французского командования, оно останавливает наступление, предоставляет неприятелю возможность окопаться на французской территории, выжидая чуда со стороны не менее бездарного командования русских почти небооруженных армий.

Неподготовленность русских армий — это единственный грех, признаваемый мемуаристом за русским самодержавием. Намного ли выше его оказалась в этом отношении французская реакция? «У нас, — сообщает Пуанкаре, — перед войной был недостаток в бюджетных ассигнованиях». Из разоблачений хотя бы Эмбера — издателя парижской газеты «Le journal» — известно, как позорно употреблялись эти ассигнования. «Мы слишком уверены были в вечной продолжительности мира» — второе оправдание Пуанкаре. Но если народ не знал до последней минуты, что война начнется в ближайшее время, то поджигатели мировой войны это знали великолепно. «А когда вспыхнула война, мы слишком расточительно расходовали снаряды... Мы страдаем от того же недостатка, что Россия...» (стр. 295).

После того как от России были затребованы гарантии неприкосновенности Турции, чтобы предотвратить разрыв между Россией и Турцией, Палеологу при-

шла в голову исключительная по простоте мысль, которой он немедленно поделился с Сазоновым: «Невозможно ли будет для России заключить сепаратный мир с Австрией, чтобы потом направить все свои усилия против Германии?» Когда телеграмма Палеолога об этом была получена в Париже, «министры и я не могли отогнать от себя мысль, что сепаратный мир Австрии и России, пожалуй, охладит активность последней, отвратит Италию от всякого вмешательства в войну и скоро оставит нас с Англией одних (!) лицом к лицу с Германией. Предположим, что Россия аннексирует Галицию, а Сербия получила Боснию и Герцеговину; Витте и его германофильские друзья, конечно, не преминули бы интриговать в Петрограде с целью отвратить царя от продолжения войны с нашим главным врагом. Испуганное этой перспективой, французское правительство предложило Палеологу снова повидать Сазонова и сказать ему, что он высказал лишь свой личный взгляд, не имея на то инструкции из Парижа» (стр. 295).

Русское командование заявило союзникам, требующим от него активности, что наступление русских армий возможно только при условии помощи оружием. Оказалось, что союзники (и Англия тоже. — Е. А.) страдают от того же недостатка, что и Россия. Тогда царское правительство командировало в Париж министра финансов Барка за финансовой помощью. Пуанкаре лично объяснился с Барком по этому поводу: «Я напоминаю ему, что ни текст союзного договора, ни дух его не позволяли нам предвидеть, что Россия в один прекрасный день обратится к нам с просьбой поставить наш кредит на место ее кредита или же будет заклинать нас предоставить в ее распоряжение наш военный материал» (стр. 315).

Для находившегося в это время в Париже Ллойд-Джорджа пуанкаристский, лавочнический, лишенный всякой широты и творческой мысли метод ведения коалиционной войны был неприемлем. У Англии не было официальных союзных договоров ни с Францией, ни с Россией, но английское правительство отлично знало, что и Франция и Россия обратятся к нему с просьбой поставить английский кредит на место французского и русского кредитов и предоставить в их распоряжение английский военный материал. Английский банк, как известно, вступил в войну с минимальной золотой наличностью, рассчитывая, что огромные золотые запасы, накопленные в кладовых государственных банков Франции и России, перекочат в его собственные кладовые. «По инициативе Ллойд-Джорджа, конференция провозгласила финансовую и экономическую солидарность союзников. В силу этого... английское и французское правительства выдают русскому правительству ссуды размером до 25 миллионов фунтов стерлингов... Та солидарность, — заключает

Пуанкаре, — которую придумал Ллойд-Джордж, обращается пока только против нас» (стр. 316).

Естественно, что царское правительство, «расходуя» без ограничений жизни своих подданных в интересах Англии и Франции, заартачилось, когда, взамен кредитов от него потребовали пересылки золота из кладовых государственного банка в союзнические кладовые. Это требование англичан, поддержанное французами, дрожавшими за свое собственное золото, вызвало бурю негодования в «патриотических» кругах Государственной думы.

В марте 1915 года «в Шампани усиливаются бои... Они усиливаются в Аргонах... Мы берем окопы, теряем их, снова проникаем в них и должны почитать себя счастливыми, если в конце концов остаемся на развороченном гранатами и залитом кровью клочке земли, за который уцепились... Нет никакой надежды на прорыв» (стр. 340). Жоффри жалуется на английское командование. Китченер доказывает, что французы лишают поддержки англичан на соседних участках фронта. В России нарастает революционное брожение. Деловые англичане давно поняли, что нужно подстегнуть воинственность царского правительства новым средством — посулом проливов и Константинополя, — чтобы поднять настроение русского самодержавия и начинавшей впадать в уныние русской буржуазии. Сазонов прямо заявляет о необходимости гарантировать это вознаграждение за приносимые Россией жертвы. Английский король лично открывает перед русским послом соблазнительную перспективу. В Англии прекрасно понимают, что начавшаяся дарданельская операция возбуждает беспокойство у воспитанных на недоверии к Англии русских «патриотов»: если проливы попадут в руки англичан и французов, то не видать их русским империалистам, как своих ушей!

Пуанкаре встает надбы: «Россия до сих пор не участвует в дарданельской экспедиции... Если Константинополь падет, Россия будет здесь не при чем...» Россия вызовет раздражение румын и греков — «двух наций, симпатии которых для нас ценны и, пожалуй, даже необходимы. Наконец, когда России обеспечат обладание Константинополем, она, несомненно, потеряет всякий интерес к войне с Германией. Я пригласил Вивиани и Делькассе к себе на совещание... Оба они удручены... Решено, что Делькассе... обусловит, что свобода (плаванья в проливах. — Е. А.) должна быть безусловной во всякое время и для всякого и распространяться на Босфор, равно как и на Дарданеллы». Что касается Константинополя, то вопрос о нем «может быть решен только после вопроса о проливах, и мы просим Сазонова воздержаться от всяких деклараций по этому поводу» (стр. 340—341).

3 марта Делькассе телеграфировал это решение Палеологу, но в тот же день

Николай II объявил Палеологу: «Я не буду считать себя вправе требовать от своего народа ужасных жертв этой войны, не дав ему в вознаграждение осуществления его (!) вековой мечты. Поэтому мое решение принято: я коренным образом разрешу проблему Константинополя и проливов». Палеологу нечего возразить. Он лишь осведомился: а что за это получит Франция?

«Заранее подписываюсь, — благосклонно ответил царь, — под всем, что может пожелать ваше правительство. Берите левый берег Рейна, берите Майнц, берите Кобленц, идите еще дальше, если находите это полезным».

Но Пуанкаре, прочитав эту телеграмму, «был ошеломлен» и не мог себе объяснить ни этот необычный язык, ни эти опасные и страшные концепции. Он решил лично заняться этим делом и написал послу: «Некоторые русские из школы Витте, конечно, очень не прочь были бы присвоить себе Константинополь и не продолжать затем войны против Германии и Австрии... Будем остерегаться неосторожных шагов, которые благоприятствовали бы их интригам. Первой безусловно необходимой предосторожностью я считаю... оставлять Румынию, Италию и все другие нейтральные государства в неведении относительно желаний России...

Ограничимся секретными беседами между собой — между Францией, Англией и Россией — и будем беседовать в духе совершенного доверия и дружбы... Отдача России Константинополя, Фракии, проливов и берегов Мраморного моря означает раздел Оттоманской империи. Мы не имеем разумных оснований желать этого раздела. Если он неизбежен, мы не желаем, чтобы он произошел за наш счет. Поэтому... надо... добиться признания наших прав на Сирию, Александретту и... Адану... Мы будем в состоянии поддерживать желание России только в соответствии с теми удовлетворениями, которые мы сами получим... Пожар в Европе вспыхнул из-за сербского вопроса... который затрагивал Россию гораздо более непосредственно, чем Францию; последняя была вовлечена в конфликт против своей воли» и т. д. и т. д. (стр. 344).

Читатель может недоумевать: зачем Пуанкаре демонстрирует столь наглядно убожество своей мысли по тому самому «русскому вопросу», по которому написаны самые «блистательные» главы «военных мемуаров» Ллойд-Джорджа? Цель Пуанкаре двоякая: доказать, что он был против обещания России награды за участие в войне и что русская алчность вынудила французскую дипломатию, скрепя сердце, пойти на соглашение о разделе Азиатской Турции, в то время как, по существу, раздел Турции был предрешен Францией и Англией в целом ряде соглашений и договоров и самим ходом событий во время империалистической войны.

Мы проследили по переведенным четырем томам высказывания Пуанкаре по одному вопросу — русскому. Его высказывания об Англии показывают ту же узость и мелочность суждений с той лишь разницей, что в этой области он максимально сдержан и осторожен и как нельзя более далек от «презрительной резкости». Как русское самодержавие и буржуазия были испуганы английской операцией в Дарданеллах, так же Пуанкаре и его министры опасались английской экспедиции в Александретту и добивались отказа англичан от нее в пользу дарданельского направления. Роль арбитра в склоке парламентских политиканов и генералов, борьба с критикой военного командования, торг с союзниками — поменьше дать, побольше взять, — а сверх этого раз'езды с парадами, речами, поднесениями адресов и цветов — вот содержание президентской деятельности Пуанкаре. Рутинная, полнейшая безинициативность и бездарность — ее самые яркие черты. В результате — провал всех попыток союзнических держав изменить французскую стратегию в сторону действительной координации сил и нанесения неприятелю решающих ударов, и только после вступления в мировую войну США и прихода к власти во Франции Клемансо Антанте удалось сломить германский империализм.

В. Попов

В. И. ЛЕБЕДЕВ «Булавинское восстание 1707—1708 гг.». Огиз. Соцэпгиз. 1934.

Вышедшая из печати в 1934 году книга В. И. Лебедева «Булавинское восстание», посвященная рассмотрению крестьянского движения начала XVIII века, представляет значительный интерес.

Во «Введении» к книге автор дает критическую оценку работ буржуазных историков по булавинщине. Он отмечает их тенденциозность, недостаточное использование ими архивных материалов, а у некоторых историков — и фактические неточности.

Свою работу В. Лебедев основывает на архивном материале и не ограничивается пределами одного Дона.

Книга Лебедева — первый опыт марксистского изучения булавинщины и является пока единственным пособием для изучения этого движения.

Именно поэтому особенно необходимо отметить имеющиеся в ней неточности и ошибки фактического порядка.

* * *

Прежде всего неточно утверждение Лебедева («Введение», стр. 5), что «Бронев-

Николай II объявил Палеологу: «Я не буду считать себя вправе требовать от своего народа ужасных жертв этой войны, не дав ему в вознаграждение осуществления его (!) вековой мечты. Поэтому мое решение принято: я коренным образом разрешу проблему Константинополя и проливов». Палеологу нечего возразить. Он лишь осведомился: а что за это получит Франция?

«Заранее подписываюсь, — благосклонно ответил царь, — под всем, что может пожелать ваше правительство. Берите левый берег Рейна, берите Майнц, берите Кобленц, идите еще дальше, если находите это полезным».

Но Пуанкаре, прочитав эту телеграмму, «был ошеломлен» и не мог себе объяснить ни этот необычный язык, ни эти опасные и страшные концепции. Он решил лично заняться этим делом и написал послу: «Некоторые русские из школы Витте, конечно, очень не прочь были бы присвоить себе Константинополь и не продолжать затем войны против Германии и Австрии... Будем остерегаться неосторожных шагов, которые благоприятствовали бы их интригам. Первой безусловно необходимой предосторожностью я считаю... оставлять Румынию, Италию и все другие нейтральные государства в неведении относительно желаний России...

Ограничимся секретными беседами между собой — между Францией, Англией и Россией — и будем беседовать в духе совершенного доверия и дружбы... Отдача России Константинополя, Фракии, проливов и берегов Мраморного моря означает раздел Оттоманской империи. Мы не имеем разумных оснований желать этого раздела. Если он неизбежен, мы не желаем, чтобы он произошел за наш счет. Поэтому... надо... добиться признания наших прав на Сирию, Александретту и... Адану... Мы будем в состоянии поддерживать желание России только в соответствии с теми удовлетворениями, которые мы сами получим... Пожар в Европе вспыхнул из-за сербского вопроса... который затрагивал Россию гораздо более непосредственно, чем Францию; последняя была вовлечена в конфликт против своей воли» и т. д. и т. д. (стр. 344).

Читатель может недоумевать: зачем Пуанкаре демонстрирует столь наглядно убожество своей мысли по тому самому «русскому вопросу», по которому написаны самые «блистательные» главы «военных мемуаров» Ллойд-Джорджа? Цель Пуанкаре двоякая: доказать, что он был против обещания России награды за участие в войне и что русская алчность вынудила французскую дипломатию, скрепя сердце, пойти на соглашение о разделе Азиатской Турции, в то время как, по существу, раздел Турции был предрешен Францией и Англией в целом ряде соглашений и договоров и самим ходом событий во время империалистической войны.

Мы проследили по переведенным четырем томам высказывания Пуанкаре по одному вопросу — русскому. Его высказывания об Англии показывают ту же узость и мелочность суждений с той лишь разницей, что в этой области он максимально сдержан и осторожен и как нельзя более далек от «презрительной резкости». Как русское самодержавие и буржуазия были испуганы английской операцией в Дарданеллах, так же Пуанкаре и его министры опасались английской экспедиции в Александретту и добивались отказа англичан от нее в пользу дарданельского направления. Роль арбитра в склоке парламентских политиканов и генералов, борьба с критикой военного командования, торг с союзниками — поменьше дать, побольше взять, — а сверх этого раз'езды с парадами, речами, поднесениями адресов и цветов — вот содержание президентской деятельности Пуанкаре. Рутинная, полнейшая безинициативность и бездарность — ее самые яркие черты. В результате — провал всех попыток союзнических держав изменить французскую стратегию в сторону действительной координации сил и нанесения неприятелю решающих ударов, и только после вступления в мировую войну США и прихода к власти во Франции Клемансо Антанте удалось сломить германский империализм.

В. Попов

В. И. ЛЕБЕДЕВ «Булавинское восстание 1707—1708 гг.». Огиз. Соцэпгиз. 1934.

Вышедшая из печати в 1934 году книга В. И. Лебедева «Булавинское восстание», посвященная рассмотрению крестьянского движения начала XVIII века, представляет значительный интерес.

Во «Введении» к книге автор дает критическую оценку работ буржуазных историков по булавинщине. Он отмечает их тенденциозность, недостаточное использование ими архивных материалов, а у некоторых историков — и фактические неточности.

Свою работу В. Лебедев основывает на архивном материале и не ограничивается пределами одного Дона.

Книга Лебедева — первый опыт марксистского изучения булавинщины и является пока единственным пособием для изучения этого движения.

Именно поэтому особенно необходимо отметить имеющиеся в ней неточности и ошибки фактического порядка.

* * *

Прежде всего неточно утверждение Лебедева («Введение», стр. 5), что «Бронев-

ский, Сухоруков, Савельев, Сватиков перепевают сказанное Соловьевым» (разрядка моя. — В. П.).

Это утверждение можно отнести только к Савельеву и Сватикову, которые писали о булавинском движении после Соловьева. Но этого никак нельзя сказать о Сухорукове и Броневском, которые писали до Соловьева.

В изложении хода булавинского восстания неправильно утверждение В. Лебедева, что в момент убийства восставшими Юрия Долгорукова Булавин был «над солеварами атаманом» (стр. 32), т. е. был станичным атаманом Бахмутского городка, в ведении которого находились варницы.

«Над солеварами атаманом» называют Булавина Устрялов и Ригельман. Но из документов того времени известно, что атаманом Бахмутского городка до марта 1708 года был Кульбака, сменивший Булавина весной 1707 года¹, а разгром карательного отряда Ю. Долгорукова Булавиным имел место в октябре 1707 года. Другие документы того периода, исходящие от черкасских властей, называют Булавина «казакком Трехизбянской станицы»².

На странице 32 Лебедев пишет, что «восставшие во главе с Булавиным вырезали поголовно карательный отряд и убили самого Юрия Долгорукова».

В действительности булавинцы перебили только начальствующих лиц — офицеров и канцелярских чиновников, а солдат из отряда Долгорукова, обезоружив, отпустили.

Ефрем Петров, сопровождавший все время Ю. Долгорукова и участвовавший потом с войсковым атаманом Л. Максимовым в походе против Булавина, 4 ноября 1707 года на допросе в Посольском приказе рассказывал: «А которые при нем, полковнике (Ю. Долгорукове. — В. П.), были конные казаки и солдаты и тех те воры, пограбя, отпустили, и пошли те солдаты пешие в Троицкой» (Таганрог. — В. П.)³.

В дальнейших своих показаниях в Посольском приказе Ефрем Петров рассказывал, что на обратном пути из похода против Булавина Л. Максимов в Шульпинском городке нашел в двух ямах 17 трупов.

Если же на основе показаний того же

¹ Государственный архив феодально-крепостнической эпохи (ГАФКЭ). Кабинет Петра I, отдел I, кн. 18, часть 1-я, л. 490. «... Маия 24 дня в Ближней Канцелярии... Семен Кульбака в допросе сказал... в 1707 году после сырной недели послан он из войска на Бахмут и был атаманом до благовещениева дни нынешнего 1708 году, как ему прислан на перемену новой атаман Харитон Абакумов».

² ГАФКЭ. Донские дела. Донская книга № 22—Б. Отписка Л. Максимова, присланная с Ефр. Петровым в ноябре 1707 года.

³ Там же.

Ефрема Петрова к этому прибавить, что булавинцы убили еще двух офицеров, захваченных в Шульгине, и двух офицеров на реке Айдаре, то окажется, что из отряда Ю. Долгорукова было убито всего 21 человек. Такое же число убитых Булавиным указывается и в грамоте на Дон от 27 декабря 1707 года⁴.

Эти документы с полной определенностью говорят о том, что Булавин совершил расправу только с начальствующим, помещичье-дворянским составом отряда Ю. Долгорукова.

На страницах 32—33 говорится: «У Булавина были в его бурлацком войске три полковника: Лоскут, беглый из Валуек, один сын стародадарского атамана и коротояцкий подьячий».

Это утверждение основано на показаниях казака Мануйлова, встретившего 12 октября 1707 года Булавина в Староборовском городке⁵.

Показания Мануйлова требуют уточнения. Кроме Лоскута вторым полковником у Булавина был Михаил Драный, сын Семена Драного, игравшего в 1708 году на Донце главную роль в организации революционной обороны и считавшегося у восставших лучшим полководцем.

Что же касается показаний Мануйлова о безымянном полковнике «коротояцком подьячем», то сообщение Василия Долгорукова царю от 1 мая 1709 года вполне определенно характеризует этого коротояцкого подьячего как агитатора, который «у Булавина в кругах возмущал и просил его, чтобы он вступился за них». Кроме того как «писарь» при Булавине, он, вероятно, был автором тех воззваний, которые исходили от имени главы восставших.

Наличие в отряде Булавина коротояцкого подьячего в самом начале движения говорит о связи городских революционно-настроенных элементов с населением донецких городков. Этот факт объясняет и то, как Булавин из игрушки черкасских старшин, направивших его в своих интересах на расправу с Ю. Долгоруковым, превратился в вождя революционного движения, которое охватило весь Дон.

Остановимся коротко на обстоятельствах, предшествовавших убийству Юрия Долгорукова.

Указ Петра I о посылке Юрия Долгорукова на Дон для розыска и высылки беглых крестьян был отправлен из Люблина в Таганрог 6 июля 1707 года.

Тем же указом царь предписывал Ю. Долгорукову расследовать «про налоги и обиды», причиненные Изюмскому полку казаками Бахмутского городка. Все эти споры имели место еще в то время, когда атаманом в Бахмуте был Булавин.

Указ царя Ю. Долгоруков получил через донских казаков 4 августа 1707 года.

⁴ Лишин «Акты, относящиеся к истории войска Донского». Т. I, стр. 259. Новочеркасск. 1894.

⁵ Кабинет Петра I, отд. II, кн. 8, л. 352.

Одновременно на Дон пришла грамота с сообщением о цели посылки к ним Ю. Долгорукова¹.

Весть о предстоящем сыске внесла волнение в ряды казачества. Взволновались и руководители казаков (старшины), не выполнявшие правительственных распоряжений о высылке беглых. В Черкасске, в кругах, начали открыто обсуждать вопрос о том, как быть и что делать. Высказывались за то, чтобы убить Ю. Долгорукова. Но от этой мысли отказались, опасаясь за судьбу казачьих полков, бывших в Польше и Финляндии. С другой стороны, расправа с Ю. Долгоруковым в Черкасске слишком ясно свидетельствовала бы о причастии к этому делу казачьих властей.

В руководящих, старшинских кругах решено было убить Долгорукова где-нибудь вдали от Черкаска, организовав для этого партию «охотников». С этой целью в верховые городки были отправлены «тайные» письма с призывом перебить сыщиков².

Инициатива убийства Юрия Долгорукова шла, таким образом, из Черкаска, от старшин и войскового атамана.

Об этом говорят также показания на допросах участников движения, захваченных Василием Долгоруковым³.

К выполнению плана старшин по ликвидации сыска был привлечен бывший станичный атаман Бахмутского городка Булавин, личность довольно популярная в войске и особенно на Донце благодаря его столкновениям из-за соли с изюмским полковником Шидловским и с дьяком Горчаковым, присланным для разбора земельных споров.

Про Булавина рассказывали, что после отъезда из Черкаска Юрия Долгорукова он был у войскового атамана Лукьяна Максимова. Возможно, что Булавин получил также и средства на организацию отряда для ликвидации сыска.

Убийством Ю. Долгорукова старшины рассчитывали приостановить розыск и предотвратить неприятные для них лично последствия за нарушения правительственных распоряжений относительно приема и высылки беглых. А занятость царя войною со шведами позволяла им надеяться на безнаказанность этого убийства, тем более, что вину можно было свалить на беглых и их руководителя Булавина (см. высказывания о планах старшин Василия Долгорукова)⁴.

Но в донецких городках, населенных беглыми помещичьими крестьянами и посадскими людьми, обстановка была такая, что призыв к расправе с представителем помещичьего государства явился сигналом к революционному восстанию.

Не «по царскому указу», как пишет Ле-

бедев (стр. 33), а по собственной инициативе выступили черкасские казаки против Булавина.

Доказательством этого является то обстоятельство, что бой под Закотным, где потерпел поражение Булавин, произошел через шесть дней после убийства Ю. Долгорукова (не в декабре 1707 года, как пишет Лебедев на 101-й стр., а 14 октября)⁵ в Шульгинском городке. За такой короткий срок ни одна грамота не могла прийти из Москвы на Дон.

Черкасские власти с большой поспешностью стремились отмежеваться от дела Булавина, надеясь, что их самостоятельная расправа с Булавиным снимет вопрос об убийстве Ю. Долгорукова, а вместе с тем и вопрос о розыске беглых,— что предупредит вмешательство правительства в донские дела.

Расчеты старшин до некоторой степени оправдались. И войсковая отписка и распросные речи Ефрема Петрова изобразили убийство Ю. Долгорукова делом беглых, «воровских», «гулящих» людей, затронутых сыском, с которыми казаки расправились сами.

Это возымело столь успокоительное действие, что даже Петр I, серьезно встревоженный событиями на Донце, писал Меншикову, что «сие дело... все окончилось»⁶.

Но расчеты старшин на то, что восстание на Донце будет быстро ликвидировано, не оправдались: восстание разрасталось.

Рассказав о поражении булавиновцев под Закотным, В. Лебедев пишет (стр. 33): «В городках на Айдаре все же остались булавиновцы во главе с неким Кузьмой Акимовым, который называл себя Булавиным. Эти булавиновцы продолжали упорно сопротивляться старшинским войскам. Вскоре, однако, Кузьма был пойман и отослан в Москву».

Кузьма Акимов, казак Беленской станицы на Айдаре, действовал не на Айдаре, а в верховых городках на Хопре, куда после боя под Закотным перебросились булавиновцы. Классовая борьба в этих городках приняла такие размеры, что на помощь старым верховым казакам было прислано из Черкаска войско с старшиною Кузьмой Минаевым. В числе захваченных булавиновцев оказался и Акимов, привезенный в феврале 1708 года вместе с другими в Москву.

Требует уточнения заявление автора на странице 41 о том, что «после победы под Лисковаткой (над войсковым атаманом Л. Максимовым. — В. П.) восстали все городки по Хопру, Бузулуку, Медведице и Северскому Донцу».

Хоперские, бузулукские, медведицкие и часть донских городков, находившихся на пути Булавина из Пристанского к Чер-

¹ «Письма и бумаги Петра Великого». Т. VI, стр. 9, 10 и 220. Петроград. 1918 г.

² ГАФКЭ. Разрядная вязка, № 50, д. № 9, лл. 9—15.

³ Кабинет Петра I, отд. II, кн. 7, лл. 904 и 859.

⁴ Там же, отд. I, кн. 18, ч. 1-я, л. 53.

⁵ Лишин «Акты, относящиеся к истории войска Донского». Т. I, стр. 259.

⁶ «Письма и бумаги Петра Великого». Т. VI, стр. 159.

касску, присоединились к восстанию еще до Лисковатской битвы.

Здесь попутно необходимо отметить, что карта, приложенная к книге Лебедева, может вызвать у читателя недоумение, так как на ней неверно указано местонахождение Пристанского городка: на карте он показан лежащим на берегу реки Дона при устье Хопра. В действительности же Пристанский городок был самым верхним по реке Хопру. Автор, по видимому, следует указаниям и карте Ригельмана, не проверив его¹.

Неверно также, что «Василий Долгоруков приводил по дороге (из Черкаска вверх по Дону. — В. П.) к присяге казаков по станицам. Всего было у креста 1835 чел.» (стр. 51).

Такое число казаков В. Долгоруков привел к присяге не по дороге из Черкаска, а в самом Черкаске: из 1835 человек, приведенных к присяге, на долю черкасских станиц приходится 1480 человек, и только остальные 355 человек были жителями других городков, оказавшимися в Черкаске к моменту прихода туда В. Долгорукова. С другой стороны, до хоперских и медведицких городков сам В. Долгоруков не доходил, а послать туда своих «стольников и дворян» не мог, так как этот район был занят булавинцами.

На странице 51 Лебедев пишет: «Все городки, населенные беглыми крестьянами, по росписи были уничтожены «по Хопру, сверху Пристанной, по Бузулуку, по Донцу, сверху по Лугань; по Медведице, по Усть-Медведицкой, что на Дону; по Бузулуку все, по Айдару все. По Калитвам и другим задонным речкам все». Об уничтожении верховых городков после восстания сказано и на странице 25.

Эти данные автор взял у Голикова. Но сообщения Голикова неверны: Голиков учитывал лишь приказ Петра I о городках, которые следовало разорить, но не принял во внимание, как в действительности была выполнена эта царская «роспись».

А между тем документы того времени, исшедшие от царских начальников, с необычайной ясностью говорят, что «роспись» Петра I об уничтожении этих городков не была целиком выполнена карательными экспедициями по независимым от них причинам. Осложнившееся к этому времени положение на шведском фронте и на Украине потребовало ускоренного окончания операций на Дону, так как необходимо было перебросить войска на западный фронт. Петр I торопил В. Долгорукова и 30 октября 1708 года писал ему, сообщая о переходе к шведам Мазепы: «Однако ж вы, как наискорее, совершайте... свое дело и окоимей на Воронеж».

Только в отношении городков по Донцу и его притокам петровская «роспись» была выполнена в точности. Что же касается Хопра, Медведицы и Бузулука, то

в отношении этих городков приказ не был выполнен.

Указав, что Семен Дранный был послан для заслона против царских войск на Донец, а Некрасов — на Волгу (стр. 44 и 45), В. Лебедев сразу пишет о том, что «основные силы 5 июля 1708 г. Булавин направляет против Азова. До наступления на Азов там был организован заговор, вскоре раскрытый. Уцелевшие заговорщики переметнулись в Черкасск и просили у Булавина помощи. Булавин дал приказ наступать на Азов...» (стр. 45).

Выходит, что Булавин держал целых два месяца свои «основные силы» в бездействии, дав возможность азовским властям подавить назревавшее в стенах крепости восстание и подготовиться к обороне.

Лебедев опять-таки ссылается на Ригельмана, но Ригельман писал лет через 70 после булавинских событий, часто не имея документов и пользуясь ходившими на Дону весьма недостоверными рассказами.

В действительности события развертывались следующим образом.

После взятия Черкаска Некрасов 7 мая просился с частью войска «на море», но Булавин не пустил его. Вскоре в Черкасск прибыл Хохлач с известием о поражении его отряда при Курлаке и о наступлении на городки правительственных войск. Это сообщение требовало выработки нового плана действий. По новому плану, было намечено: выступить против царских войск, наступавших на казачьи городки, и если правительственные войска будут разбиты, то «итти под Азов и под Троицкой и в Русь до Москвы»; а если разгромить царские войска не удастся, то «у него (Булавина. — В. П.) с Некрасовым положено собраться по Дону в Цымле, а собравшись итти на Кубань... а Черкасск... разорить и казаков вырубить»².

В этом плане особенно важна вторая его часть. Очевидно, руководители повстанцев учитывали всю трудность борьбы плохо вооруженных крестьянских отрядов с регулярными отборными царскими войсками. Поэтому решение сохранить свои силы путем отвода их на юг подсаживалось в тот момент самой обстановкой, а дальнейший ход войны со Швецией мог изменить эту обстановку и создать условия, более благоприятные для нового наступления на царские войска.

Булавин приступил к осуществлению нового плана.

Чтобы выиграть время, 12 мая он послал грамоту в Москву. 13 же мая на Донец, под Изюм, был отправлен для заслона Семен Дранный с отрядом в 2000 человек, а Некрасов был послан на Волгу с отрядом приблизительно такой же численности. Кроме того Булавин распустил по городкам верховых казаков.

Таким образом, поход на Азов был по-

¹ Ригельман «История о донских казаках», стр. 88. М. 1846.

² Кабинет Петра I, отд. II, кн. 7, лл. 1277—1278.

ставлен в зависимость от результатов действий против царских войск.

17 мая Булавин писал запорожцам, чтобы они «шли в Русь и били б полковников и рандарей и всяких начальных людей, так же б и полки... государя»¹.

Одновременно Булавин разослал грамоты воеводам ближайших городов с объяснениями причин смены войсковых властей.

Вместе с тем велась подготовка и к отступлению на Кубань. Булавин слал письма кубанским старшинам и казакам, ачувескому паше Хасану и кубанскому паше Сартлану, подготавливая почву для перехода в турецкое подданство.

Азовскому губернатору Ив. Толстому из Черкаска доносили, что, готовясь к отступлению на Кубань, «казаки и телеги делают и лошадей готовят»².

Но Булавин проявил политическую близорукость по отношению к богатым черкасским казакам, состоявшим на царском жалованье, и в особенности к черкасским старшинам — царским агентам на Дону.

После взятия Черкаска Булавин казнил только войскового атамана Л. Максимова и пять старшин, принимавших участие в розыскной деятельности Ю. Долгорукова. «Голутвенная» часть армии требовала, чтобы черкасских природных казаков всех побить, Булавин же ограничился только тем, что взял под арест человек 20 старшин, а 10 «знатных» старшин с семьями выслал в верховые городки.

Таким образом, группа старшин мало пострадала, а некоторым из них Булавин даже доверил ответственные должности в войсковом управлении.

Старшины тотчас же повели свою предательскую работу. Между ними и азовским губернатором Ив. Толстым установилась тесная связь; они снабжали самым регулярным образом Толстого сведениями о планах и действиях Булавина. В своих донесениях в Москву Толстой постоянно ссылался на этот источник.

Булавиным не было принято никаких мер предосторожности в отношении Азова. Переходы из Черкаска в Азов и обратно совершались совершенно свободно, так как вокруг Черкаска и по дорогам в Азов не было никакой охраны, никаких застав и караулов.

В шпионской работе в пользу царских войск участвовали: войсковой есаул Т. Соколов, войсковой писарь Юдак, Илья Зерщиков, В. Поздеев, Василий Фролов и др.

По сообщению из Черкаска, Толстой захватил посланцев Булавина с письмами на Кубань.

Между тем рассылкой отрядов на Донец и Волгу и роспуском верховных каза-

ков Булавин очень ослабил свое положение в Черкасске. В середине мая Толстому донесли, что у Булавина нет и 1000 человек, что вместе с пятью сочувствующими черкасскими станицами у него всего 2000 человек.

Таким положением Булавина сразу же воспользовались враждебные ему старшины. Они просили Толстого прислать 2—3 тысячи «добрых ратных людей» и составили «совет» из тех, «кому верили», с целью схватить Булавина и выдать его Азову. В этот «совет» входили Зерщиков, Соколов, В. Поздеев-большой, Вас. Фролов и др. Но попытка схватить Булавина 1 июня закончилась неудачей.

31 мая пришло с Донца от Семена Драного тревожное известие: Драный просил помощи, чтобы сдержать напор правительственных войск, под натиском которых он отступал вниз по Донцу, и писал, что если Булавин не сможет прислать поддержки, то чтоб ехал туда, «куда он с ним умышлял, а что хотел делать над Черкасском, то б управлял вскоре»³.

На основе этого сообщения Булавин должен был готовиться к отходу на Кубань, так как помощи Драному он дать не мог. Старшины-предатели поняли, что если не удастся быстро справиться с Булавиным, он осуществит свой план отхода на Кубань. Тогда, по договоренности черкасских старшин и Азова, азовский конный отряд в ночь на 2 июня отогнал из-под Черкаска казачьи табуны в 11 000 лошадей.

Угон лошадей лишил Булавина возможности совершить отход на юг. Отбить лошадей обратно у него не было сил. Булавин послал Толстому требование возвратить лошадей к 7 июня, угрожая, что пойдет на Азов и Таганрог. Но лошади не были возвращены, и Булавин разослал по городкам грамоты о сборе казаков по 7 из десятка.

13 июня Булавин поставил в кругу вопрос о походе на Азов, но черкасские и низовые казаки отклонили это предложение, ссылаясь на недостаток людей.

Булавин писал кубанским татарам, чтобы они пригнали в Черкасск 2000 лошадей. Однако кубанцы пригнали только 500.

Весь конец мая и особенно июнь Булавин был в очень тяжелом положении.

Лишь к началу июля подошли верховцы. В распоряжении Булавина оказалось значительное войско, и 5 июля он двинул его на Азов под начальством Хохлача.

Таким образом, поход на Азов был тесно связан с попыткой отбить отогнанных лошадей, что было необходимо для осуществления отступления на юг.

Между тем войска Апраксина, Хованского, Бахметьева, В. Долгорукова и Шидловского, осуществляя план Петра I, намеченный им в письме к Меншикову

¹ Кабинет Петра I, отд. II, кн. 7, л. 1277 об.

² Там же, отд. I, кн. 18, ч. 1-я, л. 530.

³ Кабинет Петра I, отд. II, кн. 8, л. 224.

от 16 мая, полукольцом охватили донские поселения, образовав барьер, препятствующий проникновению в русские области отрядов булави́нцев¹.

Долгорукову удалось взять Есауловский городок и этим не допустить соединения булави́нских отрядов, отступавших на Кубань с целью сохранить свои силы.

Первое столкновение повстанцев с Хованским произошло у Перекопского городка. Ниже Пашина 23 августа Мамонов догнал новую партию в 4000 человек, не считая женщин и детей. Эта партия почти целиком была уничтожена.

После сражения у Пашина Хованский двинулся вверх по Дону, разоряя и выжигая городки, и 31 августа встретил в Кременском городке большую партию отступавших повстанцев из 39 верховских городков. Этой партии дорога на юг была отрезана, и она вынуждена была принести повинную².

Все многочисленные группы отступающих имели одно направление, причем двигались они вместе с семьями и большими обозами.

Но путь на юг для повстанцев был отрезан войсками Василия Долгорукова и Хованского. Ушел на Кубань со своим отрядом только один Некрасов.

* * *

В конце книги, в «Приложениях», В. Лебедевым дан ряд архивных документов.

Часть документов подана неудовлетворительно: довольно часты опечатки, некоторые документы приведены в сокращенном виде, причем во многих случаях пропуск в тексте не показан многоточием, имеют место неправильные чтения, искажающие смысл, встречается и передача некоторых мест документа своими словами.

Так, в «письме Семена Драного к запорожцам» (стр. 94-а) напечатано: «...по указу войска донского всей реки Дону и всех запольных речек, где обретается наша казачья присутствиие» (пропуск и разрядка мои. — В. П.). В подлиннике подчеркнутые слова читаются: «обретается наш казачий присуд».

В том же письме в конце (стр. 95) напечатано: «чтоб над нами Русь не владела, но общая наша казачья слава была». В подлиннике читается так: «...чтоб над нами Русь не владела и общая наша казачья слава в посмех не была».

В «письме к старшинам кубанских казаков» (стр. 92) напечатано: «...и со всех запольных речек на острову изо всякой станицы старшин людей, кроме молодых которые в третчине (в туречине)». Пояснение в скобках дано неверное: «третчина», не «туречина», а третья часть, т. е. в по-

¹ «Письма и бумаги Петра Великого». Т. VII, стр. 176.

² ГАФКЭ. Смотренные списки В. Долгорукова № 83. Кабинет Петра I, отд. II, кн. 8, лл. 55, 60 и далее.

ход выступила третья часть казаков городка.

На 95 стр. «Письмо атамана Некрасова в Черкасск» передано крайне небрежно и неточно.

Приведенные примеры показывают, что, изучая булави́нское движение по документам, данным в приложениях к книге Лебедева, читатель должен относиться к ним с достаточной осторожностью.

Р. Тагиров

МОЛОК А. «Белый террор во Франции в 1871 году». Изд-во ЦК МОПР. М. 1936. 72 стр. 75 коп.

Рецензируемая книга, выпущенная к 65-й годовщине Парижской коммуны, служит подтверждением заявления К. Маркса, сделанного им в его гениальной работе «Гражданская война во Франции 1871 г.»:

«Париж рабочих с его Коммуной всегда будут чествовать как славного предвестника нового общества. Его мученики воздвигли себе памятник в великом сердце рабочего класса. Его палачей история уже теперь пригвоздила к тому позорному столбу, от которого не в силах будут освободить все молитвы его попов»³.

Работа Молока начинается статьей В. И. Ленина «Памяти Коммуны», которая служит исходным моментом для понимания дальнейшего материала книги.

Книга эта является обвинительным актом по адресу версальцев, она показывает звериную ненависть французской и международной буржуазии к парижским коммунарам. Террор против участников Парижской коммуны выразился «в репрессиях по отношению к поддерживавшим Коммуну газетам, в арестах ее сторонников, в массовых расстрелах без суда ее бойцов». «Дома, в которых укрывались национальные гвардейцы, жандармы окружали, обливали керосином... и поджигали... (стр. 9 и 10). Клевета, саботаж, вредительство — все было пущено в ход для того, чтобы сокрушить коммунаров» (стр. 9 и 10).

В книге достаточно подробно излагается, как было организовано дело подавления Коммуны. Буржуазные газеты типа «Фигаро» рекомендовали расправиться с коммунарами, как с дикими зверями. Арестовано было 50 тысяч человек. Арестовывали «за один взгляд со страдания, брошенный на побежденных» (стр. 13). Репрессиям подвергались не только взрослые мужчины, но женщины

³ К. Маркс «Избранные произведения». Т. II, стр. 410. ИМЭЛ. Партиздат. 1933.

от 16 мая, полукольцом охватили донские поселения, образовав барьер, препятствующий проникновению в русские области отрядов булави́нцев¹.

Долгорукову удалось взять Есауловский городок и этим не допустить соединения булави́нских отрядов, отступавших на Кубань с целью сохранить свои силы.

Первое столкновение повстанцев с Хованским произошло у Перекопского городка. Ниже Пашина 23 августа Мамонов догнал новую партию в 4000 человек, не считая женщин и детей. Эта партия почти целиком была уничтожена.

После сражения у Пашина Хованский двинулся вверх по Дону, разоряя и выжигая городки, и 31 августа встретил в Кременском городке большую партию отступавших повстанцев из 39 верховских городков. Этой партии дорога на юг была отрезана, и она вынуждена была принести повинную².

Все многочисленные группы отступающих имели одно направление, причем двигались они вместе с семьями и большими обозами.

Но путь на юг для повстанцев был отрезан войсками Василия Долгорукова и Хованского. Ушел на Кубань со своим отрядом только один Некрасов.

* * *

В конце книги, в «Приложениях», В. Лебедевым дан ряд архивных документов.

Часть документов подана неудовлетворительно: довольно часты опечатки, некоторые документы приведены в сокращенном виде, причем во многих случаях пропуск в тексте не показан многоточием, имеют место неправильные чтения, искажающие смысл, встречается и передача некоторых мест документа своими словами.

Так, в «письме Семена Драного к запорожцам» (стр. 94-а) напечатано: «...по указу войска донского всей реки Дону и всех запольных речек, где обретается наша казачья присутствиие» (пропуск и разрядка мои. — В. П.). В подлиннике подчеркнутые слова читаются: «обретается наш казачий присуд».

В том же письме в конце (стр. 95) напечатано: «чтоб над нами Русь не владела, но общая наша казачья слава была». В подлиннике читается так: «...чтоб над нами Русь не владела и общая наша казачья слава в посмех не была».

В «письме к старшинам кубанских казаков» (стр. 92) напечатано: «...и со всех запольных речек на острову изо всякой станицы старшин людей, кроме молодых которые в третчине (в туречине)». Пояснение в скобках дано неверное: «третчина», не «туречина», а третья часть, т. е. в по-

¹ «Письма и бумаги Петра Великого». Т. VII, стр. 176.

² ГАФКЭ. Смотренные списки В. Долгорукова № 83. Кабинет Петра I, отд. II, кн. 8, лл. 55, 60 и далее.

ход выступила третья часть казаков городка.

На 95 стр. «Письмо атамана Некрасова в Черкасск» передано крайне небрежно и неточно.

Приведенные примеры показывают, что, изучая булави́нское движение по документам, данным в приложениях к книге Лебедева, читатель должен относиться к ним с достаточной осторожностью.

Р. Тагиров

МОЛОК А. «Белый террор во Франции в 1871 году». Изд-во ЦК МОПР. М. 1936. 72 стр. 75 коп.

Рецензируемая книга, выпущенная к 65-й годовщине Парижской коммуны, служит подтверждением заявления К. Маркса, сделанного им в его гениальной работе «Гражданская война во Франции 1871 г.»:

«Париж рабочих с его Коммуной всегда будут чествовать как славного предвестника нового общества. Его мученики воздвигли себе памятник в великом сердце рабочего класса. Его палачей история уже теперь пригвоздила к тому позорному столбу, от которого не в силах будут освободить все молитвы его попов»³.

Работа Молока начинается статьей В. И. Ленина «Памяти Коммуны», которая служит исходным моментом для понимания дальнейшего материала книги.

Книга эта является обвинительным актом по адресу версальцев, она показывает звериную ненависть французской и международной буржуазии к парижским коммунарам. Террор против участников Парижской коммуны выразился «в репрессиях по отношению к поддерживавшим Коммуну газетам, в арестах ее сторонников, в массовых расстрелах без суда ее бойцов». «Дома, в которых укрывались национальные гвардейцы, жандармы окружали, обливали керосином... и поджигали... (стр. 9 и 10). Клевета, саботаж, вредительство — все было пущено в ход для того, чтобы сокрушить коммунаров» (стр. 9 и 10).

В книге достаточно подробно излагается, как было организовано дело подавления Коммуны. Буржуазные газеты типа «Фигаро» рекомендовали расправиться с коммунарами, как с дикими зверями. Арестовано было 50 тысяч человек. Арестовывали «за один взгляд со страдания, брошенный на побежденных» (стр. 13). Репрессиям подвергались не только взрослые мужчины, но женщины

³ К. Маркс «Избранные произведения». Т. II, стр. 410. ИМЭЛ. Партиздат. 1933.

и дети. Вот один из многочисленных фактов, приведенных в книге.

«Я видел, — рассказывает один очевидец, — как из военного суда вышло шестеро детей, которых вели четыре полицейских. Старшему было на вид лет 12, а самому младшему не было и 6. Бедные дети плакали, проходя через толпу негодяев, кричавших: «Расстрелять их, расстрелять! Иначе из них вырастут инсургенты». Самый маленький был в деревянных башмаках на босу ногу, на нем были только панталоны и рубашка, и он заливался горькими слезами. Я видел, как они вошли в казарму Лобо...» (стр. 14).

А таких детей было отдано под суд всего 650.

Версальцы жестоко издевались над видными деятелями Коммуны. Так например один из членов Коммуны, руководитель парижской организации Интернационала, рабочий-переплетчик Эжен Варлен был арестован по доносу священника. Его «в течение двух часов водили по улицам Монмартра под улюлюканье обывательской черни и пьяных солдат; избитый до полусмерти, он в момент расстрела уже не мог держаться на ногах и был расстрелян в сидячем положении» (стр. 17). «Некоторых коммунаров привязывали к хвосту лошади и тащили таким образом вперед...» (стр. 21). Не менее жестоко обращались с детьми. «Секретарь капитана Мерсеро ударом ноги в живот убил одного малютку. Сын скрывшегося члена Коммуны Ранвье, мальчик 12 лет, был жестоко избит за то, что отказался выдать убежище своего отца» (стр. 30).

Автор дает запоминающуюся картину мужественного поведения коммунаров на суде, перед казнью, описывает, как они продолжали свое дело, даже будучи сосланными на каторгу в Новую Каледонию.

Классики марксизма — Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин — подчеркивали, что одной из основных причин поражения Парижской коммуны являлось отсутствие крепкой пролетарской партии. «...Энгельс и Маркс определили Парижскую коммуну как диктатуру пролетариата, которой, как известно, руководили две партии, из коих ни одна не была марксистской...»¹.

В беседе с иностранными рабочими делегациями товарищ Сталин указывал, что «парижские коммунары были слишком мягки в отношении версальцев, за что их с полным основанием ругал в свое время Маркс. А за свою мягкость они поплатились тем, что, когда Тьер вошел в Париж, десятки тысяч рабочих были расстреляны версальцами»².

¹ И. Сталин «Еще раз о социал-демократическом уклоне». Сборник «Об оппозиции», стр. 509. Партиздат. 1928.

² И. Сталин «Беседа с иностранными рабочими делегациями». Сборник «Вопросы ленинизма», стр. 313. Партиздат. 1932.

Опыт Парижской коммуны был учтен большевиками, и «никакие ужасы белого террора, сопровождавшие подавление революции 1905 года... никакие виселицы, никакие карательные экспедиции царских генералов Римана, Ренненкампа, Меллер-Закомельского и других не смогли помешать конечной победе трудящихся нашей страны» (стр. 70).

В четвертой главе автор показывает, как поражение Парижской коммуны превратилось в праздник европейской реакции. Разгрому Коммуны радовались не только европейский жандарм русский император Александр II и германский кайзер Вильгельм I, но и ряд других правительств. Для коммунаров были закрыты границы Бельгии, Испании, Италии. Таким образом, призыв министра иностранных дел Франции Жюль Фавра об оказании французской буржуазии помощи в деле борьбы против коммунаров не был оставлен без внимания.

По предложению Бисмарка, был создан «Священный союз» не только против коммунаров, но и против I интернационала.

Усилились репрессии и провокации в отношении деятелей I интернационала, им приписывалось намерение «поджечь Лондон, поджечь Варшаву и т. д.» (стр. 59).

Особенно усилились клеветнические выпады против вождя I интернационала Карла Маркса.

В ответ на угрозы Маркс в письме к Кугельману пишет: «...я имею честь быть в настоящий момент человеком, на которого во всем Лондоне всего сильнее клеветают и которому более всего грозят. Это, право же, отлично после двадцатилетней болотной идилии. Правительственный орган — «Обсервер» — грозит мне судебным преследованием. Пусть осмелятся! Плюю я на этих каналий!» (стр. 59).

В работе тов. Молока приводятся материалы, описывающие борьбу рабочих США и Европы против клеветнических выпадов буржуазии по адресу коммунаров.

Так например лейпцигская социалистическая газета «Фольксштаат» в номере от 30 июня 1871 года писала:

«Ликуйте, победители, пока вы еще можете заглушить свой внутренний страх. Мы тоже ликуем, несмотря на траур по павшим братьям, ибо борьба показала нам, как мы окрепли со времени 1848 года, и мы можем сказать, что близко то время, когда вы нас больше победить не сможете» (стр. 62).

В четвертой главе тов. Молок приводит ряд фактов, свидетельствующих о помощи Маркса и I интернационала в деле спасения коммунаров от репрессий после поражения Коммуны. Но для полноты картины и для характеристики

многогранной работы Маркса в этой области надо было показать его борьбу против выпадов буржуазной прессы по адресу Коммуны до ее поражения. В этой борьбе Маркс одержал некоторую победу, о чем он писал в письме коммунарам Франкелю и Варлену 13 мая 1871 года:

«Я написал по вашему делу несколько сот писем во все концы света, где существуют наши организации. Впрочем, рабочий класс был за Коммуну, с самого ее возникновения. Даже английские буржуазные газеты отказались от своего ожесточенного отношения к Коммуне, какое у них было в первое время. От времени до времени мне даже удается поме-

щать в них сочувственные заметки»¹.

Автору необходимо было также указать, что наряду с установлением диктатуры пролетариата в Париже были сделаны попытки установить Коммуну и в других городах Франции (Лионе, Марселе, Лиможе, Крезе, Тулузе, Нарбонне, Сент-Этьене).

Книга тов. Молока написана популярным языком и является ценным вкладом в литературу по истории Парижской коммуны.

¹ Хрестоматия «Новая история в документах и материалах». Вып. II, стр. 381. Под редакцией Лукина и Далина. Огиз. Соцэкгиз. 1934. (Разрядка моя. — Р. Т.).

КНИЖНАЯ ПОЛКА

«Английская деревня XIII — XIV вв. и восстание Уота Тайлера». Стр. 233. Ц. 3 р. 30 к.

Составлена Е. А. Косминским и Д. М. Петрушевским. Издание Московского государственного университета. 1935.

В этой работе собраны документы, характеризующие английскую деревню XIII—XIV веков, рабочее законодательство XIV века и восстание Уота Тайлера. Часть документов публикуется впервые на русском языке. Вводная статья тов. Косминского дает общую характеристику английской деревни того периода и излагает причины, движущие силы и результаты крестьянского восстания 1381 года*.

«Французская деревня XII—XIV вв. и Жакерия». Стр. 104. Ц. 1 р. 35 к.

Документы. Перевод. Вводная статья и примечания Н. П. Грацианского. Издание Московского государственного университета. 1935.

Подобранные в настоящей книге документы характеризуют разные категории французского крестьянства (крепостных, вилланов и свободных поселенцев) и увеличение их повинностей в XI—XII веках.

Сборник показывает своеобразные формы освобождения крестьян от крепостной зависимости, вызванного фискальными интересами сеньеров, в связи с развитием товарности сельского хозяйства в XIII—XIV веках.

Книга дает характеристику разорения крестьян бандами наемных солдат (бригандов) и усиления сеньериального гнета в столетнюю войну; вызванного этим гнетом стихийного крестьянского восстания против дворян — Жакерии, хотя и проходившего при некотором содействии городского населения, но в общем не встретившего решительной поддержки городов; наконец, кровавого подавления этого восстания рыцарями. Кни-

га предназначена для семинарских занятий студентов исторических факультетов, аспирантов, преподавателей истории и широкого круга читателей, интересующихся этой эпохой*.

«Внешняя политика Великобритании. «Бдительные», «Расследование о мире». Перевод с английского со вступительной статьей К. Радека. Стр. 298. Ц. 6 р. 25 к.

Государственное социально-экономическое издательство. 1936.

Предлагаемая читателю книга состоит из трех частей: 1) книга трех анонимных публицистов, примыкающих к английской рабочей партии, — «Расследование о мире». Авторы пишут под псевдонимом «Бдительные»; 2) две главы из книги бывшего начальника отдела печати английского министерства иностранных дел Виллerta «Границы Англии»; 3) глава, посвященная внешней политике, из книги бывшего министра колонии Эмери «Взгляд в будущее».

Книга «Внешняя политика Великобритании» содержит ряд удачно подобранных документов, свидетельствующих о борьбе мнений в правящем английском лагере, и резко критикует политику национального правительства с точки зрения левых кругов лейбористов. Глава из книги Л. Эмери четко выражает позиции так называемых изоляционистов. Книга Виллerta излагает точку зрения тех кругов английской буржуазии, которые стоят на позиции коллективной безопасности.

Предлагаемая книга представляет большой политический интерес и может быть рекомендована как историкам, занимающимся проблемами послевоенной политики Англии, так и широкому кругу читателей в качестве материала, способствующего лучшей ориентации в вопросах внешней политики крупнейшей империалистической страны.

многогранной работы Маркса в этой области надо было показать его борьбу против выпадов буржуазной прессы по адресу Коммуны до ее поражения. В этой борьбе Маркс одержал некоторую победу, о чем он писал в письме коммунарам Франкелю и Варлену 13 мая 1871 года:

«Я написал по вашему делу несколько сот писем во все концы света, где существуют наши организации. Впрочем, рабочий класс был за Коммуну, с самого ее возникновения. Даже английские буржуазные газеты отказались от своего ожесточенного отношения к Коммуне, какое у них было в первое время. От времени до времени мне даже удается поме-

щать в них сочувственные заметки»¹.

Автору необходимо было также указать, что наряду с установлением диктатуры пролетариата в Париже были сделаны попытки установить Коммуну и в других городах Франции (Лионе, Марселе, Лиможе, Крезе, Тулузе, Нарбонне, Сент-Этьене).

Книга тов. Молока написана популярным языком и является ценным вкладом в литературу по истории Парижской коммуны.

¹ Хрестоматия «Новая история в документах и материалах». Вып. II, стр. 381. Под редакцией Лукина и Далина. Огиз. Соцэкгиз. 1934. (Разрядка моя. — Р. Т.).

КНИЖНАЯ ПОЛКА

«Английская деревня XIII — XIV вв. и восстание Уота Тайлера». Стр. 233. Ц. 3 р. 30 к.

Составлена Е. А. Косминским и Д. М. Петрушевским. Издание Московского государственного университета. 1935.

В этой работе собраны документы, характеризующие английскую деревню XIII—XIV веков, рабочее законодательство XIV века и восстание Уота Тайлера. Часть документов публикуется впервые на русском языке. Вводная статья тов. Косминского дает общую характеристику английской деревни того периода и излагает причины, движущие силы и результаты крестьянского восстания 1381 года*.

«Французская деревня XII—XIV вв. и Жакерия». Стр. 104. Ц. 1 р. 35 к.

Документы. Перевод. Вводная статья и примечания Н. П. Грацианского. Издание Московского государственного университета. 1935.

Подобранные в настоящей книге документы характеризуют разные категории французского крестьянства (крепостных, вилланов и свободных поселенцев) и увеличение их повинностей в XI—XII веках.

Сборник показывает своеобразные формы освобождения крестьян от крепостной зависимости, вызванного фискальными интересами сеньеров, в связи с развитием товарности сельского хозяйства в XIII—XIV веках.

Книга дает характеристику разорения крестьян бандами наемных солдат (бригандов) и усиления сеньериального гнета в столетнюю войну; вызванного этим гнетом стихийного крестьянского восстания против дворян — Жакерии, хотя и проходившего при некотором содействии городского населения, но в общем не встретившего решительной поддержки городов; наконец, кровавого подавления этого восстания рыцарями. Кни-

га предназначена для семинарских занятий студентов исторических факультетов, аспирантов, преподавателей истории и широкого круга читателей, интересующихся этой эпохой*.

«Внешняя политика Великобритании. Бдительные». «Расследование о мире». Перевод с английского со вступительной статьей К. Радека. Стр. 298. Ц. 6 р. 25 к.

Государственное социально-экономическое издательство. 1936.

Предлагаемая читателю книга состоит из трех частей: 1) книга трех анонимных публицистов, примыкающих к английской рабочей партии, — «Расследование о мире». Авторы пишут под псевдонимом «Бдительные»; 2) две главы из книги бывшего начальника отдела печати английского министерства иностранных дел ВиллERTA «Границы Англии»; 3) глава, посвященная внешней политике, из книги бывшего министра колонии Эмери «Взгляд в будущее».

Книга «Внешняя политика Великобритании» содержит ряд удачно подобранных документов, свидетельствующих о борьбе мнений в правящем английском лагере, и резко критикует политику национального правительства с точки зрения левых кругов лейбористов. Глава из книги Л. Эмери четко выражает позиции так называемых изоляционистов. Книга ВиллERTA излагает точку зрения тех кругов английской буржуазии, которые стоят на позиции коллективной безопасности.

Предлагаемая книга представляет большой политический интерес и может быть рекомендована как историкам, занимающимся проблемами послевоенной политики Англии, так и широкому кругу читателей в качестве материала, способствующего лучшей ориентации в вопросах внешней политики крупнейшей империалистической страны.

Е. ШТЕЙНБЕРГ «Очерки истории Туркмении». Огиз. Соцэкгиз. 1934. Стр. 168. Ц. 1 р. 50 к.

Книга Е. Г. Штейнберга дает краткий очерк истории Туркмении, начиная с родового строя у разрозненных кочевых племен и кончая консолидацией туркмен как нации в СССР.

В главах, посвященных периоду после Великой пролетарской революции, показано, как благодаря ленинско-сталинской политике ВКП(б) страна из колониально-сырьевой базы русского капитализма превращается в полноправную социалистическую республику. В книге дана критика ошибочных взглядов ряда авторов по вопросу о роли царского завоевания, а также критика троцкистской теории о том, что пролетарская революция в Туркмении была революцией исключительно русского населения городов*.

«К истории Бурято-Монголии». Огиз. Соцэкгиз. 1935. Стр. 181. Ц. 2 р. 75 к.

Предлагаемая вниманию читателя книга представляет собой обработанную стенограмму дискуссии при Бурято-монгольском институте культуры по основным вопросам истории бурято-монголов.

Участники дискуссии опираются на исторические документы, относящиеся к патриархально-родовым, феодальным и капиталистическим отношениям Бурято-Монголии, и на документы, характеризующие ее колониальное положение со второй половины XVII века. Несмотря на ошибочные установки некоторых участников дискуссии книга имеет ценное значение для организации марксистской работы по истории Бурято-Монголии*.

«Авантюры русского царизма в Болгарии». Сборник документов. Составитель П. Павлович. Предисловие В. Коларова. Огиз. Соцэкгиз. 1935. стр. 240. Ц. 3 р.

Книга «Авантюры русского царизма в Болгарии» содержит неопубликованные материалы царских архивов, раскрывающие содержание и методы русской захватнической политики на Балканах и предательскую политику болгарской буржуазии, шедшей в услужение к российскому царизму. Статьи дают историческую справку о русской наступательной политике на Балканах с конца XVIII века*.

В. НЕВЛЕР (Вилин) «К истории воссоединения Италии». Соцэкгиз. 1936. Стр. 168. Ц. 3 р.

Аннотируемая работа является попыткой дать марксистскую оценку революции 1848 года и всего последующего национально-освободительного движения в Италии, этого малоисследованного участка в нашей исторической литературе. На конкретном фактическом материале автор выясняет значение национально-освободительного движения в революции и показывает, как основопо-

ложники научного социализма — Маркс и Энгельс — руководили итальянским революционным движением во второй половине XIX века, разъясняет их тактику и стратегию в этом движении. Книга рассчитана на студентов исторических факультетов и исторических отделений институтов и на партийный актив*.

К. ФЕЛЬДМАН «Восстание на «Потемкине» 1905 года». Воспоминания участников. Госвоенгиз. 1935. Стр. 96. Ц. 50 к.

Небольшого формата брошюра К. Фельдмана посвящена одной из героических и блестящих страниц революции 1905 года — восстанию на «Потемкине». Автор, активный участник этого восстания, в живом изложении описывает весь ход событий этого восстания на общем фоне революционной борьбы в 1905 году.

Книжка рассчитана на массового читателя*.

Я. Я. СТРЕЙС «Три путешествия». Соцэкгиз. 1935. Стр. 415. Ц. 10 р.

Я. Я. Стрейс — голландский парусный мастер, совершивший в XVII веке ряд путешествий по Италии, Греции, Лифляндии, России, Персии, Ост-Индии, Японии и другим странам. Предлагаемая вниманию читателя книга Я. Стрейса представляет собой его записки о всем том, что ему пришлось видеть и слышать за время его длительных путешествий.

Записки Стрейса интересны в том отношении, что они отражают борьбу европейских торговых компаний и отдельных купцов за Московию и Восток, а также содержат некоторые сведения о Московской Руси середины XVII века, о восстании Степана Разина, т. е. как раз о тех событиях, которые менее всего изучены нашей исторической литературой. Книга Стрейса — это не только занимательное чтение, но и ценный исторический документ.

Записки Я. Я. Стрейса впервые издаются полностью в переводе с первого голландского издания 1673 года и с воспроизведением иллюстративного материала подлинника.

Г. ДИМИТРОВ «Перед фашистским судом». Партиздат ЦК ВКП(б). 1936.

Прекрасно изданная книга «Г. Димитров перед фашистским судом» представляет собой сборник документов, писем, набросков периода ареста и лейпцигского процесса. По сравнению с вышедшими до сих пор изданиями писем и документов тов. Димитрова в различных странах на иностранных языках предлагаемый читателю сборник является наиболее полным. Сборник включает около 16 новых, нигде еще не опубликованных документов из архива тов. Димитрова, дополнительно освещающих ряд важных моментов лейпцигского процесса. В книге даны также некоторые высказывания самого тов. Димитрова после его освобождения.

Сборник бросает яркий свет на процесс в целом и на отдельные моменты этой исторической схватки между фашизмом и коммунизмом.

М. ЛИТВИНОВ «Внешняя политика СССР». Государственное социально-экономическое издательство. Москва. 1935. Стр. 364. Ц. 6 р.

В данной книге впервые собраны воедино речи и заявления тов. М. М. Литвинова. Книга охватывает период 1927—1935 годов, начиная с первого выступления тов. Литвинова на подготовительной комиссии к конференции по разоружению.

Собранные в данной книге выступления тов. Литвинова являются ценнейшими документами борьбы Советского союза за мир в период большой исторической значимости, отмеченный существеннейшими сдвигами не только в соотношении сил между страной социализма и странами капитализма, но и в отношениях внутри самого капиталистического мира.

В приложениях к книге даются некоторые дипломатические ноты М. М. Литвинова за этот период, представляющие наибольший принципиальный интерес и трактующие основные вопросы организации мира.

Протоколы одиннадцатого съезда РКП(б). Партиздат ЦК ВКП(б). 1936. Стр. 839. Ц. 8 р.

Настоящее издание протоколов XI съезда значительно расширено по сравнению с изданием 1922 года. Текст проверен по стенографическим записям, дополнен и уточнен.

Помимо основного текста протоколов и резолюций в настоящем издании даются следующие разделы: 1) Ленин и XI съезд, 2) Материалы съезда и 3) Приложения.

Настоящее издание снабжено примечаниями, предметным и именованным указателями и указателями ораторов, местных партийных организаций и литературных источников.

ЖОРЖ ЛЕФЕВР «Аграрный вопрос в эпоху террора». Соцэкгиз. Ленинград. 1936. Стр. 204. Ц. 5 р. 35 к.

Книга является переводом работы известного исследователя социально-экономической истории Франции эпохи французской революции 1789 года.

Богатый конкретный исторический материал этой книги дает возможность воссоздать картину социально-экономических отношений во французской деревне конца XVIII века.

Книга рассчитана на преподавателей истории и студентов исторических факультетов *.

Н. П. ГРАЦИАНСКИЙ «Бургундская деревня в X—XII столетиях». Огиз. Соцэкгиз. 1935. Стр. 255. Ц. 5 р.

Книга Н. П. Грацианского представляет собой результат длительной работы

автора над проблемами аграрного строя юго-восточной Франции.

Несмотря на весьма серьезные и неверные методологические установки, книга Н. П. Грацианского представляет ценность обилием фактического документального материала, приводимого, как правило, в подлиннике, и может быть рекомендована преподавателям истории и студентам старших курсов исторических факультетов в качестве подсобного материала при изучении аграрного строя средневековой Франции.

«Международные отношения в эпоху империализма». Документы из архивов царского и временного правительств 1878—1917 годов. Серия III. Том VIII. Часть 1-я. Соцэкгиз. 1935. Стр. 578. Ц. 10 р.

Том VIII сборника документов «Международные отношения в эпоху империализма» включает в себе дипломатическую переписку за время с 24 (11) мая 1915 года по 16 (3) октября 1915 года. Значительная часть документов относится к попыткам империалистических правительств Англии, Франции и России втянуть в мировую войну в качестве союзников Болгарию, Румынию и Грецию. В сборнике имеется ряд документов, которые проливают некоторый свет на хищническую захватническую политику империалистической Японии в Китае в годы мировой войны. В этом же сборнике помещен полный текст нашумевшего письма М. Васильчиковой Николаю II по вопросу о заключении сепаратного мира с Германией. Сборник может быть рекомендован в качестве материала для товарищей, работающих по истории международной политики в годы империалистической войны.

АРИСТОТЕЛЬ «Афинская полития». Государственное устройство афинян. Соцэкгиз. 1936. Стр. 198. Ц. 4 р. 25 к.

«Афинская полития» является одним из важнейших первоисточников для изучения истории древней Греции классического периода.

В первой ее части дается связная история политического строя Афин с VII до V века до нашей эры, вторая содержит детальное описание политического строя Афин конца IV века до нашей эры.

В предисловии дается характеристика социально-политических взглядов Аристотеля и той исторической среды, в которой эти взгляды сложились.

В приложениях даются параллельные места из сочинений других писателей, освещающие и дополняющие изложение Аристотеля; в том числе полностью приводится олигархический памфлет, известный под именем псевдо-ксенофонта.

Книга является пособием для студентов истфаков, университетов и институтов *.

**ВАЛЕРИАН ВЛАДИМИРОВИЧ КУЙ-
БЫШЕВ.** Материалы к биографии. Парт-
издат ЦК ВКП(б). 1936. Стр. 178. Ц. 3 р.
85 к.

Книга «Валериан Владимирович Куй-
бышев», вышедшая из печати в 1936 го-
ду, представляет собою сборник мате-
риалов и отдельных эпизодов, освеща-
ющих детство и основные моменты его
революционной работы в царской Рос-
сии (1904—1917 годы). В сборник вошли
ранее опубликованные воспоминания ря-
да товарищей о В. В. Куйбышеве и до-
кументы царской охранки, а также вос-
поминания об отдельных эпизодах из
жизни В. В. Куйбышева, написанные им
самим. Все материалы подобраны и си-
стематизированы в хронологическом по-
рядке. Сборник издан к годовщине со-
дня смерти В. В. Куйбышева и является
большим вкладом в дело изучения био-
графии В. В. Куйбышева, отдавшего
тридцать лет революционной работы де-
лу рабочего класса, делу коммунизма.

П. СЕМЕРНИН «Рабочий класс в
революции 1905—1907 годов в Азово-
Черноморском и Северокавказском кра-
ях». Азово-Черноморское краевое книго-
издательство. Ростов на Дону. 1935. Стр.
224. Ц. 3 р. 50 к.

Книга тов. П. Семернина представляет
собой первую серьезную работу, верно,
по-большевистски освещающую ход ре-
волюции 1905—1907 годов в Азово-Чер-

номорье и на Северном Кавказе и осо-
бенно роль в ней рабочего класса и его
большевистского авангарда. Работа тов.
Семернина разоблачает ошибки, допу-
щенные в некоторых работах по истории
революции 1905—1907 годов в Азово-
Черноморье и на Северном Кавказе,
ошибки, извращающие действительный
ход революционных событий и роль в
этих событиях партии большевиков и
рабочего класса.

Построенная на большом количестве
фактического материала, работа тов. Се-
мернина может быть рекомендована как
научным работникам, преподавателям,
пропагандистам, так и учащимся-студен-
там, а равно и массовому читателю.

С. БАНТКЕ «Борьба за создание ком-
мунистической партии Франции». Парт-
издат ЦК ВКП(б). 1936. Стр. 247. Ц. 3 р.
75 к.

Книга С. Бантке представляет собой
первую часть работы, посвященной
истории борьбы за создание коммуни-
стической партии Франции, и охватывает
период с 1914 по 1918 год. Работа
С. Бантке на большом материале пока-
зывает не только самый процесс борьбы
за создание компартии Франции, но и
освещает ряд вопросов из военной и по-
литической истории Франции за этот пе-
риод.

* Звездочкой отмечены аннотации
книжных издательств, помещенные в
«Книжной полке» без изменений.

И. К. П.
Кабинет истории

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА 2-е ПОЛУГОДИЕ 1936 ГОДА
НА РУКОВОДЯЩИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ
И ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ОРГАН ИККИ
„КОММУНИСТИЧЕСКИЙ
ИНТЕРНАЦИОНАЛ“

18-й ГОД ИЗДАНИЯ

Выходит 1 раз в месяц в увеличенном объеме

Журнал реорганизуется. Кроме существующих постоянных отделов («Люди Коминтерна», «Политические заметки») вводятся новые постоянные рубрики: «Международное рабочее движение», «В секциях Коминтерна», «В Исполкоме Коминтерна».

Каждый партиец, комсомолец и беспартийный активист, желающий быть в курсе международной революционной борьбы и ориентироваться в актуальных проблемах Коминтерна, должен выписать журнал «КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ».

Подписка принимается «Союзпечатью», почтой, письмомосцами, уполномоченными по партпечати на предприятиях и в учреждениях и уполномоченными издательств политотдельских газет на железнодорожном транспорте.

В розничной продаже журнал продается во всех киосках «Союзпечати».

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА на 1936 год:

На 1 месяц—1 рубль

„ 3 „ —3 „

„ 6 „ —6 „

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП(б) «ПРАВДА»

ОДЕРЖАНИЕ

Проект Конституции (основного закона) Союза Советских Социалистических Республик	18
Б. КОТЛЯР—Сталинская Конституция	31
В. ИРВОТНИ—Великий русский писатель	37
Жизненный путь Алексея Максимовича	

ИСТОРИЯ ПАРТИИ

А. АЗИЗОВ—X съезд партии	49
------------------------------------	----

ИСТОРИЯ СССР

А. ВОЛОК—Царская Россия и революция 1830 г. во Франции	63
--	----

И ИСТОРИИ МОНГОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

В. ЮДИН—15-летие освобождения Монголии	67
--	----

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ

И. ЗАХАРОВ—Страбон и его география	78
--	----

СРЕДНЯЯ ИСТОРИЯ

И. АРСКИЙ—Восстание „куруцев“ в Венгрии в 1514 г.	80
---	----

НОВАЯ ИСТОРИЯ

Г. БЫКОВ—Борьба сельскохозяйственного пролетариата в Англии во второй половине XIX столетия	102
---	-----

БИБЛИОГРАФИЯ

Б. АДАШОВ—Раймонд Пуанкаре „Воспоминания 1914—1918 гг.“	113
В. ПОПОВ—В. И. Лебедев „Булавинское восстание 1707—1708 гг.“	117
Р. ТАГИРОВ—Молок А. „Белый террор во Франции в 1871 году“	129

КНИЖНАЯ ПОЛКА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: Б. Ш. ВОЛИН (отв. редактор), А. Ш. ПАНКРАТОВА (зам. отв. редактора), Ф. С. ВЕЙЛАНД (отв. секретарь), С. С. БАТКЕ, Т. Ш. ДУБЫНА

ЗАВ. РЕДАКЦИЕЙ В. П. ОВЕННИЧ-ГЕНЕПКО

ЗАВ. ХУДОЖ. ОТД. Ю. ЦИШЕВСКИЙ

Выбор иллюстрационного материала Н. ФИЛАНСОНОВ

Адрес редакции: Москва, ул. „Правды“, 24. Тел. Д-3-30-48. Прием в редакции от 10 до 3 дня